

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 38

Нижний Новгород

2017

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 38. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – 227 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

М.А. Викулина (*зам. главного редактора*), Е.Г. Ножевникова (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Грачев, Е.С. Гриценко, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.В. Плисов, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, В.М. Строгоцкий, С.В. Устинкин, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2017

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 38

Nizhny Novgorod

2017

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 38. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2017. – 227 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

M. Vikulina (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Nozhevnikova (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Grachev, E. Gritsenko, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), M. Lebedeva
(Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko, E. Plisov,
E. Porshneva, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
V. Strogetsky, S. Ustinkin,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Т.Н. Великода, Л.А. Карева (<i>Магадан</i>) Языковое интуитивное знание как функция ориентации Homo sapiens в когнитивно-рефлексивной среде	11
Э.Ю. Галазов (<i>Владикавказ</i>) Грамматическая категория наклонения в аспекте взаимодействия с другими глагольными грамматическими категориями в современном русском языке	30
К.Г. Голубева, Т.М. Наумова (<i>Нижний Новгород</i>) Концепт punishment в британской лингвокультуре (на основе анализа аллюзивных антропонимов)	44
А.М. Горохова (<i>Нижний Новгород</i>) Паремио-семантическое картирование конструкта «Свободолюбие» британского национального характера (на материале паремиологического фонда английского языка) ...	53
Н.Н. Лисенкова (<i>Нижний Новгород</i>) К проблеме перевода эксплетивных элементов (на материале английского и русского языков)	62
Ю.М. Марченко (<i>Симферополь</i>) К вопросу о современной языковой ситуации в Брюсселе и столичном регионе	72
Е.О. Мидова (<i>Нижний Новгород</i>) О понятии косвенного речевого акта в современной лингвистической прагматике	84
Е.В. Пильгун (<i>Минск</i>) Особенности отражения кризисных ситуаций в британской и российской качественной прессе	96
Ю.В. Рябкова, Ю.Н. Зинцова (<i>Нижний Новгород</i>) Роль текста в наружной социальной рекламе (на материале немецкой социальной кампании „Runter vom Gas“)	108

И.В. Тимошенко (*Орёл*)
Анализ универсального и специфического в семантике
артиклей в английском и французском языках (на материале
переводов глав романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») 118

Л.В. Ягенич (*Симферополь*)
Актуализация письменного дискурса в научной деятельности
врача 126

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

М.В. Аксенова (*Нижний Новгород*)
«Путевые письма из Англии, Германии и Франции»
Н.И. Греча (1839) в социокультурном пространстве 142

О.А. Дронова (*Тамбов*)
Проблема свидетельства и особенности повествования в
ранних романах Йозефа Рота 151

А.А. Фомин (*Нижний Новгород*)
Архетипы греческих богинь и их литературные воплощения ... 160

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.Ю. Акатьев, Г.В. Курицына (*Нижний Новгород*)
Специфика реализации электронного и дистанционного
обучения в НГЛУ на платформе Moodle 166

А.О. Андрух, Г.В. Сороковых (*Москва*)
Процессный подход к оцениванию иноязычной речевой
компетенции бакалавра экономического профиля 176

А.С. Банков, Н.В. Макшанцева (*Нижний Новгород*)
Опыт создания массовых открытых онлайн-курсов (МООК):
от идеи к результату 186

К.Б. Жигалева (<i>Нижний Новгород</i>)	195
Применение арт-технологий на раннем этапе обучения иностранному языку.....	

Фу Цзин (<i>Чунцин</i>)	
Расширение лингвокультурной компетенции иностранных студентов при изучении лексикологии и словообразования русского языка (на материале российских детективных сериалов)	203

РЕЦЕНЗИИ

Г.Л. Гуменная, С.М. Фомин (<i>Нижний Новгород</i>)	
В поисках Александра Улыбышева: обретенная мелодия. Рецензия на книгу: Белоногова В.Ю. Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева. Н. Новгород: Кварц, 2016. 208 с.	214

ХРОНИКА

Дни славянской письменности и культуры в Нижнем Новгороде	220
Международный молодежный форум антинаркотической направленности «Молодежь выбирает жизнь!»	225

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Tatiana Velikoda, Lyudmila Kareva (<i>Magadan</i>) Intuitive Language Competence as the Orientation Function of Homo Sapiens in the Cognitive-Reflexive Domain	11
Eduard Galazov (<i>Vladikavkaz</i>) Interaction of the Grammatical Category of Mood with Other Verbal Categories in Modern Russian	30
Kristina Golubeva, Tatiana Naumova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Concept “Punishment” in the British National Conceptual Sphere (Based on the Analysis of Allusive Anthroponyms)	44
Anna Gorokhova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Paremio-Semantic Mapping of the British National Identity Construct “Freedom” (Based on the Analysis of the English Paremiological Fund).....	53
Nadezhda Lisenkova (<i>Nizhny Novgorod</i>) On Translating Expletive Elements from English into Russian	62
Yulia Marchenko (<i>Simferopol</i>) The Modern Language Situation in Brussels and the Brussels Metropolitan Area	72
Ekaterina Midova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Concept of the Indirect Speech Act in Modern Linguistic Pragmatics	84
Elena Pilgun (<i>Minsk</i>) Depicting Crisis Situations in British and Russian Quality Press ...	96
Iuliia Riabkova, Julia Zintsova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Role of Text in Outdoor Advertizing (Based on the German Social Campaign “Runter vom Gas”)	108

Irina Timoshenko (*Oryol*)
The Universal and the Specific in the Semantics of English and French Articles in Translated Discourse (on the Basis of Translations of “The Master and Margarita” by M. Bulgakov) 118

Larisa Yagenich (*Simferopol*)
Actualization of Written Discourse in Medical Research 126

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Marina Aksenova (*Nizhny Novgorod*)
“Travel Letters from England, Germany, and France” by N.I. Grech (1839) in its Socio-Cultural Environment 142

Olga Dronova (*Tambov*)
The Problem of Witness and Characteristics of the Narration in Joseph Roth’s Early Novels 151

Alexej Fomin (*Nizhny Novgorod*)
Archetypes of the Greek Goddesses and Their Literary Incarnations 160

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Dmitry Akatiev, Galina Kuritsyna (*Nizhny Novgorod*)
Organizing Electronic and Distance Learning at LUNN via the Moodle Platform 166

Alina Andrukh, Galina Sorokovykh (*Moscow*)
A Process Approach to Evaluating Foreign Language Speaking Competences of Economics Majors 176

Andrey Bankov, Natalia Makshantseva (*Nizhny Novgorod*)
Developing Massive Open Online Courses (MOOCs): Moving from the Idea to its Practical Implementation 186

Kseniya Zhigaleva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Implementing Art Technologies in Teaching Foreign Languages to Preschoolers	195
---	-----

Fu Jing (<i>Chongqing</i>) Expanding Lingvocultural Competences of Foreign Students through Studying Lexicology and Word Formation of the Russian Language (Using Russian Detective TV Series)	203
--	-----

REVIEWS

Galina Gumennaya, Sergey Fomin (<i>Nizhny Novgorod</i>) In Search of Alexander Ulybyshev: Discovered Melody. A review of “Forgotten Melody: The Life and Works of Alexander Ulybyshev” by V.Y. Belonogova. Nizhny Novgorod, Kvarz, 2016. 208 p.	214
---	-----

CHRONICLE

Days of Slavic Written Language and Culture in Nizhny Novgorod	220
International Anti-Drug Youth Forum “We Choose Life!”	225

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81-114.4:378.147

ЯЗЫКОВОЕ ИНТУИТИВНОЕ ЗНАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ ОРИЕНТАЦИИ НОМО SAPIENS В КОГНИТИВНО- РЕФЛЕКСИВНОЙ СРЕДЕ

Т.Н. Великода, Л.А. Карева

*Северо-восточный комплексный НИИ ДВО РАН, Магадан
Северо-восточный государственный университет, Магадан*

Статья представляет результаты лингвопедагогического эксперимента с участием студентов первого и третьего курсов Северо-восточного государственного университета (Магадан). Цель эксперимента – доказать авторскую гипотезу об эвристическом потенциале интуитивного языкового знания, способного выполнять функцию активации научной ментальности. В процессе исследования были продемонстрированы творческие возможности и способности студентов развивать теоретические построения исключительно на основе лексической (этимологической и синонимической) семантики термина, без учета его известной понятийной составляющей.

Ключевые слова: этимология, синонимы, инпут, языковая когниция, теоретический конструкт

Intuitive Language Competence as the Orientation Function of Homo Sapiens in the Cognitive-Reflexive Domain Tatiana Velikoda, Lyudmila Kareva

The article presents the results of a linguistic pedagogical experimental study, conducted with the students of the Northeast State University in Magadan, in order to substantiate the authors' hypothesis that the heuristic potential of intuitive language competence may serve as a means of activating scientific mentality. During the study, the students demonstrated creativity and ability to develop theoretical constructs based solely on the knowledge of terms' etymology and synonyms, without being aware of their definitions.

Key words: etymology, synonyms, input, language cognition, theoretical construct

Настоящая статья представляет результаты лингвистического педагогического эксперимента, проведенного со студентами двух групп (юристы первого курса – 9 человек, студенты отделения прикладной информатики третьего курса – 9 человек) Северо-восточного государственного университета.

Целью эксперимента стала проверка авторской гипотезы о когнитивно-развивающей функции языкового знания, а именно – возможности интуитивного восприятия студентами эпистемиологического потенциала незнакомых терминов, использование этого знания как эвристического стимула («инпута») к мгновенному озарению и построение на этой основе собственной научной реальности.

Теоретическими основаниями эксперимента послужили современные достижения в области когнитивной лингвистики, акцентирующие роль языкового знания в развитии когнитивных (лингвокогнитивных) способностей индивидуума, прежде всего биосоциальные и узуальные теории языка.

В целях проведения эксперимента было сформулировано задание с учетом указанной цели, определен четырехэтапный принцип подачи тестового материала, разработана процедура эксперимента, рассчитанного по времени на два академических часа, и пр. Основания для верифицируемости результатов эксперимента включают презумпцию отсутствия частичного или полного знания значения предлагаемых терминов, отсутствие справочных материалов и электронных устройств в процессе эксперимента, а также требование в большей степени полагаться на интуитивное понимание, т. е. спонтанность выполнения тестовых заданий.

Теоретические предпосылки эксперимента

Когнитивно-лингвистические исследования, опирающиеся на новейшие результаты в области нейробиологии, психофизиологии и других сфер естественно-научного знания, рассматриваются в числе наиболее перспективных направлений в современном теоретическом и практическом языкознании. Одной из областей фундаментальных интересов современной когнитивной лингвистики является концептология развития языковых способностей в онтогенезе и филогенезе человека. При этом в качестве основных филогенетических принципов предлагается функционально-биологический подход, в рамках которого речевая функция является продолжением основных биофизиологических функций человеческого организма, обеспечивающих ему возможность ориентироваться в окружающей среде [1; 2].

Данная точка зрения перекликается с ранее выдвинутой теорией аутопоэза, авторами которой являются У. Матурана и Ф. Варела. Согласно этой теории, любой наш опыт, в том числе и языковой, теснейшим образом связан с нашей биологической структурой. При этом язык, как и наша рефлексия относительно познаваемого мира, также является «нашей отправной точкой, нашим *когнитивным инструментом*, пунктом, к которому мы будем постоянно возвращаться» (курсив наш. – Т. В., Л. К.) [3. С. 23]. Опираясь на вышесказанное, мы в рамках предлагаемого эксперимента рассматриваем этимологическое значение незнакомого термина как некую концептуальную систему, когнитивный образ (гештальт, схему, сценарий), который, возможно, обладает эвристичностью, порождающей мгновенное знание на уровне представления (см. прим. 1).

Мы также опираемся на один из постулатов когнитивной лингвистики о том, что знание носителя языка о языке основано на речевой практике (“*usage-based*”), проистекает из предыдущего языкового опыта, постоянно подвергается вариативным изменениям и обеспечивает вербализацию нового знания в условиях новой речевой практики: “... *forms are replicated to verbalize new experiences in new usage events*” [4. P. 596].

Исходя из указанных теоретических оснований мы провели лингвистический педагогический эксперимент с исследовательской целью проверить возможное участие языкового знания (понимание этимологического значения незнакомого термина) в качестве стимула в формировании новых когнитивных представлений.

Результаты эксперимента

Первый этап

Целью первого этапа явилась проверка общих научных знаний участников эксперимента (на контрольном примере общенаучного термина *система*, выбранного в силу его общеизвестности и содержательной транспарентности) и выявление на этом фоне степени их знакомства с узкоспециализированной терминологией. На первом этапе студентам было предложено дать определение терминам *аутопоэз* / *аутопоэтическая система*, *синергия* / *синергетический подход*, *система*, а также привести собственные примеры любых систем, системных сущностей (системноорганизованных объектов, явлений, свойств и пр.). Термин

аутопоэз, заимствованный у У. Матураны и Ф. Варелы, авторов теории аутопоэза, и являющийся главным объектом исследования в проводимом эксперименте, был выбран в силу своей понятийной специфики, явно незнакомой участникам эксперимента. Это предположение подтвердилось на практике – все 18 человек дали ответ «Не знаю» на вопрос о значении указанного термина. Поскольку теория аутопоэза развита в рамках эволюционно-синергетического подхода, также были дополнительно предложены термины *синергия / синергетический подход*. С этим заданием не справились 16 участников, двое студентов предложили следующие варианты ответа (здесь и далее авторская орфография сохранена. – Т. В., Л. К.):

1) Синергия – полное взаимопонимание и продуктивное взаимоотношение, работа как единое целое; 2) Слияние или объединение объектов в новой форме.

И, наконец, все участники смогли, каждый по-своему, дать определения термину *система* и представляемому им понятию. Полученные ответы можно классифицировать в соответствии с гносеологическими категориями предметности, процессуальности, отношения, а также познавательной деятельности (стилистика ответов сохранена). Предлагаемая классификация весьма условна, поскольку одно и то же определение может получить разную рубрикацию в зависимости от субъективной оценки. В связи с этим мы ориентируемся на ключевые слова в предложенных определениях, обладающие когнитивно-концептуальным потенциалом как основанием для дифференциации значений. Так, рубрика «Предметность» подразумевает объективную онтологию мира, независимую от наличия наблюдателя, в отличие от «Структурированной совокупности», для которой необходимым условием является наличие структурирующего (упорядочивающего, взаимосвязывающего и пр.) субъекта. Рубрика «Познавательная деятельность» подчеркивает активную роль познающего индивида, обладающего исследовательской целью. Вместе с тем, поскольку подробный анализ классификационных оснований предложенных определений не входит в нашу задачу, условимся считать нашу рубрикацию приблизительной, осуществляемой с целью общего упорядочивания и предварительной систематизации ответов.

Предметность:

а) *Предметная совокупность (объективная онтология):* Совокупность, объединение чего-либо; Цепочка или объединение определенных свойств или явлений;

Совокупность различных объединенных объектов, людей, функций и т. д.;
Определенная совокупность каких-либо однородных объектов, явлений;

б) *Структурированная совокупность (наличие активного наблюдателя)*: Структура из двух или более объектов, взаимодействующих по определенным правилам; Упорядоченная группа элементов, элементы, объединенные в одну группу; Совокупность взаимосвязанных элементов.

Процессуальность: Закономерное последовательное явление, действие с четкой расположенностью объектов; Порядок определенных действий, порядок которых не меняется.

Познавательная деятельность (наличие активного познающего субъекта): «Группа» объектов или характеристик, объединенных в одну группу и подчиняющихся одним законам; Порядок действий, выработанный человеком; Упорядоченное взаимодействие множества элементов, объединенных одной целью; Взаимосвязь нескольких отдельных компонентов для какой-либо деятельности; Набор признаков или определений, объединенных методами и последовательным подходом; Совокупность взаимосвязанных между собой элементов, механизм действия которой направлен на достижение определенного результата; Совокупность объектов, различных явлений и свойств, объединенных в одном понятии.

Участники эксперимента также успешно справились с заданием привести примеры системных организаций. Ответы студентов-юристов демонстрируют явную профессиональную направленность, поскольку у них преобладают варианты, связанные с государственно-правовыми основаниями:

Общество как система, система гос. органов, система образования РФ, система правоохранительных органов; Система госучреждений, судебная система, система права; Система знаний, система образования, организация как система; Правовая система, философская система, образовательная система; и др. Также приведены примеры: Оперативная система (техническое), систематическое занятие спортом; Операционная система компьютера, система ЖКТ; Нервная система, Солнечная система; Организм человека, муравейник; Посадка овощей, обучение в школе / ВУЗе, обследование врачей, покупка в магазине; Солнечная система.

Ответы испытуемых из группы прикладной информатики представляют более конкретные объекты, менее обширны и не столь разнообразны: Страна, универ, больница, государство, Солнечная система; Планетарная система, система документооборота; Система уравнений, система круговорота в природе, система объединения наций; Операционная система, система мировоззрений, систематический подход, система знаний; Система кровообращения, законодательная система; Человек, государство, организация; Система счислений. При этом, как ни странно, лишь два человека привели пример операционной системы, один информант привел пример системы счисления, двое испытуемых вообще не дали ответов.

Выводы по первому этапу

На примере разъяснения студентами понятийного содержания контрольного термина *система* и творческого подхода к подбору иллюстративного материала был сделан вывод о достаточном наличии у них общего когнитивно-информационного фона, определенного уровня научных знаний и эвристических способностей. С другой стороны, явное и абсолютное незнакомство студентов с терминами *аутопоэз / аутопоэтическая система* и практически полное незнание значения терминов *синергия / синергетический подход* подтвердили правильность нашего выбора указанных терминов в качестве объектов эксперимента. Таким образом, результаты первого этапа указывают на методико-операциональную обоснованность процедуры эксперимента в соответствии с поставленной целью.

Второй этап

Цель второго этапа – проверка лингвокогнитивных возможностей экспериментируемых как механизма активации их ментальной деятельности. В основе этого подхода мы используем гипотетическое предположение возможного движения когниции «от (интуитивного) языкового знания к его осмыслению и последующему рассуждению на его основе», что, разумеется, не является всеобъемлющим феноменом, поскольку обычно мысль, в том числе научная, связанная с идеальным освоением мира в форме гипотез и теорий, все-таки предшествует ее вербализованному выражению. Мы лишь допускаем, что в определенный момент познавательной деятельности языковое (лексическое, в нашем случае – этимологическое и синонимическое) знание может сыграть роль интуитивной подсказки, оказаться некоей «искрой озарения», инпутом, стимулом к размышлению, к идее, в том числе, возможно, научной.

Первое задание

Вначале студентам была предоставлена информация по этимологии терминов *аутопоэз* и *синергия*.

Аутопоэз – авто- от греческого *autos* – сам, свой, собственный и пр.; поэзия – от греческого *poiēsis* – творчество.

Синергия – от греческого *syn-* – приставка со значением совместности (действия); *ergeia* – деятельность.

Затем экспериментируемые исходя из этимологических значений терминов должны были подобрать к ним соответствующие синонимы. Получены следующие результаты (повторяющиеся варианты приводятся как один).

Аутопоэз – предложены синонимы, выражающие идеи:

а) творческого начала, созидательной деятельности: *саморазвитие, самотворение; самоосознанное творчество; самосоздание, креатив; автотворчество (машинное творчество); вдохновение; самокритика, самосовершенствование; самопознание, воображение, фантазия; творец; со-зидание;*

б) индивидуальности, самовоплощения: *самовоплощение; самореализация, индивидуальность; самовыражение, самосознание; самостоятельность; автобиография; самопонимание, видение, представление.*

Таким образом, не имея никакого представления о теории У. Матураны и Ф. Варелы, экспериментируемые, тем не менее, исходя из этимологического значения термина предложили синонимы, косвенно выражающие аутопоэтические идеи, а именно: креативность, творческое начало, вдохновение, а также индивидуальность, самовоплощение, что, по-другому, в терминах теории аутопоэза, можно выразить как аутентичность организма, его автономность и выделенность из природной среды. Это позволяет сделать вывод о том, что семантический пучок, включающий этимологию и синонимические значения, способен формировать лексический концепт, который может, предположительно, выполнять роль эвристического стимула и, возможно, способен открыть доступ к теоретическому знанию. Делая такой вывод, мы опираемся в том числе и на известную модель лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) В. Эванса. Теория ЛККМ основана на допущении, что с эволюционной точки зрения языковая система появилась значительно позже, чем концептуальная система, и представляет собой механизм контроля, облегчающий развертывание концептуальных представлений при построении значений посредством языка. Любой лексический концепт открытого класса слов облегчает доступ к набору когнитивных моделей, т. е. обладает семантическим потенциалом [5].

С другой стороны, велика вероятность того, что именно этимологическое содержание выражения *аутопоэз*, подразумевающее самотворческое начало (среды, организма, природы в целом), и послужило причиной его выбора указанными авторами в качестве ключевого терминологического понятия. Таким образом, мы

получаем два пути развития гипотетического знания: от эвристического мышления к его вербализации (У. Матурана, Ф. Варела) и, возможно, от эвристичности языкового знания к инициальному теоретизированию, что мы и предполагаем продемонстрировать в нашем эксперименте.

Для терминов *синергия* / *синергетический* были использованы следующие варианты.

Синергия / *синергетический* – предложены синонимы, выражающие идеи:

а) совместной взаимозависимой деятельности: *объединение, кооперация; взаимопомощь, взаимосвязанность, взаимозависимость; вместе, коллективное занятие; синхронный, дружный; товарищеский, общий, деятельный; кооперативный, взаимосвязанный, партнерский; комплексный, объединенный, дружественный, коллективный;*

б) комплексного единства: *единство, сплоченность; монолитный, интегративный; системный; совмещенный; слитный, цельный, связанный, сцепленный; сплоченный; кровный.*

Как и в предыдущем примере, предложенные синонимы можно так или иначе соотнести с некоторыми синергетическими понятиями и идеями, в частности с концептами системно-интегративных зависимостей и эффектов.

Второе задание

Следующим заданием второго этапа эксперимента было формулирование испытуемыми собственных представлений и выражения собственного понимания значений терминов *аутопоэз* и *синергия* исходя из их лексической семантики, представленной комплексами этимологических и синонимических значений. Были получены следующие ответы.

Аутопоэз / аутопоэтическая система

А. Творческая когниция индивида

Аутопоэз – Саморазвитие с помощью своего внутреннего «я», ссылаясь на то, что происходит внутри головы; Творчество, направленное на раскрытие собственных амбиций и целей; Творение самого себя; Явление возникновения понятия о свершении какого-либо действия правильным образом; *аутопоэтическая система* – Универ для творения самого себя; Возможно, аутопоэтическая система включает в себя самостоятельное познание себя и мира, развитие своего творческого потенциала.

Б. Индивидуальная творческая деятельность / развитие

Аутопоэз – Собственное творчество, саморазвитие; Собственно произведенный; Создание чего-либо без помощи других; Создаваемое самим, индивидуальное; Развитие определенного человека в разных направлениях; Процесс духовно-материального преобразования, основанный исключительно на внутренних

качествах отдельного индивида; Творчество, исходящее от личности и направленное вовне; *аутопоэтическая система* – Ряд методов в создании предмета творчества одного человека; Если аутопоэз – самотворчество, то аутопоэтическая система – система, в которую включено творчество.

У. Матурана и Ф. Варела выделяют аутопоэтическое бытие, деятельность и познание как продукт взаимодействия системного наблюдателя со средой, при этом лингвистическая область, по их мнению, устроена как область онтогенетических координаций действий, а человеческие существа становятся таковыми лишь в лингвистическом трофаллаксисе или «лингваллаксисе» [3. С. 187]. Человек существует в языке, и в языке же он конструирует мир, т. е. «...с помощью оязычивания акт познания порождает мир в той поведенческой координации, которая есть язык» [3. С. 207]. На наш взгляд, некоторые объяснения, предложенные студентами, в какой-то степени близки аутопоэтическим идеям указанных авторов. Это прежде всего представления о творческом характере развития вообще и когнитивного процесса в частности («Творение самого себя») и пр., понимание внешней среды как фактора познавательной деятельности («Творчество, исходящее от личности и направленное вовне») и пр., осознание выделенности индивидуума и его когниции относительно среды («Саморазвитие с помощью своего внутреннего “я”, ссылаясь на то, что происходит внутри головы») и пр. Но, пожалуй, самое главное – ответы экспериментируемых есть не что иное, как их собственная языковая реальность, сконструированная в процессе индивидуально-познавательной деятельности, стимулом к которой послужило исходное этимологическое и синонимическое знание. Можно сделать вывод, что человек не просто существует в лингваллаксисе как уже сформированном и сформулированном биосоциальном феномене – он еще может иногда от него отталкиваться, чтобы сконструировать новую когнитивную реальность.

Дополнительно отметим, что некоторые из приведенных определений интересны с точки зрения ментально-вербальных приемов их актуализации. В частности, использованы метафорическое сравнение: «Аутопоэтическая система – универ для творения самого себя» и подчеркнуто отвлеченно-обобщенное определение: «Явление возникновения понятия о свершении какого-либо действия правильным образом». Также укажем на выраженную индивидуально-субъектную направленность дефиниций, что,

очевидно, связано с семантическим влиянием словоформы «авто» (*autos*).

Относительно термина *синергия* / *синергетический подход* получена следующая информация.

А. Интегрированная когниция личности

синергия – Эффекты воздействия, воспринимаемые в сознании в слитном состоянии; Явление возникновения понятия о свершении какого-либо действия правильным образом; Единые взгляды на жизненные ситуации с близкими по интересам людьми; *синергетический подход* – Ряд предложений в создании предмета творчества.

Б. Совместное деятельное творчество

синергия – Деятельность людей в создании чего-либо; Совместная деятельность; Общая деятельность, либо личная; Понятие для сближения группы людей, цель которых – достигнуть определенного результата; Деятельность, выполненная двумя и более людьми; Кооперация для достижения общих целей; Коллективное решение чего-либо, какой-либо проблемы, задачи; Результат взаимной работы над пониманием интересов других сторон; Помощь; *синергетический подход* – Синергетический подход предполагает совместное, коллективное развитие, познание; Если синергия – совместная деятельность, то синергетический подход – это совокупность совместной деятельности человека; Синергетический подход предполагает совместное, коллективное развитие, познание.

В. Отвлеченная объективация

синергия – Свойство или признак, являющийся общим для двух или более объектов или процессов; Интегрированная познавательная деятельность; *синергетический подход* – Метод объединения предметов или явлений для достижения отличного и полного результата; Процесс созидания, являющийся результатом стороннего процесса и протекающий параллельно с ним.

Интересно отметить, что в отличие от общепринятого понимания термина *синергия* и его производных как относящихся в первую очередь к естественно-научному и философскому знанию, предложенные дефиниции (а) относятся к духовному развитию личности. Подобная трактовка термина, на наш взгляд, может быть использована в исследовании ряда областей гуманитарного знания, таких как история, искусствоведение, образование и др.: например, с точки зрения роли личности в истории, особенностей творческой деятельности в искусстве, а также в различных идеографических описаниях и т. п. С другой стороны, толкование синергии как совместного деятельного творчества (б) может быть применено в различных социологических исследованиях, как в синхронии, так и диахронии. Таким образом, можно сказать, что языковое знание в этом случае демонстрирует возможности расширения обычных сфер

применения данного терминизированного понятия. Подчеркнем, что мы говорим о его использовании в качестве ключевого концепта различных теоретических построений в области социогуманитарного знания.

Дополнительно укажем, что в группе прикладной информатики не смогли представить свое понимание термина *аутопоэз* двое испытуемых, а обоих терминов – *аутопоэз* и *синергия* – один человек. В группе юристов с этим заданием справились все участники.

Третье задание

При выполнении завершающего задания второго этапа студенты исходя из уже сформированных общих представлений должны были предложить собственные принципы теории аутопоэза, определить предмет, цели и задачи аутопоэтического исследования или просто представить свое видение этой теории на основе языкового знания.

Были получены следующие результаты.

А. Принципы

Индивидуальность, независимость, гуманизм, уникальность, целесообразность; Мыслить нестандартно, никому не говорить, пока не сделаешь; Я считаю, что принципы теории аутопоэза основаны на самостоятельной деятельности человека, т. е. человек самостоятельно занимается творчеством, без вмешательства других; Принципы самостоятельности, развития, созидания; Принципы самостоятельности, независимости, неприкосновенности; Принципы теории аутопоэзиса: а) деятельность носит преобразовательный характер, сопровождается изменением свойств объекта, либо созданием качественно нового объекта; б) деятельность реализуется субъектом единолично; Люди творцы относят свои мысли и действия к аутопоэзу; Что-либо, определяющее принципы собственного творчества, созидания.

Б. Предмет

Человек и его внутреннее миропонимание; Предмет аутопоэза – деятельность человека (музыка, танцы, живопись); отдельно взятая личность; Предмет – задумка; Предмет – интеллект; Предмет – человек и его мировоззрение; Предметом аутопоэтического процесса является процесс или деятельность; Предметом аутопоэза является самоосвоение и реализация себя как личности; Человек сам творец своей жизни и судьбы.

В. Цели и задачи

Определить, выявить способы развития творческого потенциала у отдельного человека (индивидуума); Цели и задачи – понять аутопоэз как феномен, выработать методы аутопоэза, основные теории; Самостоятельное изучение окружающего; Расширение кругозора; Наставить на путь истинный; Цель – выполнить эту задумку; Задача – реализация мыслей, задумок; Цели – саморазвитие; Задачи – познать свои творческие таланты, изучить их, исследовать их перспективу, значимость, приложить усилия для их раскрытия; Цели – воплощение внутренних чувств, воплощения их в реалиях; Цели – самотворчество, собственные творения; Задачи – создание своего чего-

либо нового, творческого; Целью является узнать точку зрения других людей, исходя из их видения окружающей их среды; Каждый человек может видеть по-разному одну и ту же картину; Задача аутопоэтического исследования – выявить и рассмотреть результаты процесса или деятельности, появление которых не было предсказано на ранних этапах процесса или деятельности.

Г. Общие определения

Аутопоэз – индивидуальная работа, синергия – совместная; Аутопоэз – процесс сотворения, создания самим чего-либо нового; Теория аутопоэза позволяет выявить и исследовать результаты косвенных процессов, проходящих по причине прохождения основного процесса; Аутопоэз происходит при полном сосредоточении на объекте; Синергия является в проявлении взаимосвязи между людьми, предметом может быть привязанность к кому-либо; Синергия – коллективная преобразовательная деятельность; Синергия – какая-либо общая совместная деятельность людей, объединенных общей целью; Синергетический метод – способ воспроизводства материальных либо духовных ценностей посредством совместной деятельности индивидов (либо иных элементов).

Из восемнадцати участников эксперимента с заданием не справились двое (группа прикладной информатики).

По результатам выполнения этого задания можно сделать вывод о том, что студенты исходя из уже сформировавшихся в сознании и актуализированных в языке собственных концептуальных представлений смогли (в определенном смысле) структурировать, систематизировать и сопоставить знание, которое они же сами и развили всего лишь на основе этимологической и синонимической семантик. Разумеется, и само построение этого знания, и попытки его системного описания есть не более чем пробный ученический эксперимент, не предполагающий каких-либо достижений в области подлинно научной ментальности испытуемых. Мы говорим лишь о принципиальной возможности использования языковой интуиции, связанной прежде всего с этимологическим знанием, в качестве инпута, доступа к такой ментальности.

Выводы по второму этапу

Результаты этого этапа в целом соответствуют ранее сделанным предположениям, а именно: 1) языковое знание (в нашем случае – семантический пучок этимологических и синонимических значений) способно стимулировать понятийно-смысловые представления как основу последующей теоретизации; 2) указанное знание демонстрирует независимо-индивидуальное формирование участниками эксперимента собственных идей и понятий; 3) исходное языковое знание обладает аутентичной эпистемиологической

эвристичностью. Так, в противовес принципиальному биологизму теории У. Матураны и Ф. Варелы участники эксперимента акцентировали свое понимание на когнитивном и духовно-творческом совершенствовании отдельной личности, что позволяет предположить наличие у лексической единицы *аутопоэз* широкого латентно-семантического потенциала и соответствующей эпистемиологической перспективы, допускающей ее использование в качестве ключевого понятия в различных областях познавательной деятельности, в том числе в когнитивно-психологических, исторических, лингвистических и иных исследованиях. Подчеркнем явно выраженную эвристическую направленность предложенных определений целей и задач, связанную с гипотетическим творчеством, научным предвидением, разнообразием научных поисков и пр.

Третий этап

Третий этап выполняет роль методологического завершения предыдущих двух, поскольку дает возможность испытуемым сопоставить собственные идеи и предположения, полученные путем эвристической экстраполяции языкового интуитивного знания, с существующими теоретическими положениями.

На третьем этапе эксперимента студентам была предложена общая информация по содержанию теории аутопоэза, включая предмет, цели, задачи аутопоэтического исследования и теоретические выводы ее авторов. Испытуемые ознакомились с классическим понятийным содержанием терминов *аутопоэз* / *аутопоэтическая система, синергия* / *синергетический подход*, им также был приведен ряд соответствующих примеров. Главная цель данного этапа – сформировать у студентов соответствующий кругозор. Отметим, что мы не предполагали обязательное применение полученной информации в ходе выполнения задания четвертого этапа.

Четвертый этап

Четвертый этап носит общезавершающий характер, его цель – подвести итог и проверить возможности экспериментируемых в разработке теоретических построений исходя из 1) приобретенного и развитого в ходе эксперимента языкового знания; 2) сформулированных на основе языкового знания собственных

понятийно-содержательных представлений (концептов); 3) фоновой информации, полученной в ходе третьего этапа эксперимента (в качестве возможного примера).

Перед студентами была поставлена задача попытаться, используя приобретенное концептуально-языковое знание в качестве стимула, определить системные основания для какой-либо собственной гипотезы в любой области знания. В качестве подсказки были предложены такие научные отрасли, как биология (живые организмы и их совокупности), юриспруденция (исторические основы права) и пр. Студенты также могли создать любую собственную реальность, единственным условием было использование указанных терминов в качестве ключевых. Общая последовательность действий экспериментируемых может быть схематизирована следующим образом: интуитивное языковое (этимологическое) знание → ментальный образ (фрейм, гештальт, схема) → понятийная концептуализация → теоретический конструкт → вербализация

Получены следующие результаты.

А. Биология

1. Все живые организмы – это совокупность развития в определенный период; Живые организмы развивались самосознанием, самовоспроизведением; Они развивались в единстве и дополняли друг друга на протяжении многих лет; Здесь мы и можем наблюдать **аутопоэз** и **синергию**; 2. Живые организмы имеют репродуктивную функцию, т. е. способность к воспроизведению себе подобных; Живым организмам не всем дано сознание, или движут инстинкты, выживают наиболее приспособленные, так называемый естественный отбор; 3. Биологию можно отнести к **аутопоэзу**, т. к. живые организмы саморазвиваются, выживают, размножаются, но и биологию можно отнести к **синергии**, потому что некоторые организмы делятся на классы, создают собственную ячейку, единую общность.

Б. Юриспруденция

1. Юриспруденция – Законотворческий процесс, стадии законотворческого процесса, создание текста закона, принятие закона, донесение закона до участников правоотношений; Потому что общество росло, создавались неразрешенные (т. е. на которых не было юридической практики) ситуации и поэтому обществу пришлось придумывать новые законы; 2. Юриспруденция – законы были созданы много веков назад и в нашем времени они существуют, только усовершенствованы и более подстроены под наше время; Трудовой кодекс создан на основе трудовых отношений и совершенствовался по наши дни; семейный, уголовный, гражданский – все они по этому же принципу были созданы; 3. Юриспруденция (отдельная система прав и обязанностей классов); 4. Юриспруденция: **Аутопоэз** – основы, саморазвивающиеся по причине большого роста различных прав, откуда происходят свои зачатки для основ права; 5. Исторические основы права прослеживаются в деятельности отдельных индивидов и их объединений в конкретном историческом периоде и в совокупности нескольких периодов; Право сложилось как результат исторического развития

общества, в процессе творческого поиска людей, направленного на отыскание наиболее благоприятного способа регулирования общественных отношений;

В. Социология

1. Социология – социальная программа, государство заботится о своих гражданах; поэтому для качественной жизни пришлось создавать свои социальные программы; 2. Социология – самовоспроизведение и развитие личности, по принципу развития и улучшения умственных способностей.

Г. Экономика

1. Экономика – одним из основных процессов в экономике является движение активов между объектами экономических связей; если изменить точку зрения и рассматривать процессы движения активов в экономической системе в качестве объектов, можно предположить существование **аутопоза** для данной системы с данной точки зрения, но только при условии, что данная экономическая система стремится развиваться, поскольку только при соблюдении данного условия движение активов будет приводить к возникновению новых движений активов; в противном случае возможно «застаивание» и обесценивание активов, что ведет к деградации экономической системы и прекращению движения активов; 2. Экономика подвержена **синергетическим** законам; «цена учитывает все» - это выражение явно показывает, что поведение котировок объединяет все; «цена» показывает и отношение людей к активу, и положение дел в самой компании, и экономические ситуации в мире; «цена учитывает все!».

Д. Информатика

1. Информатика возникла и должна была возникнуть из-за проблемы хранения и передачи информации; она предоставляет методы для их решения; информатика возникает по мере поступления проблем; с каждым разом технологии совершенствуются, отталкиваясь только лишь от проблем; 2. Информатика: **Синергия** – большое количество информации, незначительной на первый взгляд, может в совокупности стать полезным данным; информация самовоспроизводится после передачи от одного носителя к другому, но с небольшими изменениями.

Е. Искусство

1. Искусство – желание людей (индивидов) оставить после себя след; потребность самореализации, креативности и созидание; потребность в красоте, эстетика; Красота индивидуально воспринимаемая каждым, графичность.

Ж. Робототехника

1. Роботопроизводство (принципы создания и эксплуатации человеком робототехники).

З. Философия

1. Философия мира (система взглядов, которая предполагает равное отношение и к людям, и к классам).

Особый интерес представляет стремление некоторых испытуемых представить обобщенное понимание термина, возможность его использования сразу в нескольких областях.

Студент А: Биология – самотворчество от клетки до разумной жизни; Геология – самотворчество от песчинки до драгоценных камней; Языкознание – самотворчество от звуков до книг, романов; Математика – самотворчество от цифры к

созданию теорем, грамоты; Эволюция – самотворчество от неандертальца до высшей ступени.

Студент Б: Биология – самовоспроизводство от клетки до современного общества; Экономика – переход от бартера к появлению денег и рыночных отношений; Юриспруденция – динамическое становление законов путем проб и нажитого опыта привело к гуманному обществу; Социология – самовоспроизведение и развитие личности, по принципу развития и улучшения умственных способностей.

Студент В: Социология и биология (социальная и видовая дифференциация между людьми и их классами).

Выводы по четвертому этапу

Как показывают полученные результаты, экспериментируемые продемонстрировали инновационные возможности языкового знания как некоей творческой «подсказки», стимулирующей использование проективного потенциала лексического значения как для конкретных гипотетических построений в новых областях знания, так и для общетеоретических выводов.

Также отметим определенную роль фоновой информации, полученной студентами в ходе третьего этапа. Благодаря новым знаниям испытуемые в процессе выполнения задания четвертого этапа продемонстрировали более высокую степень уверенности своих ответов. Эта уверенность выразилась в следующем: 1) большее (по сравнению с предыдущими этапами) разнообразие вариантов ответов по отдельным научным направлениям, предложенным авторами эксперимента; 2) собственные предложения научных направлений (робототехника, философия) и описание значений рассматриваемых терминов применительно к этим областям; 3) обобщенная рефлексия смыслового содержания терминов.

Таким образом, можно сделать вывод о соответствии в целом полученных результатов поставленным задачам четвертого этапа.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что, на наш взгляд, наиболее успешным явился второй этап, в процессе выполнения которого студенты исходя из нового языкового знания и используя его в качестве стимула продемонстрировали определенную эвристичность мыслительной деятельности, определив собственные подходы и понимание целей и задач различных научных направлений. Что касается четвертого этапа, то, несмотря на

определенную новизну и эвристичность подходов, предложенных испытуемыми, в ряде случаев имели место стандартные общепринятые определения, не связанные исключительно с полученным лексико-семантическим знанием. Возможно, в этом сказался эффект влияния общей информации, полученной студентами на третьем этапе эксперимента. Тем не менее, и здесь прослеживаются определенные перспективы новых научных видений, связанные с собственными общенаучными теоретическими обобщениями, поисками единых закономерностей, историзмом социальных тенденций и пр.

Все вышесказанное позволяет нам определить результаты проведенного лингвопедагогического эксперимента как в целом успешные, поскольку была выполнена главная задача, которую мы поставили перед собой, – выяснить функциональные возможности языкового знания, представленного семантическим пучком этимологических и синонимических значений, в развитии эвристической составляющей научного мышления. Мы считаем доказанным способность языкового знания выступать в роли инпута, открывающего доступ к мыслительному поиску. Экспериментируемые продемонстрировали собственные подходы к пониманию смысловой составляющей терминов, раскрыв тем самым дополнительные возможности известных научных понятий и их эпистемиологические перспективы. Полученные результаты также согласуются с вышеупомянутыми биосоциальными теориями языка, определяющими его как продолжение биологической функции исторического *Homo sapiens*, служащей целям улучшенной ориентации первобытного человека в природной среде. Новизна проведенного исследования заключается в демонстрации того, что в нашем случае языковое (лексико-семантическое) знание обеспечивает биологическому организму (человеку разумному) эпистемиологическую функцию ориентации в когнитивно-мыслительном пространстве, выступая в качестве стимула и открывая доступ к рефлексии. От биологической функции языка как филогенетического механизма ориентации в природных условиях – к его биосоциальной функции ориентации в современной рефлексивно-когнитивной среде.

В качестве практических рекомендаций, основанных на полученных экспериментальных данных, мы предлагаем

использовать этимологические знания и процедуру их синонимизации в процессе обучения – при введении новых ключевых понятий, объяснении теорий и пр. Помимо расширения общего кругозора обучаемых, такие знания будут в той или иной степени стимулировать мыслительную деятельность хотя бы у части учеников и студентов. На наш взгляд, акцент на лингвистической составляющей имеет особое значение для специалистов в области естественно-научных и технических направлений, которые нередко демонстрируют узкопрофессиональную ориентированность мышления, ограничивающую возможности широкой теоретизации знаний и, соответственно, общенаучных инноваций.

Мы также полагаем возможным дальнейшее углубленное развитие подобных лингвоэкспериментальных исследований.

Примечания

1. Ранее мы уже рассматривали эвристичность лексического значения. См.: Великода Т.Н. Когнитивно-эвристический потенциал термина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. Вып. 12. С. 20–31; Великода Т.Н. Языковая природа термина как один из факторов его когнитивно-эвристического потенциала (на примере английских геологических терминов) // Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика». 2012. № 2. С. 111–118.

Библиографический список

1. Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29–59.
2. Кравченко А.В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155–172.
3. Матурана У., Варела Ф.. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Croft W. Typology and the Future of Cognitive Linguistics // Cognitive Linguistics. 2016. Vol. 27. Issue 4. P. 587–602.
5. Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 350–387.

Сведения об авторах

Великода Татьяна Николаевна
кандидат филологических наук,
главный специалист-переводчик
Северо-восточного комплексного научно-исследовательского
института ДВО РАН
E-mail: velikoda@neisri.ru

Карева Людмила Александровна
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков
Северо-восточного государственного университета
E-mail: kafinyaz@svgu.ru

УДК 811.161.1'366.59

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В АСПЕКТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДРУГИМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ
ГРАММАТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Э.Ю. Галазов

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Владикавказ*

В статье рассматривается функциональное взаимодействие грамматической категории наклонения глагола с другими грамматическими категориями (вида, времени, залога, лица, числа, рода), учитываются также парадигматические взаимосвязи между глагольными грамматическими категориями. Установлено, что грамматические категории находятся в сложных и разнообразных взаимоотношениях, что разнообразные функциональные взаимосвязи категории наклонения с другими глагольными категориями обуславливают наиболее яркие, экспрессивные случаи функционирования форм наклонения. Выявлены закономерности взаимодействия между категориями, иерархические отношения между ними.

Ключевые слова: русский глагол, грамматические категории, категория наклонения, функциональное взаимодействие, парадигматические взаимосвязи.

**Interaction of the Grammatical Category of Mood with Other Verbal Categories
in Modern Russian
Eduard Galazov**

The article deals with the functional interaction of the grammatical category of mood with other grammatical categories (aspect, tense, voice, person, number, gender), also considering paradigmatic relations between verbal grammatical categories. The author shows that grammatical categories exist in complex and varied functional relations, which bring about the most vivid and expressive cases of functioning of mood forms, and establishes basic principles of interaction between the categories and hierarchical relations between them.

Key words: the Russian verb, grammatical categories, the category of mood, functional interaction, paradigmatic correlation.

В современной русистике в последнее время все больше говорится о необходимости описания грамматических категорий не как изолированных, а как представляющих собой единый комплекс, находящихся в сложных и разнообразных взаимоотношениях категорий. Саму идею взаимодействия в современной лингвистике исследователи рассматривают как логическое продолжение научного поиска, когда этап формального разграничения и изолированного описания морфологических категорий сменился этапом собирания

категорий и осмысления их взаимодействия как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане [1. С. 3–28].

В.Н. Ярцева пишет о «сопряженных» грамматических категориях, понимая под ними такие случаи, когда одно грамматическое значение выступает в рамках другого, а иногда и через него. В качестве примера она приводит выражение вида как характеристики протекания действия (его длительности, законченности, интенсивности) в английском глаголе, которое осуществляется в рамках системы времен, а также тесную взаимосвязь значения побудительности во многих языках с категорией транзитивности [2. С. 31].

Многие исследователи подчеркивают, что системный подход к изучению языковых явлений закономерно предполагает рассмотрение грамматической категории в аспекте взаимодействия и взаимосвязи ее с другими категориями, отдельное же рассмотрение каждой категории обязательно, но совершенно недостаточно. В особенности это касается системы глагольных категорий, которая, в отличие от системы субстантивных категорий, включает не только грамматические значения, связанные с отражением собственно глагольной информации (действие, состояние, отношение), но и более широкий круг значений, например информацию о субъектно-объектных отношениях, о качестве субъектной позиции, о наличии объекта и т. д. Все это обуславливает необходимость установления закономерностей взаимодействия между категориями, выявления иерархических отношений между ними [3. С. 4–5].

Комплексное, взаимосвязанное описание глагольных грамматических категорий предполагает учет не только взаимосвязи грамматических категорий между собой, но и их совокупной грамматической семантики с лексической семантикой глагольных лексем. Аспект взаимосвязи, взаимодействия грамматической и лексической семантики является одним из основополагающих принципов системного описания русского языка. Вопросы взаимодействия в глаголе лексического и грамматического являются для русистики традиционными, это обусловлено общими функциональными и семантическими особенностями глагола [2; 4; 5; 6; 7; 8].

Основными методами данного исследования являются: методы наблюдения, описания, классификации, функционально-семантического анализа.

Грамматическая категория наклонения наиболее тесно связана с категориями времени и вида. Так, с категорией времени ее связывают как парадигматические, так и функциональные отношения. Только в изъявительном наклонении возможная градация действия по временам, так как только реальное действие может быть ориентировано по отношению к моменту речи (как происходящее в момент речи, до или после него). Вместе с тем действия нереальные, которые представлены формами повелительного и сослагательного наклонения, не совместимы с идеей времени.

Изъявительное наклонение способно выражать различные модальные оттенки, хотя оно и обозначает реальность действия. Модальные оттенки изъявительного наклонения зависят от времени и вида глагола. Особенно характерно выражение различных модальных оттенков для форм будущего простого. Это могут быть оттенки возможности (невозможности), необходимости, готовности, желательности и т. д., при этом такое будущее простое употребляется, как правило, в значении настоящего неактуального:

Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная, и *оборвет...* [9]

Часто употребляются формы 2-го лица единственного числа в обобщенно-личном значении, актуализирующие *типичность, обычность действия*:

Ну-с, а моя мысль именно такова, что всего больше *заметишь и узнаешь*, наблюдая молодые поколения наши [9].

Возлюбишь одного себя, то и дела свои *обделаешь* как следует, и кафтан твой останется цел [9].

Обычность, типичность действия может актуализироваться и элементами контекста:

Бывало и то: *возьмет* с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль-де-Кока [10].

При отрицании будущее простое употребляется для обозначения невозможности осуществления действия.

– Нечего связываться, – решил большой дворник. – Как есть выжига! Сам на то лезет, известно, а свяжись, *не* развяжешься... [9]

В некоторых контекстах создается впечатление, что это скорее настоящее актуальное, однако мы согласны с мнением авторов РГ-80, что в этих случаях к моменту речи относится не протекание действия, а лишь невозможность его осуществить, которая

распространяется не только на момент речи, но и, шире, на какой-то неопределенный план настоящего:

Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они *не сыщут!*.. [9]

Кто не знает заранее – ничего *не разглядит* [9].

Для форм будущего сложного тоже свойственно выражать различные модальные оттенки, в этом случае будущее сложное функционирует в контексте абстрактного настоящего. Например, значение *предположительного допущения*:

Другой раз, увлекаясь игривостию своего остроумия, *начнет дурачить* подозревающего его человека... сам вперед *начнет забегать*, *совать* *ся* *начнет*, куда и не спрашивают, *заговаривать* *начнет* беспрерывно о том, о чем бы надо, напротив, молчать, различные аллегории *начнет подпускать*, хе-хе! Сам придет и *спрашивать* *начнет*: зачем-де меня долго не берут? [9]

Формы будущего сложного могут обозначать постоянную готовность субъекта к осуществлению действия, как правило, довольно длительного, в контексте могут присутствовать показатели длительности: Целый день *будет* марабу *дежурить* у бойни, чтобы получить кусок мяса [11. С. 635].

Наконец, формы будущего сложного могут выражать уверенность в осуществлении действия. В этом случае действие представлено как обычное, типичное, и оно обязательно должно или не должно осуществиться. Подобные обобщенные действия возможны в генерализованных контекстах типа: «как это часто бывает», «как это обычно случается» [12]. Эти действия, будучи типичными и обычными, реальны в настоящем и возможны в будущем: Человек *будет* тысячу раз *раскаиваться*, что говорил много, но никогда, что мало [11. С. 635].

Формы настоящего и в особенности прошедшего времени редко выражают какие-либо модальные оттенки [11. С. 642]. Например, формы настоящего времени в переносном употреблении, в значении будущего времени, могут выражать решимость, готовность, намерение осуществить действие:

Что я Гаврилу Ардалионовича люблю и *бегу* с ним *завтра* же из дому! – набросилась на нее Аглая. – Слышали вы? [13]

Генерал, возьмите и вы ваш жемчуг, подарите супруге, вот он; а с завтрашнего дня я совсем и с квартиры *съезжаю* [13].

Знаете ль вы, например, что я *женюсь*? [9]

Формы прошедшего времени могут функционировать в ситуации обычного действия, в контексте абстрактного настоящего, в этом случае выражается оттенок предположительного допущения: *Бывает ведь так: уехал человек, которого боялись, он уже не у власти, и тут-то начинается, на ушко: «Вы знаете...»* [11. С. 633].

Категории вида и наклонения обнаруживают преимущественно функциональные связи. При функционировании глагольных форм видовая семантика может взаимодействовать с модальной семантикой. Так, в изъявительном наклонении формы несовершенного вида могут выражать потенциально-качественное частное видовое значение, а совершенного вида – потенциальное частное видовое значение [14. С. 23, 30]. А.В. Бондарко выделяет для несовершенного вида конативную (наряду с подчеркнуто-длительной) разновидность конкретно-процессного значения, в которой конкретный процесс представлен как стремление, направленное на достижение цели, как попытка, а последующий контекст уже показывает успех или неудачу этой попытки [14. С. 27]. Авторы РГ-80 выделяют для несовершенного вида конативный, потенциально-узуальный и потенциально-качественный типы употребления [11. С. 643], для совершенного вида – потенциальный тип употребления [11. С. 643].

Неограниченно-кратный тип употребления несовершенного вида легко сопрягается с модальными значениями, в результате чего возникают такие случаи функционирования несовершенного вида, как потенциально-узуальное и потенциально-качественное. При потенциально-узуальном употреблении значение обычного, типичного действия осложняется модальными оттенками долженствования, необходимости, целесообразности. Авторы РГ-80 отмечают характерность данного типа для деловой и научной речи [11. С. 610], однако наши наблюдения подтверждают регулярность данного типа и для художественной литературы. Достаточно часто глаголы в этом типе функционирования употребляются в пассиве, а также в форме 3-го лица множественного числа в неопределенно-личном значении, возможны также формы инфинитива со словами *следует, необходимо* и т. п. Например:

– Я догадался тогда, Соня, – продолжал он восторженно, – что власть *дается* только тому, кто посмеет наклониться и взять ее [9].

– Это, собственно, судейский слог, – перебил Разумихин, – судейские бумаги до сих пор так *пишутся* [9].

За нищету даже и не палкой *выгоняют*, а метлой *выметаю*т из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя [9].

Как видно, в приведенных контекстах подобное употребление возможно при выражении смысла: «так должно быть», «так следует делать», «так необходимо случается», этот смысл может подчеркиваться, усиливаться элементами контекста, например обстоятельствами, подчеркивающими обычность, обобщенность, типичность действия (*иногда, по временам, всегда, никогда и др.*).

Генерализация может сопровождаться оттенком возможности или невозможности (при наличии отрицания) осуществления действия:

А гармонического человека, это правда, совсем почти нет; на десятки, а может, и на многие сотни тысяч по одному *встречается* (= может встретиться. – Э. Г.), да и то в довольно слабых экземплярах... [9]

«Да и наплевать на это. Фу, какие глупости в голову *приходят* (= могут прийти. – Э. Г.)...» В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была тут в двух шагах [9].

При постоянно-узуальном типе функционирования несовершенного вида может выражаться целесообразность осуществления действия:

Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна... – Эх, брат, да ведь природу *поправляют и направляют* (= следует поправлять и направлять. – Э. Г.), а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках [9].

«Не надейтесь вернуть меня, вы слишком опоздали. Желая быть счастливым». *Вот как пишутся* (= следует писать. – Э. Г.) подобного рода письма! [9]

Это может быть и намерение совершить действие:

Нет... Ты *выходишь* (= собираешься выйти. – Э. Г.) за Лужина для меня. А я жертвы не принимаю [9].

– Ведь вот вы все-таки *женитесь*? Стало-быть упорствуете...
Женитесь вы или нет? – Ну да... *женюсь*; да, *женюсь*! [13]

Потенциально-качественный тип употребления несовершенного вида возможен в том случае, если обозначается потенциальная возможность осуществления действия как свойство субъекта [11. С. 610; 14. С. 30–31]. А.В. Бондарко подчеркивает, что данное значение близко к неограниченно-кратному, так как в обоих случаях речь идет о нелокализованных во времени действиях. Субъект может быть чаще одушевленный, но возможен и неодушевленный.

Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так *рассказывает* (= умеет рассказывать. – Э. Г.), что из других мест сходятся слушать [9].

Он был темно-рус, и волосы его только в последнее время начали немного седеть. Усы и бороду он *брil* (= имеет обыкновение брить. – Э. Г.) [10].

Он, кажется, *пишет* какие-то статьи по экономическим вопросам [15].

Русский человек способен во всему и *привыкает* ко всякому климату [16].

Толстые же *никогда не занимают* косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не светят [16].

Конативное значение несовершенного вида – довольно нерегулярный тип функционирования глаголов несовершенного вида; в имеющемся языковом материале он представлен весьма ограниченно, например:

– А почему и я-то знаю! – злобно засмеялся Рогожин. – В Москве я ее тогда ни с кем *не мог изловить*, хоть и долго *ловил* [13].

В приведенном ниже примере выражается своеобразный вариант конативного значения, когда факт неосуществления действия вызвал как раз результат этого действия, как если бы оно производилось:

Князь ее на удочку тем и *поймал*, что, во-первых, *совсем и не ловил*, а во-вторых, что он на глаза всех идиот [13].

Глаголы совершенного вида тоже могут выражать модальные значения в рамках потенциального типа употребления в ситуации обычного, типичного действия [11. С. 610; 14. С. 23]. Потенциальное значение глаголов совершенного вида, создаваемое в контексте

обычного, типичного действия, выражает возможность-невозможность осуществления какого-то факта, чаще используются формы настоящего / будущего совершенного, реже встречается инфинитив. В рамках потенциального значения возможны следующие модальные оттенки, не отнесенные к определенному моменту времени:

– возможности – невозможности:

Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: *убьешь* ты сам старуху или нет? [9]

Ноздрев долго еще *не выведется* из мира [16].

Как ни велик был в обществе вес Чичикова, хотя он и миллионщик и в лице его выражалось величие и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которых дамы *не простят* никому, будь он кто бы ни было, и тогда прямо пиши пропало! [16]

– долженствования:

Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид... и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот *стукнешься* головой о потолок [9].

И наши не просто становятся атеистами, а непременно *уверуют* (= должны уверовать. – Э. Г.) в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль [13].

– желания:

Ведь она хлеб черный один будет есть да водой запивать, а уж душу *не продаст* (= не захочет продать. – Э. Г.), а уж нравственную свободу свою *не отдаст* за комфорт; за весь Шлезвиг-Гольштейн не отдаст, не то что за господина Лужина [9].

Ну, кто же такого, как я, *пожалеет*? [9]

– готовности совершить действие:

Глупые вы, глупые, – кричала она, обращаясь ко всем, – да вы еще не знаете, не знаете, какое это сердце, какая это девушка! Она возьмет, она! Да она свое последнее платье *скинет* (= готова скинуть. – Э. Г.), *продаст*, босая *пойдет*, а вам *отдаст*, коль вам надо будет, вот она какая! [9]

Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, *всегда посмотрит* его же брат, молодой чиновник... [17]

– способности совершить действие:

– Ведь он никого не любит; может, и никогда *не полюбит*, – отрезал Разумихин. – *То есть не способен полюбить?* – А знаете, Авдотья Романовна, вы сами ужасно как похожи на вашего брата, даже во всем! [9]

«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, *доедет* то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «*Доедет*», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, *не доедет?*» [16]

– предположительного допущения:

Он-то, *положим, и солжет*, то есть человек-то-с, частный-то случай-с, *incognito-то-с*, и солжет отлично, наихитрейшим манером; тут бы, кажется, и триумф, и наслаждайся плодами своего остроумия, а он хлоп! да в самом-то интересном, в самом скандалезнейшем месте и *упадет* в обморок [9].

Положим, уроки достанет, положим, даже последнюю копейкой *поделится*, если есть у него копейка, так что можно даже и сапоги купить, и костюм поправить, чтобы на уроки ходить... гм... [9]

Грамматическая категория наклонения связана с другими грамматическими категориями глагола и парадигматическими связями. Например, относительно категории вида почти никаких ограничений в образовании форм наклонений не имеется, каждое наклонение допускает и совершенный вид, и несовершенный вид. Единственно, одно парадигматическое ограничение касается форм повелительного наклонения совместного действия, которые образуются преимущественно от глаголов совершенного вида: *зайдемте, споемте*. Но это ограничение не жесткого характера, так как в этих случаях возможен и несовершенный вид (например, у однонаправленных глаголов движения: *идемте, едемте, бежимте*) [11. С. 643–644].

При употреблении повелительного наклонения в значении сослагательного наклонения, т. е. при переносном употреблении форм повелительного наклонения, эти формы возможны только в совершенном виде:

Громы в руках Юпитера, и что ж: он спокоен; часто ли слышно, что он загремит? Дураку покажется, что он спит. А *посади* на

место Юпитера какого-нибудь литератора или дуру деревенскую бабу – грому-то, грому-то что будет! [18]

Все эти ласковые лица, которые меня так любят, – вдруг стали неприступны; *зашали* я, и меня тотчас же унесут [18].

– Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а *подуй* ветер, так разлетится [17].

Категории залога и наклонения связаны парадигматическими связями: если в изъявительном и сослагательном наклонении возможен и действительный, и страдательный залог, то в повелительном наклонении возможен лишь действительный залог [19]. Исключительно редко встречается употребление формы повелительного наклонения в составе пассивной конструкции, однако в форме повелительного наклонения выступает не возвратный глагол в страдательном значении, а глагол *быть* при страдательном причастии, так что собственно повелительное наклонение и здесь не совмещается со страдательным залогом в одной словоформе: *Будьте вы прокляты!*; *Будьте хранимы всеми добрыми силами* [11. С. 644].

Связи категорий наклонения и числа проявляются в повелительном наклонении. Повелительное наклонение со значением совместного действия *споем(те)*, *давай(те) споем* – это всегда формы множественного числа, что обусловлено самой выражаемой семантикой совместного действия, например:

Я никогда и ни за что вас не оставлю; другой от такой сестры убежал бы, по крайней мере, – вон как она смотрит на меня теперь! *Кончим* на этом! Я уж так было обрадовался... [13]

Князь, душа ты моя, брось их; плюнь им, *поедем!* [13]

Теперь чуть ли не двенадцать часов. *Пойдем*, встретим день! У меня вино есть, *выпьем* вина... [13]

Особой экспрессивностью характеризуется использование форм единственного числа повелительного наклонения применительно ко множеству лиц, в этом случае актуализируется значение команды: *А ну-ка, садись все!* [11. С. 644].

Переносное функционирование форм повелительного наклонения сопряжено с единственным числом, например:

Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силища была! *Служи* он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом! [16]

Мне лягушку *хоть* сахаром *облепи*, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа [16].

Мертвым телом *хоть* забор *подпирай*, говорит пословица [16].

Между категориями наклонения и рода возможны парадигматические связи: различие по родам существует лишь в прошедшем времени изъявительного и сослагательного наклонений. Функциональные связи между этими категориями отсутствуют.

Грамматические категории глагола находятся в сложных и разнообразных взаимоотношениях и представляют собой единый комплекс. Это обуславливает необходимость установления закономерностей взаимодействия между категориями, выявления иерархических отношений между ними, а также учет взаимосвязи их совокупной грамматической семантики с лексической семантикой глагольных лексем.

Грамматическая категория наклонения наиболее тесно связана с категориями времени и вида. Между этими категориями существуют и парадигматические, и функциональные взаимосвязи. Парадигматические взаимосвязи проявляются в том, что только в изъявительном наклонении возможная градация действия по временам, т. е. категория наклонения определяет возможность временной дифференциации. Относительно категории вида имеется лишь единственное парадигматическое ограничение, касающееся форм повелительного наклонения совместного действия, которые образуются преимущественно от глаголов совершенного вида: *зайдемте, споемте*, однако это ограничение не жесткого характера.

В тексте категория наклонения активно взаимодействует с категориями вида и времени, в результате чего создаются наиболее экспрессивные, яркие случаи функционирования глагольных форм. Интересно, что это касается преимущественно изъявительного наклонения, которое обозначает реальное действие, но в результате такого взаимодействия приобретает способность выражать различные модальные оттенки. Особенно характерно выражение различных модальных оттенков для форм будущего простого, которое, употребляясь в значении настоящего неактуального, может обозначать возможность (невозможность), необходимость, готовность, желательность и т. д. Формы будущего сложного тоже способны выражать различные модальные оттенки, функционируя в контексте абстрактного настоящего, например, значения

предположительного допущения, постоянной готовности субъекта к осуществлению действия, уверенность в осуществлении действия; однако значительно реже. Формы настоящего и в особенности прошедшего времени редко выражают какие-либо модальные оттенки.

При функционировании глагольных форм видовая семантика может взаимодействовать с модальной семантикой. В изъявительном наклонении формы несовершенного вида могут выражать потенциально-узуальное и потенциально-качественное значения, а также конативную разновидность конкретно-процессного значения. При потенциально-узуальном употреблении значение обычного, типичного действия осложняется модальными оттенками долженствования, необходимости, целесообразности. При постоянно-узуальном типе функционирования несовершенного вида может выражаться возможность или невозможность, целесообразность осуществления действия, намерение совершить действие. Потенциально-качественный тип употребления несовершенного вида возможен в том случае, если обозначается потенциальная возможность осуществления действия как свойство субъекта. Конативное значение несовершенного вида – довольно нерегулярный тип функционирования глаголов несовершенного вида, выражающий конкретный процесс как стремление, направленное на достижение цели, как попытку, успешную или неудачную.

Формы совершенного вида часто функционируют в потенциальном значении, создаваемом в контексте обычного, типичного действия и выражающем возможность – невозможность осуществления какого-то факта. В рамках потенциального значения возможны модальные оттенки возможности – невозможности осуществления действия, долженствования, желания, готовности, способности совершить действие, предположительного допущения.

При употреблении повелительного наклонения в значении сослагательного, т. е. при переносном употреблении форм повелительного наклонения, эти формы возможны только в совершенном виде.

Между категориями наклонения и числа возможны следующие функциональные взаимодействия: 1) формы повелительного наклонения со значением совместного действия типа: *споем(те)*,

давай(те) споем – это всегда формы множественного числа, что обусловлено самой выражаемой семантикой совместного действия; 2) формы единственного числа повелительного наклонения, используемые применительно ко множеству лиц, выражающие значение команды, характеризуются особой экспрессивностью; 3) переносное функционирование форм повелительного наклонения сопряжено с единственным числом.

Категории залога и наклонения связаны только парадигматическими связями: если в изъявительном и сослагательном наклонении возможен и действительный, и страдательный залог, то в повелительном наклонении возможен лишь действительный залог. Между категориями наклонения и рода возможны только парадигматические связи: различие по родам существует лишь в прошедшем времени изъявительного и сослагательного наклонений.

Библиографический список

1. Никитина Е.Н. Конструкции с именительным и творительным предикатом в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) // Вопросы языкознания. 2001. № 6. С. 3–28.
2. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 5–57.
3. Шарандин А.Л. Лексико-грамматические классы и система морфологических парадигм русского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 30 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
6. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М.: Наука, 2002. 213 с.
8. Жданова О.П. Взаимодействие лексической и грамматической семантики в рамках ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. С. 24–39.
9. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание (1866) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет:

<http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

10. Достоевский Ф.М. Бесы (1871–1872) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

11. Русская грамматика: в 2 т. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. 1496 с.

12. Маслов Ю.С. Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в «эпическом» повествовании // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 22–42.

13. Достоевский Ф.М. Идиот (1869) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

14. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.

15. Газданов Г. Письма Иванова (1963) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

16. Гоголь Н.В. Мертвые души (1842) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

17. Гоголь Н.В. Шинель (1842) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

18. Достоевский Ф.М. Подросток (1875) // Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru.>corpora-intro.html>.

19. Годизова З.И., Кокоева З.С. Грамматическая категория залога в осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) // Известия СОИГСИ. Вып. 19 (58). Владикавказ, 2016. С. 77–87.

Сведения об авторе

Галазов Эдуард Юрьевич
аспирант кафедры русского языка,
доцент кафедры актерского искусства Северо-Осетинского
государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
декан факультета искусств СОГУ им. К.Л. Хетагурова
E-mail: egalazov@mail.ru

УДК 811.111'37:811.111'373.23

КОНЦЕПТ PUNISHMENT В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМОВ)

К.Г. Голубева, Т.М. Наумова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются аллюзивные антропонимы, входящие в образный компонент британского лингвокультурного концепта *punishment*. В результате дефиниционного и контекстуального анализа аллюзивных антропонимов как британского, так и небританского происхождения выявляются связи концепта *punishment* с другими концептами британской национальной концептосферы и таким образом определяется его место в ней.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, лингвокультурный концепт, национальная концептосфера, аллюзивное значение, образный компонент концепта.

The Concept "Punishment" in the British National Conceptual Sphere (Based on the Analysis of Allusive Anthroponyms)

Kristina Golubeva, Tatiana Naumova

The article analyzes allusive anthroponyms as part of the figurative component of the British linguo-cultural concept "punishment". Definitional and contextual analysis of allusive anthroponyms of both British and foreign origins reveals this concept's connections with other concepts of the British national conceptual sphere and determines its place in the national conceptual sphere.

Key words: allusive anthroponym, linguo-cultural concept, national conceptual sphere, allusive meaning, figurative component of a concept.

Традиционно в лингвокультурном ключе концепт трактуется как единство трех составляющих: понятийной, ценностной и образной [1]. В составе последнего компонента важное место занимают образы прецедентных текстов, в том числе аллюзивные имена собственные, к роли которых в формировании национальной концептосферы в современной лингвистической науке проявляется устойчивый интерес. Под «национальной концептосферой» принято понимать «упорядоченную совокупность концептов народа» [2], то есть весь комплекс таких концептов и связей между ними.

Концепт *punishment* представлен в британской лингвокультуре именами как британского, так и небританского происхождения, при этом ни одно аллюзивное наименование не имеет имени этого концепта в качестве своего основного аллюзивного значения. Однако

сема *punishment* присутствует в качестве созначения в дефинициях многих имен собственных, вторичная номинация которых отражает отрицательную черту характера или неподобающее поведение, непослушание. Обратимся к анализу данных аллюзивных антропонимов.

Единственным исконно британским антропонимом, актуализирующим данный концепт в составе национальной концептосферы, является наименование *Peeping Tom*, называющее героя легенды о Леди Годиве – человека, который подглядывал за ней, когда она ехала по городу обнаженной, выполняя условие снижения налогов, поставленное ее мужем – правителем-тираном. Все жители были благодарны Леди Годиве и обещали не смотреть на нее, когда она будет проезжать по городу, и лишь один человек – *Peeping Tom* – подглядывал. Прозвище *peeping*, являющееся частью данного онима, уже указывает на его поведение – это человек, который подглядывает. Именно такое значение и дает «Оксфордский словарь аллюзий»: *someone who spies on someone else, or a voyer* [3. P. 317]. Прецедентная ситуация легенды указывает на причину, побудившую героя так вести себя – любопытство, что отражают переводные словари: «человек с нездоровым любопытством, подглядывающий за купальщицами, заглядывающий в окна и т. п.» [4. С. 654]; «чересчур любопытный человек» [5. С. 803]. Содержание легенды раскрывает также отрицательные последствия такого поведения: *...as a result of which he was struck blind* [3. P. 317]. Таким образом, неуместное любопытство наказывается слепотой: неэтичное поведение, не одобряемое в обществе, подвергается наказанию.

Среди небританских имен, в значении которых можно выделить сему *punishment*, наиболее многочисленную группу представляют собой греческие мифонимы: *Sisyphus*, *Ixion*, *Atlas*, *Procrustes*, *Prometheus*, *Odysseus*.

Имена *Sisyphus*, *Ixion* и *Atlas* связывают концепт *punishment* с концептом *suffering*. «Оксфордский словарь аллюзий» определяет антропоним *Atlas* следующим образом: *Atlas was one of the Titans in Greek mythology, punished for rebelling against Zeus by being made to support the heavens on his shoulders... The name can be applied to anyone who is forced to bear a heavy burden* [3. P. 34]. В данной дефиниции Атлант представлен как герой, страдающий от необходимости нести тяжелое бремя. Описанная мифологическая ситуация представляет

такое страдание как наказание за восстание против власти Зевса, то есть страдание рассматривается как наказание за непослушание, попытку посягнуть на существующую власть. Итак, здесь концепт *suffering* выступает в неразрывной связи с концептом *punishment*.

Мифоним *Ixion* актуализируется через прецедентную ситуацию *Ixionian wheel*. *In Greek mythology, Ixion was a Thessalian king who tried to seduce Hera, for which he was punished by being bound to a fiery wheel that revolved unceasingly through the underworld. The phrase "Ixionian wheel" is used to mean endless torment* [3. P. 213]. Иксион, как и Атлант, совершает поступок, за который он несет наказание, причем, крайне жестокое – он приговорен к вечной пытке.

В подобном положении оказывается и Сизиф, вынужденный вечно выполнять тяжелую и бесполезную работу в наказание за совершенные злодеяния. Мифоним *Sisyphus* имеет следующее аллюзивное значение: *His name can allude to efforts to achieve or finish something that constantly fails or to a seemingly endless ordeal* [3. P. 386]. В данном случае источником страданий является неудача, невозможность завершить начатое трудное дело. Такая пытка, как и в ситуациях, связанных с мифонимами *Atlas* и *Ixion*, – наказание за ранее совершенные проступки. За какие проступки Сизиф оказывается так жестоко наказан? *Sisyphus promoted navigation and commerce, but was avaricious and deceitful, violating the laws of hospitality by killing travelers and guests. He took pleasure in these killings because they allowed him to maintain his dominant position... He seduced his niece, took his brother's throne and betrayed Zeus' secrets* [6]. Очевидно, что ради власти (*dominant position*) Сизиф не останавливался ни перед каким злодеянием. Для получения выгоды он предавал и даже лишал жизни других людей, не задумываясь о последствиях, однако они оказались очень серьезными: за причиненное другим зло Сизиф оказывается вечно обречен на тяжелый труд, который невозможно завершить. Таким образом, данный антропоним отражает связи концепта *punishment* с концептом *evil* (*punishment for evil behaviour*).

Обратимся еще к одному греческому мифониму, представляющему концепт *punishment* в британской концептосфере – *Procrustes*. Данный оним имеет следующее аллюзивное значение: *someone who attempts to enforce uniformity or conformity by forceful or ruthless methods* [3. P. 339]. Также с этим аллюзивным именем связано

выражение *Procrustean bed*, ставшее фразеологизмом, – «мерка, под которую искусственно подгоняют явления и факты, искажая их» [5. С. 84]. Обратимся к соответствующей прецедентной ситуации: *In Greek mythology, Procrustes was a brigand who forced travelers who fell into his hands to lie on an iron bed. If they were longer than the bed, he cut off the overhanging length of leg; if they were shorter than the bed, he stretched them until they fitted it. He was eventually killed by Theseus, who attached him to his own bed and then, as he was too long for it, cut off his head* [3. P. 338]. Прокруст, меряя всех по своей мерке и жестоко расправляясь с людьми, не подходящими под нее, сам оказался в своей же ловушке: он погибает по правилам, которые сам же навязал. Итак, ответом на необоснованную жестокость оказывается такая же жестокость наказания. Жестокий человек сам провоцирует несчастья для себя. Таким образом, данный аллюзивный антропоним связывает концепты *punishment* и *cruelty*.

Частью образной составляющей данного концепта также является греческий мифоним *Prometheus: a Titan, the brother of Atlas, seen in many legends as the champion of humankind against the gods... the archetype of the courageous rebel who dares to challenge the power of the gods and of fate* [3. P. 339–340]. В дефиниции данного имени собственного акцентируется смелость мятежника, его способность бросить вызов тем, кто сильнее, противостоять даже судьбе. Если обратиться к прецедентной ситуации, связанной с этим именем (Прометей дал людям огонь, который Зевс у них отобрал), то возникает образ Прометея как помощника, спасителя, давшего людям что-то жизненно важное. С таким значением рассматриваемого антропонима связано выражение *the Promethean spark (fire) – the spark of life or vitality* [3. P. 340]. Отметим также, что за отказ следовать воле Зевса Прометей оказывается наказанным: *As a punishment for his disobedience to the gods, Zeus had Prometheus chained to a rock, where each day an eagle tore out his liver, which grew again each night. He was eventually rescued by Hercules, who shot the eagle with his bow and arrow* [3. P. 340]. Итак, через имя собственное *Prometheus* концепт *punishment*, анализу которого посвящена данная статья, связан с концептом *rebellion*: непослушание наказывается.

Еще один оним из греческой мифологии, представляющий концепт *punishment*, *Odysseus* (в римской мифологии *Ulysses*) устойчиво ассоциируется с длительным периодом невезения

(*a long period of bad luck*), а также имеет значение *a wanderer away from home* [3. P. 300]. Такие значения обусловлены тем, что, как повествует эпическая поэма Гомера «Одиссея», Одиссей по пути домой попадает в целую цепь сложных ситуаций, из которых едва выходит живым, в итоге оказывается снова дома лишь после 20 лет отсутствия. Почему этому путешественнику так не везет? Согласно мифу, все неудачи, преследующие Одиссея, вызваны его участием в Троянской войне. «Когда Парис похитил Елену, Менелай, ее супруг, разослал глашатаев ко всем бывшим претендентам на руку Елены, напоминая о клятве оберегать честь ее мужа, а также указывая, что поступок Париса оскорбил всех греков. Получил напоминание и Одиссей. Однако оракул предсказал ему, что если он отправится под Трою, то вернется домой только через двадцать лет одиноким и нищим» [7]. Проигнорировав полученное от оракула предупреждение, Одиссей отправляется на войну, в которой принимает активное участие и даже вносит огромный вклад в поражение троянцев, так как именно ему приходит в голову идея Троянского коня. Невезение Одиссея на пути домой – это его наказание за отказ послушаться предсказания оракула. Таким образом, данное аллюзивное имя связывает концепт *punishment* с концептом *bad luck*.

Образный компонент лингвокультурного концепта *punishment* в британской лингвокультуре также представлен библейскими антропонимами *Jonah* и *Absalom*.

Обратимся к прецедентной ситуации, актуализирующей библейское имя *Jonah*. *In the Bible, Jonah was a Hebrew minor prophet, who was commanded by God to “go to Nineveh, that great city, and cry against it; for their wickedness is come up before me” (Jonah 1: 2). However, Jonah refused to obey God’s command and, instead, he embarked on a ship bound for Tarnish. God sent a storm as punishment... the other sailors cast Jonah into water... whereupon the storm abated. Jonah then was swallowed by a huge fish... he repented and prayed to God to save him. After three days “the Lord spake unto the fish, and it vomited out Jonah upon the dry land” (Jonah 2: 10)... His name has subsequently stood for a bringer of bad luck. He can also be alluded to as someone who survives a very difficult or dangerous situation* [3. P. 226]. Основное аллюзивное значение антропонима *Jonah* – человек, приносящий неудачи, причина которых кроется в отказе выполнять волю Бога. Таким образом, неудачи – это наказание за непокорность, в

результате такому человеку приходится преодолеть серьезные трудности и столкнуться с многочисленными опасными ситуациями, что отражает второе аллюзивное значение данного онима (*someone who survives a very difficult or dangerous situation*). Итак, библейское аллюзивное имя *Jonah*, как и мифоним *Odysseus*, отражает связь концепта ***punishment*** с концептом ***bad luck*** в британской концепосфере.

Библейский антропоним *Absalom*, как и греческий мифоним *Prometheus*, представляет ситуацию, связанную с мятежом, однако данная ситуация совсем иная. *In the Bible, Absalom was the favourite son of King David, who led a rebellion against his father, chasing David out of Jerusalem... David ordered his men "to deal gently for my sake with the young man, even with Absalom", but his commander Joab ignored this command and slew Absalom... On hearing of the death of his son, David wept... Absalom is alluded to as the ultimate rebellious son* [3. P. 2]. В данном случае мятежником оказывается сын, восстающий против отца и погибающий из-за этого, несмотря на то, что отец его прощает и не желает его смерти. Таким образом, бунтарь оказывается наказанным за своенеправильное поведение, то есть этот оним раскрывает отрицательную коннотацию концепта ***rebellion*** и указывает на его связь с исследуемым концептом ***punishment***.

Британский концепт ***punishment*** также представлен одним литературным антропонимом небританского происхождения – *Anna Karenina*, имеющим значение *the archetypal adulteress* [3. P. 232]. Ситуация измены ставит перед Анной выбор: муж или любовник Вронский. *She chooses Vronsky but, unable to tolerate the social isolation that this leads to, eventually kills herself by throwing herself under a train* [3. P. 232]. Таким образом, измена приводит неверного человека к смерти.

Анализ причин самоубийства Анны Карениной, а также восприятия ее смерти другими указывает на связь концептов ***adultery*** и ***punishment***. Обратимся к «Penguin Reading Guide», который дает следующую интерпретацию: *To the society that scorns her for her affair, her death is due punishment. Anna's plea for forgiveness "for everything" just before she dies suggests her own sense of guilt* [8]. Смерть Анны воспринимается как наказание за ее неправильное поведение, при этом сама Анна испытывает чувство вины. Подтверждение этому можно найти в самом тексте романа: "...for he is not a man, he is a

machine, and, when he is stirred up, an ugly machine,” said she, calling to mind the most trifling details in her husband's face and manner of speaking, and charging to him as a crime all the ill that she could find in him, and not pardoning him at all on account of the terrible sin of which she had been guilty before him [9]. Изменяя мужу, Анна Каренина не могла не чувствовать себя виноватой и пыталась оправдать себя, ища неприятные черты в нем.

Поведение Анны вызывает осуждение, оно кажется преступным и заслуживает наказания. Приведем слова ее мужа: *If we probe too deeply into our hearts, we run the risk of touching on what we ought not to perceive. Your feelings concern your conscience. But in presence of yourself, of me, and of God, I am in duty bound to remind you of your obligations. Our lives are united, not by men, but by God. Only by crime can this bond be broken, and such a crime brings its own punishment [9].* Итак, измена воспринимается как преступление перед Богом, и такое преступление должно быть наказано. Свое самоубийство и сама Анна расценивает как наказание, но не для себя, а для своего любовника Вронского: *“There,” she said, looking at the shadow of the car thrown upon the black coal-dust which covered the sleepers, “there, in the centre; he (Вронский. – К. Г., Т. Н.) will be punished, and I shall be delivered from it all.... and from myself” [9].* В то же время Вронский рассматривает ее смерть как наказание для нее самой, которое она сама выбирает. *“I'm not to blame,” thought he, “if she wants to punish herself, tantpis pour elle” [9].* Таким образом, измена влечет за собой смерть как наказание за содеянное. Итак, аллюзивный антропоним *Anna Karenina* связывает концепт ***punishment*** с концептами ***adultery, death, guilt***.

Анализ аллюзивных антропонимов как британского, так и небританского происхождения позволил выявить связи британского лингвокультурного концепта ***punishment*** с концептами ***curiosity, suffering, evil, cruelty, rebellion, bad luck, adultery, death, guilt***. Данные концепты отражают либо способы наказания, либо неприемлемое поведение, непослушание, за которым следует наказание. Этимологически большинство аллюзивных антропонимов, представляющих концепт ***punishment*** в британской лингвокультуре, являются греческими мифонимами и библейскими антропонимами.

Отметим, что понимание наказания как неизбежного следствия непослушания в целом характерно для мифологического сознания древних греков (боги гневуются, если их воля не исполняется).

Подобным образом рассматривается наказание в католической и протестантской картине мира, где главной характеристикой Бога является справедливость, достигаемая за счет правосудия. «Для обеспечения порядка вселенной необходим также порядок справедливости, который требует существования как грешников, так и хороших людей. Здесь “бог является творцом зла как наказания, а не как вины”. Это четвертый тезис теодицеи Фомы Аквинского» [10]. Об этом же пишет Иларион Троицкий: «Прежде всего, латинские покаянные молитвы смотрят на кающегося только как на виновного, который должен понести наказание, а не быть вылечен от своего греховного недуга. В покаянных молитвах постоянно говорится о преступлении, о виновности, об оскорблении Бога, которое нужно загладить» [11]. Таким образом, представляется, что концепт *punishment* можно считать одним из основных концептов европейской культуры в целом и британской культуры в частности.

Библиографический список

1. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Воронеж: Восток-Запад, 2007. 314 с.
3. Oxford Dictionary of Allusions. Oxford: Oxford University Press, 2005. 472 p.
4. Новый большой англо-русский словарь / Под ред. Ю.Д. Апресяна [и др.]. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 832 с.
5. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 2005. 1210 с.
6. Sisyphus // Электронный ресурс Интернет: <http://oed.com/Sisyphus.html>.
7. Кондрашов А.П. Легенды и мифы Древней Греции и Рима: Энциклопедический словарь. М.: Рипол классик, 2005. 768 с.
8. Anna Karenina // Электронный ресурс Интернет: http://PenguinReadingGuidehttp://us.penguin.com/static/rguides/us/anna_karenina.html.
9. Anna Karenina // Электронный ресурс Интернет: [Tolstoyhttp://www.archive.org/stream/annakareninatols00tolsiala/annakareninatols00tolsiala_djvu.txt](http://www.archive.org/stream/annakareninatols00tolsiala/annakareninatols00tolsiala_djvu.txt).

10. Боргош Ю. Фома Аквинский. М.: Мысль, 1975. 183 с. // Электронный ресурс Интернет: <http://5ka.ru/90/20594/1.html>.

11. Троицкий И. Покаяние в церкви и покаяние в католичестве // Электронный ресурс Интернет: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=523>.

Сведения об авторах

Голубева Кристина Григорьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
факультета английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kristina259@gmail.com

Наумова Татьяна Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
факультета английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tmnow@yandex.ru

УДК 811.111'37

**ПАРЕМИО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ КОНСТРУКТА
«СВОБОДОЛЮБИЕ» БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО
ФОНДА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

А.М. Горохова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Настоящая статья посвящена ассоциативному картированию конструкта «Свободолюбие», входящего в систему доминантных черт британского национального характера. Картирование проводится на основе количественного индекса паремиио-семантической репрезентации конструкта в паремииологическом фонде английского языка.

Ключевые слова: британский национальный характер, паремииологический фонд, конструкт «Свободолюбие», паремиио-семантическое поле, метод ментального картирования, периферийные компоненты национальной идентичности.

**Paremio-Semantic Mapping of the British National Identity Construct “Freedom”
(Based on the Analysis of the English Paremiological Fund)**

Anna Gorokhova

The article deals with associative mapping of the construct “Freedom”, encapsulated into the matrix of British national identity and drawn on the basis of the quantitative index of its paremio-semantic representation within the framework of the English paremiological fund.

Key words: British national character, paremiological fund, construct “Freedom”, paremio-semantic field, mind-mapping, peripheral national identity components.

Межкультурная коммуникативная и поведенческая интеракция, моделирующая глобальную, надэтническую идентичность современного человеческого сообщества, во многом умаляет аксиологический потенциал индивидуальных национально-специфических компонентов, присущих той или иной народности. С другой стороны, подобная тенденция к усреднению и демаркации национальных ценностей обуславливает необходимость в фиксации фундаментальных этноконстант, способствующих национальному самоопределению. Одним из способов является картирование – построение радиальных древовидных карт, передающих ассоциативную структуру предметов, объектов и реалий действительности.

Британская идентичность являет собой симбиотическую систему черт, базирующуюся на контрполюсах и отличающуюся кросс-ассоциативностью и взаимным дополнением входящих в ее состав элементов. К числу наиболее значимых и противоречивых относится конструкт «Свободолюбие». В настоящей статье анализ проводится на материале репрезентации свободолюбия в паремиологическом фонде как наиболее статичном языковом слое, содержащем национальные константы в доступной, «емкой» форме.

Эмпирической базой исследования послужил корпус из 903 этномаркированных пословиц английского языка, полученный путем сплошной выборки из аутентичных лексикографических источников [1; 2; 3], изданных после 2000 года. Интерпретация фактического материала проводится на основе применения методов интерпретативного, дефиниционного, фразеологического и статистического анализа. Результатом стало построение ментальной карты британского свободолюбия. В ее основу положено ассоциативное ветвление конструкта и количественный индекс его репрезентации в контексте паремиологического фонда современного английского языка. Для визуализации паремио-ассоциативной карты внедряется метод ментального картирования [4; 5].

Генезис британского свободолюбия предопределен факторами геополитического и исторического толка: островное положение Соединенного Королевства и «отграниченность» от континента; борьба за независимость на ранних этапах становления государственности и стабильность рубежей (отсутствие иноземных оккупантов) после Нормандского завоевания 1066 года; монархия, уравновешенная авторитетом парламента, – все это явилось катализатором уникальной системы исконно британского понимания и перцептивного аппарата этноконстанты «Свобода».

Индивидуальная свобода для носителя британской лингвокультуры заключается в наличии права действовать, верить и выражать мысли в соответствии с собственным выбором, не подчиненным неоправданному или непомерному контролю, принуждению со стороны других индивидов, включая правительство и иные социальные институты [6].

По данным социологического опроса, проведенного 11–12 февраля 2015 года ведущим британским научным консалтинговым агентством *ComRes* [7], специализирующимся на корпоративном

имидже, социальной политике и коммуникации, мнения респондентов британского происхождения, отметивших свободу в том или ином ее проявлении в качестве одной из ключевых ценностей британской национальной идентичности, распределилось следующим образом:

- свобода слова – 46 %;
- толерантность к инакомыслию – 26 %;
- политическая свобода – 20 %;
- религиозная свобода – 13 %.

При этом приверженность свободе слова на 13 % превысила уважение социальных регламентаций и текущего законодательства, коррелирующих с законопослушностью британского лингвосоциума и демонстрирующих, в соответствии с текущей классификацией, показатель в 33 %.

Свободолюбие как доминантная черта британского национального характера постулируется и в статье “*British Values*” британского премьер-министра Дэвида Кэмерона от 15 июня 2014 года [8], который выделяет экономические и социальные векторы актуализации в национальном сознании традиционных аксиологических установок. По его убеждению, приверженность аутентичным британским ценностям служит фундаментом благополучия и развития государства, с одной стороны, и символом единства, авторитета, мощи нации – с другой.

Лингвистическая проекция британского свободолюбия (см. рис. 1), полученная на основе количественного индекса репрезентации этномаркированных пословиц с анализируемым паремиио-семантическим полем, являет собой ментальную карту, включающую пять ассоциативных ветвлений:

- 1) собственно свободолюбие;
- 2) эксцентричность;
- 3) толерантность;
- 4) противоречивость;
- 5) развитое чувство юмора.

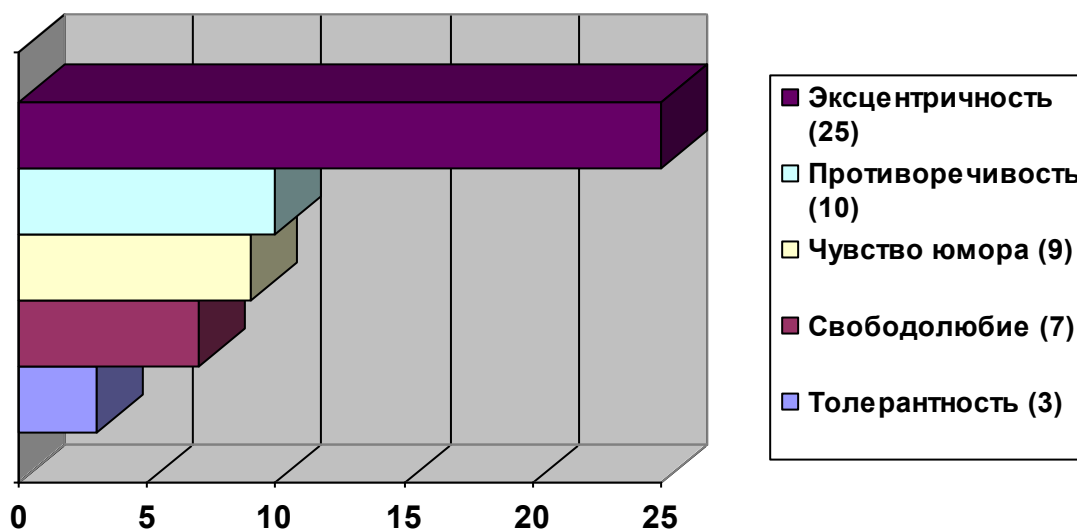

Рис. 1. Индекс количественного распределения ассоциативных ветвлений конструкта «Свободолюбие»

Рассмотрим каждое из них более подробно.

1. **Свободолюбие.** Как самостоятельная черта данная аксиологическая доминанта представлена в контексте паремиологического фонда современного английского языка малым значением в 7 единиц, что служит следствием конформизма и сдержанности британцев, ассоциирующих свободу с эксплицитно девиантной, в некоторой степени конфликтной формой поведения, зачастую проявляющейся в неприятии общепринятой догматики и традиционной системы регламентаций.

- *A bean in liberty is better than a comfit in prison* – «боб на свободе лучше деликатесов в темнице» (здесь и далее перевод наш. – А. Г.). Пословица логически соотносится с британской самолимитацией и умеренным характером потребностей, доктриной довольствия малым. Аналогичная тенденция прослеживается и в речениях: *Lean liberty is better than fat slavery* – «чахлая свобода лучше цветущего рабства» (контраст достигается оппозицией лексем *lean / fat*); *Better be an old man's darling than a young man's slave* – «лучше быть любимчиком старика, чем рабом молодого человека».

- *Those that marry for money sell their liberty* – «те, что женятся по расчету, распродают (расточают) собственную свободу». Свобода соотносится с независимостью и достоинством индивида.

- *One volunteer is worth two pressed men* – «один доброволец (волонтер) ценнее двух подневольных». *You can take a horse to the water, but you can't make him drink* – «можно привести коня на водопой, но нельзя заставить его испить воды». Свобода понимается как способность принимать самостоятельные решения.

- *He that complies against his will is of his opinion still* – «тот, кто покоряется против воли, все равно остается при своем мнении». Несвобода слова / мнения предстает как маркер потенциальной скрытой или явной конфронтации.

- *Give a man rope enough and he will hang himself* – «дайте человеку веревку и достаточно свободы – и он повесится». Чрезмерная свобода и вседозволенность могут стать причиной трагедии. Вновь прослеживается взаимосвязь со сдержанностью и рационализмом британской лингвокультуры.

2. **Эксцентричность.** Британская свобода находит выражение в пренебрежении классическими мировоззренческими канонами, приверженности субкультурам, гипертрофированной самоэкспрессии, индивидуальности и рискованности [9]:

- *There is an exception to every rule* – «на любое правило найдется исключение».

- *A change is as good as a rest* – «перемены подобны отдыху». Уход от привычных вещей, вызов традиционализму как положительное явление.

- *Eat, drink and be merry for tomorrow we die* – «ешь, пей и радуйся, потому что завтра мы все умрем». Призыв жить сегодняшним днем, игнорируя последствия, рамки и общественные регламентации.

- *Wanton kittens make sober cats* – «шаловливые котята – здравомыслящие (сдержанные) коты». Эксцентричность и конфликтность как спутник юности и неотъемлемая стадия взросления индивида ведут к «остепенению» и житейской мудрости в будущем.

- *One story is good till another is told* – «одна история хороша, пока не рассказана другая». Ориентация на новое, открытость.

- *Stolen waters are sweet* – «сладка краденая вода» (аналог в русском языке: «запретный плод сладок»). Неправомерное и запретное расценивается как нечто привлекательное; оправдывается желание испытать это, даже в случае противоречия определенным поведенческим нормам.

3. **Толерантность.** Социальные девиации, потребность в самовыражении актуализируют терпимость и принятие нетрадиционных форм индивидуальных проявлений.

- *A good horse cannot be of bad colour* – «хорошую лошадь цветом не испортить». У личности могут быть недостатки, но они не должны отражаться на ее общем восприятии. Следует мириться с присутствием индивидуальных, подчас «неугодных» другим индивидам черт.

- *Live and let live* – «живи и дай жить другим». Для британцев характерен принцип приватности и невмешательства в частую жизнь, персональное пространство. Принципы, которых придерживаются другие люди, могут входить в диссонанс с общепринятыми нормами, однако подобные девиации повсеместно принимаются и не умаляют личных достоинств их носителей.

- *It takes all sorts to make a world* – «мир создается разными людьми». Люди отличны друг от друга, но каждый человек имеет свое место в обществе, несет те или иные функции, с ним следует считаться.

4. **Противоречивость.** Британской натуре свойственно двуличие как одна из граней социальной свободы. Система национальных ценностей построена на оппозиции контрполюсов и биполярности поведенческих и вербальных проявлений. Неслучайно британская лингвокультура именуется «культурой негативной вежливости» (*negative politeness*), определяющей механизмы внутриэтнического и межэтнического взаимодействия представителей островных народностей [8].

- *England's difficulty is Ireland's opportunity* – «сложность для Англии – шанс для Ирландии». Внутриэтническое противоречие является социальной нормой.

- *You cannot run with the hare and hunt with the hound* – «не полагается бегать с зайцем и охотиться с собакой». Принцип служения «и нашим и вашим» носит заведомо деструктивный характер.

- *From the sweetest wine the tartest vinegar* – «из сладчайшего вина кислейший уксус». Пословица, зародившаяся в XVI веке, служит маркером противоречивых отношений между людьми: даже крепким дружественным связям может прийти на смену горькая ненависть.

- *If you don't speculate you can't accumulate* – «если не спекулируешь, ничего не приобретешь». Нечестное, незаконное поведение, отклонение от нормативов, бунт ведут к процветанию и обогащению.

5. Развитое чувство юмора. Остроумие является замыкающим компонентом ассоциативного кольца конструкта «Свободолюбие» и представляется смежным элементом, стоящим на стыке социальной пассивности, умеренности британцев и их эксцентричной самоэкспрессии, свободной от общепринятой лимитирующей поведенческой и интерактивной «рутины». Чувство юмора и отшучивание (*laughing it off*) позволяют выйти из ситуаций социального и коммуникативного дискомфорта, редуцировать психоэмоциональное напряжение, демонстрируя при этом интеллектуальное превосходство, независимость мысли и слова.

- *Laugh and the world laughs with you, weep and you weep alone* – «смейся – и мир будет смеяться вместе с тобой, рыдай – и будешь рыдать в одиночку». Смех – положительное явление, наделенное консолидирующей, унифицирующей функцией; предмет социального интереса, одобрения и поощрения.

- *It's a poor heart that never rejoices* – «бедно то сердце, которое не ведает радости». *Let them laugh that win* – «пусть смеются те, кто побеждает». Развитое чувство юмора, смех выступают как спутники успеха и благополучия.

- *Many a true word is spoken in a jest* – «немало правдивых слов в шутке» (аналог в русском языке: «в любой шутке есть доля правды»). Юмор – эффективная и безопасная форма презентации определенных взглядов. Не воспринимаемое всерьез, на первый взгляд, шутливое высказывание может нести значительную смысловую нагрузку и оказывать подсознательное воздействие на слушателя.

В ходе анализа ассоциативных ветвлений, интегрированных в паремиио-семантическое поле «Свободолюбие» паремииологического фонда английского языка, был получен индекс их квантитативного распределения, представленный в виде диаграммы на рисунке 1.

Схема эксплицитно демонстрирует численное превосходство ассоциативного компонента «Эксцентричность» (25 единиц паремииологического фонда). Близкими по значению показателями обладают конструкты «Противоречивость» (10 единиц), «Развитое чувство юмора» (9 единиц) и собственно «Свободолюбие» (7 единиц).

Минимальной степенью паремиологической репрезентации характеризуется конструкт «Толерантность», который выражен 3 единицами паремиологического фонда.

Ассоциативное кольцо первого порядка конструкта «Свободолюбие», входящего в систему доминантных черт матрицы британского национального характера, образует пятивершинную ментальную карту (см. рис. 2).

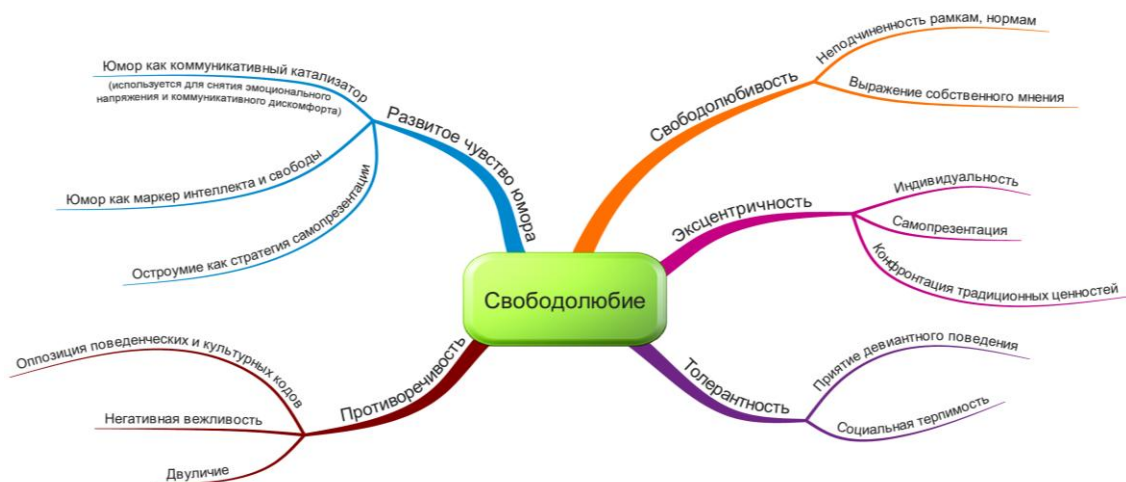

Рис. 2. Ментальная карта паремио-семантического поля «Свободолюбие» (на основе паремиологического фонда английского языка)

Показательно отсутствие явно очерченных контрполюсов в структуре анализируемой этнической доминанты. На основе полученной карты и сети ассоциативных ветвлений представляется возможным предположить, что свободолюбие является прочной аксиологической константой британского национально-культурного мира, не состоящей в отношениях контрастной дихотомии с другими элементами ценностного спектра. В свою очередь сравнительно невысокий (6 %) индекс репрезентированности свободолюбия в контексте паремиологического фонда английского языка может быть истолкован как дополнительное свидетельство нежелания носителей британской лингвокультуры быть в оппозиции к традиционной системе ценностей, морально-этических норм и правил, выработанной поведенческой модальности. Социальный конформизм, бесконфликтность народности детерминируют подозрительное, негативное восприятие чрезмерной вседозволенности и свободы, потребность в регламентации и рационализации пространства, что находит выражение в сдержанной лингвистической проекции

свободолюбия на уровне статичного языкового слоя и выводит рассматриваемый конструкт на периферийную позицию в структуре британской идентичности.

Библиографический список

1. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2008. 388 p.
2. Simpson J.A., Speake J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. 2 Subedition. Oxford: Oxford University Press, 1992. 336 p.
3. English Proverbs: The Phrase Finder // Электронный ресурс Интернет: <http://www.phrases.org.uk/meanings/proverbs.html>.
4. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. Modern Mind Mapping for Smarter Thinking. Cardiff: Proactive Press, 2012. 181 p.
5. Buzan T. The Ultimate Book of Mind Maps. Cardiff: Harper Thorsons. 2006. 256 p.
6. Fundamental British Values: Worcestershire College // Электронный ресурс Интернет: <https://www.howcollege.ac.uk/media/1512/british-values-document.pdf>.
7. ComRes: British Values Survey // Электронный ресурс Интернет: http://www.comresglobal.com/wp-content/uploads/2015/03/February2015_Poll_Tables.pdf.
8. Cameron D. British Values: Article by David Cameron // Электронный ресурс Интернет: <https://www.gov.uk/government/news/british-values-article-by-david-cameron>.
9. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder and Stoughton, 2004. 424 p.

Сведения об авторе

Горохова Анна Михайловна
ассистент кафедры основ английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: gorokhova@lunn.ru, anna-gorokhova@mail.ru

УДК 811.111'25:811.161.1'25

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЭКСПЛЕТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.Н. Лисенкова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются некоторые аспекты адекватности перевода с английского языка на русский особых вставных элементов высказывания, называемых эксплетивами. Выявляется наличие соответствий при переводе эксплетивных конструкций по таким параметрам, как формальное наличие эксплетивов, их морфологические характеристики, синтаксическая функция, стилистическая отнесенность, равенство референциальных значений, прагматический потенциал высказывания, содержащего эксплетив.

Ключевые слова: эксплетивы, сниженная лексика, адекватность перевода, переводческие соответствия, английский и русский языки.

On Translating Expletive Elements from English into Russian Nadezhda Lisenkova

The article concentrates on the problem of translating expletives from English into Russian, revealing a number of correspondences between English and Russian expletives at the level of their formal presence in a sentence, their morphological and syntactic characteristics, stylistic register, lexical meaning, and pragmatic abilities.

Key words: expletives, degraded words, correspondences in translation, English and Russian languages.

Эксплетивы, или вставки, представляют собой одну из разновидностей экспликации, то есть такого избыточного употребления языковых средств, которое не входит в состав нейтральной области, являясь характерной особенностью сниженного регистра общения. Термин «эксплетив» предложен Ю.М. Скребневым для обозначения слов и словосочетаний, «аффективное содержание которых преобладает над их предметно-логическим значением» [1. С. 164]. Обычно (но не обязательно) это бранные слова, зачастую вульгаризмы, референциальное значение которых связано либо с религиозной тематикой, либо с интимной сферой жизни человека. В речи персонажей англоязычной художественной литературы, отражающей, как предполагается, реальный процесс речевой коммуникации, чаще всего встречаются такие единицы, как *the hell, the devil, the deuce, goddam, damn (damned), on earth, for God's sake, for*

Chrissake, несколько менее распространены *in God's name, lousy, darn, blasted, the heck, in the world, the dickens, bloody, the fuck, fucking*. В рамках разработанной Ю.М. Скребневым общей классификации коллоквиальной специфики эксплетивы трактуются как одно из проявлений экспликативной тенденции и занимают место в ряду так называемых избыточных материальных элементов, которые включают также повторение сегментов текста, апеллятивные местоимения, вводные конструкции, перифрастические способы выражения, междометия как индикаторы вопросительности. Избыточные материальные элементы противопоставляются проявлениям структурной избыточности, таким как коммуникативно значимая инверсия, пролепса, вопросно-ответное построение реплики и т. п. [1].

Эксплетивы как особый класс языковых единиц коллоквиального синтаксиса практически не подвергались детальному рассмотрению. Так, до настоящего времени не определен лингвистический статус эксплетивов, нуждается в уточнении их количественный состав, встает проблема отграничения эксплетивов от смежных явлений, вопрос об их месте в системе сниженной лексики, о роли эксплетивов в реализации коммуникативного намерения говорящего, в особенности в случаях косвенного способа выражения. Актуальной является также проблема адекватной передачи единиц такого рода при переводе с одного языка на другой.

Известно, что в процессе перевода не всегда осуществляется полная передача всех значений, выраженных в тексте подлинника. При переводе семантические потери неизбежны, речь может идти лишь о максимально возможной полноте передачи значений, выражаемых текстом оригинала. В этой связи необходимо обратиться к понятию переводческого соответствия, что означает наличие единицы переводящего языка, регулярно используемой для перевода данной единицы исходного языка [2]. Соответствия могут наблюдаться на различных уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом. Л.С. Бархударов сводит все типы семантических соответствий между единицами двух языков к трем основным:

1) полное соответствие – имеет место в отношении однозначных слов (преимущественно терминов) и универсальных конструкций;

2) частичное соответствие – при котором одной единице исходного языка соответствует не один, а несколько семантических эквивалентов переводящего языка;

3) отсутствие соответствия, когда речь идет о безэквивалентных единицах [3].

При обращении к проблеме перевода эксплетивных элементов представляется целесообразным трактовать переводческое соответствие как сохранение определенных параметров единицы английского языка в русскоязычном варианте. С этой точки зрения важными для достижения максимальной адекватности перевода являются следующие факторы:

1) формальное наличие эксплетива в оригинале и в переводе;

2) сходные морфологические характеристики англоязычных и русскоязычных лексем, квалифицируемых как эксплетивы;

3) сохранение синтаксической функции эксплетива в предложении;

4) равенство референциальных значений единиц английского и русского языков (как на уровне отдельного слова, так и на уровне высказывания);

5) сохранение стилистической (в терминологии Ю.М. Скребнева – субъязыковой) отнесенности соответствующих единиц;

6) эквивалентная передача прагматического потенциала высказывания, содержащего эксплетив.

Рассмотрим, каким образом и в какой степени достигается адекватный перевод эксплетивов, на материале романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» [4] (J.D. Salinger, *The Catcher in the Rye* [5]), принимая во внимание случаи полного соответствия, частичного соответствия и отсутствия соответствия. Текст романа изобилует эксплетивными конструкциями, которые являются одним из основных средств речевой характеристики главного героя.

В отношении формального наличия эксплетива можно говорить о полном соответствии в случае, когда в русском переводе также присутствует логически избыточный компонент предложения, функционирующий в качестве выразителя эмоций и имеющий то же референциальное значение, что и в тексте оригинала. Например:

*Where **the hell** is everybody?* – *Куда к черту все пропали?* [4; 5].

Однако имеют место случаи, когда соответствующая единица русского языка, хотя и является, подобно эксплетиву, эмоционально заряженной и логически избыточной, но не тождественна англоязычной в плане денотата. Например: *goddam throat* – *подлая глотка*. Это позволяет квалифицировать подобные случаи как частичное соответствие.

Статус некоторых единиц русского языка, соответствующих эксплетивам в переводе, таких как *ужасно*, *смертельно*, *страшно*, *адский*, представляется затруднительным определить точно. Предположительно, они занимают промежуточное положение между полнозначными словами, функционирующими в качестве интенсификаторов, и эксплетивами.

It made me feel sad as hell. – *Мне сделалось ужасно грустно.*

The room was too damn hot. – *В комнате стояла адская жара.*

...He'd insulted the hell out of me... – *Он меня смертельно оскорбил...* [4; 5].

Отсутствие соответствия наблюдается при полной нейтрализации эксплетива и утрате эмоциональной заряженности и соответствующей стилистической сниженности, как в следующих примерах:

What the hell ya reading? – *Что ты читаешь?*

She had on those damn falsies. – *И в лифчик что-то подложено.* [4; 5].

Зачастую эксплетивы переводятся посредством устойчивых выражений, характеризующихся эмоциональностью, но не содержащих экспликации.

I could picture her breaking a goddamn leg to get to the phone and tell my mother I was in New York – *... Я представил себе, как она сломя голову хватает трубку и звонит моей матери, что я в Нью-Йорке...* [4; 5]

Обратимся теперь к проблеме сохранения морфологических и синтаксических характеристик эксплетивов при переводе. Эта проблема осложняется тем, что зачастую синтаксическая функция эксплетива иррациональна (в высказываниях типа *What the hell are you doing here?* ее не представляется возможным определить), а частеречевая принадлежность может быть установлена только в контексте (ср. например: *damn* как глагольная форма (*Damn it!*), как прилагательное (*damn note*) или как наречие в функции

обстоятельства-интенсификатора (*so damn lonesome*). Ряд эксплетивов, однако, имеют морфологические показатели, позволяющие в определенной степени приписать им некоторый лингвистический статус, например: наличие артикля или предлога (*the hell, on earth*), форманты *-y* или *-ed* (*bloody, blasted*). Можно утверждать, что в следующих примерах наблюдаем полное структурно-функциональное соответствие:

goddam fingernails – *гнусные ногти* (прилагательное, функция определения);

touchy as hell – *обидчивые до чертиков* (существительное, функция обстоятельства).

С другой стороны, если в русском переводе соответствующие элементы обладают более конкретным референциальным значением и потому с большим основанием могут быть отнесены к значимым частям речи, в английском языке они сближаются по значению с междометиями. В таком случае правомерно говорить либо о частичном соответствии, либо об отсутствии соответствия. Аналогичным образом остается неясным статус описываемых единиц (междометие или эксплетив) в следующих примерах:

What's the matter with ya, for Chrissake! – *Да как же вы не понимаете, госноду!*

Jesus! – *О черт!* [4; 5].

Отсутствие соответствия наблюдается также в следующих случаях, где эксплетивный элемент не находит аналогии в русском переводе ни в плане частеречевой принадлежности, ни в плане синтаксической функции в предложении, что, однако, не влияет на качество перевода, который представляется вполне адекватным.

He had a damn good build. – *Он здорово сложен.*

It was cold as hell. – *Холод стоял собачий.*

I have a lousy vocabulary. – *У меня не хватает слов.*

What the hell's your reading? – *Goddam book.* – *Что ты читаешь? – Не видишь – книгу читаю.*

It was icy as hell and I damn near fell down. – *Дорога обледенела до черта, и я чуть не грохнулся* [4; 5].

Синтаксическая функция эксплетива при переводе сохраняется еще реже, чем морфологические характеристики. Тем не менее, случаи полного функционального соответствия все же встречаются, например:

God, how I hated him! – **О господи**, как я его ненавижу в эту минуту! [4; 5].

Выделенные единицы можно рассматривать как обращения, как междометия или как эксплетивы – в любом случае соответствие будет полным. В следующих высказываниях также наблюдаем полное функциональное соответствие:

...He drove off like a bat out of hell – ...Он умчался как сумасшедший (обстоятельство образа действия);

lousy childhood – дурацкое детство (определение).

Однако более распространены случаи несовпадения функций вставных элементов в англоязычном тексте и в русском переводе – именно в силу того, что синтаксическая функция эксплетива зачастую иррациональна. В ряде случаев вообще не представляется возможным говорить о сохранении синтаксической функции эксплетива ввиду его отсутствия в переводе.

He banged the hell out of the room. – Он хлопнул дверью и смылся.

What the hell's the matter with you? – Ты что, снятил, снятил?

I patted him on the goddam shoulder. – Я похлопал его, дурака, по плечу.

I wouldn't go to one of those Ivy League colleges if I was dying, for God's sake. – Меня в эти аристократические колледжи никакими силами не заманишь, лучше умереть, честное слово [4; 5].

При переводе конструкций с эксплетивами неизбежно встает вопрос о равенстве референциальных значений последних в исходном и переводящем языках. Приведем основные (первичные и вторичные) значения некоторых наиболее частотных в романе эксплетивов, основываясь на данных словарей:

crazy – 1) ненормальный, псих; 2) дурацкий;

damned – 1) проклинать; 2) чертов, проклятый;

for Chrissake – 1) господи! 2) чертовщина;

for God's sake – 1) ради Бога! 2) черт его дери!

goddam – 1) чертов, треклятый; 2) поганый, идиотский;

(the) heck – 1) черт! 2) внутренняя дверь;

(the) hell – 1) ад, преисподняя; 2) черт, чертовски;

lousy – 1) вшивый; 2) подлый, отвратительный, дурацкий;

stupid – 1) глупый, тупой; 2) дурацкий;

В качестве полного соответствия будем рассматривать случаи равенства либо первичных, либо вторичных значений. В нижеследующих примерах представлено равенство первичных значений:

***goddam foils** – чертовы рапиры;*

*What's the matter with you, **for Chrissake**? – Да как же вы не понимаете, господу!*

*It was hot as **hell**. – Жара была адская.*

*...You wondered what **the heck** he was living for... – ...Начинаешь удивляться – за каким чертом он еще живет.*

Другая группа примеров иллюстрирует равенство вторичных значений:

***stupid face** – дурацкая рожа;*

***lousy manners** – отвратительная привычка;*

***goddam galoshes** – поганые галоши;*

*Anyway, I kept standing next to that **crazy cannon**... – Словом, стоял я у этой дурацкой пушки...*

О частичном семантическом соответствии можно говорить, если считать правомерным передачу в переводе только первичного значения единицы, квалифицируемой как эксплетив. Этот вопрос, по-видимому, имеет преимущественно конвенциональное решение.

Отсутствие соответствия иллюстрируют случаи, когда ни одно из значений единиц исходного и переводящего языков не совпадает:

***old as hell** – из него уже песок сыплется;*

*He told me he thinks you're a **goddam prince** – Сказал, что ты – настоящий принц! – говорю.*

Очевидно, что в художественном тексте, насыщенном эмоциональной лексикой неоднозначного лингвистического статуса, переводчику неизбежно приходится считаться с некоторыми расхождениями в референциальных значениях слов, что во многих случаях, однако, не ухудшает качество перевода.

Немаловажным в плане адекватности перевода является вопрос о сохранении соответствующей стилистической отнесенности эксплетивов. Очевидно, что такого рода лексические единицы должны быть отнесены к субнейтральной области. В соответствии с разработанной Ю.М. Скребневым общей стилистической классификацией лексики они могут быть, далее, подразделены по степени сниженности [6]. Такие единицы минимальной степени

сниженности, как *on earth, in the world* в тексте анализируемого романа не представлены. К этому уровню можно отнести выражения типа *for God's sake, stupid, crazy, old*. В речи главного героя, в силу его воспитания, отсутствуют также наиболее непристойные, неприемлемые в обществе вульгаризмы, которые целесообразно отнести к лексемам максимальной степени сниженности. Таким образом, будем исходить из того, что наиболее частотные в романе эксплетивы *goddam, damn, bloody, the hell, lousy* характеризуются средней степенью сниженности (см. прим. 1).

Полное стилистическое соответствие наблюдается в тех случаях, когда степень сниженности единицы в оригинале и в переводе совпадает. Например:

For God's sake... – *Господу...* (минимальная степень сниженности);

Nobody's making any cracks about your goddam religion. – *Никто твою религию не трогает, хрен с ней* (средняя степень сниженности).

Частичное стилистическое соответствие имеет место в случае перевода исходной единицы элементом либо большей, либо меньшей степени сниженности, как в следующих примерах:

I patted him on the goddam shoulder. – *Я похлопал его, дурака, по плечу.*

I'm 12, for Chrissake. I'm big for my age. – *Мне уже двенадцать. Я только дьявольски большого роста.*

Отсутствие стилистического соответствия наблюдается в двух случаях:

а) перевод нейтральной единицы сниженным словом или выражением;

б) перевод сниженной единицы нейтральным словом или выражением.

Первое не представляет интереса для целей настоящего исследования. Второе может быть проиллюстрировано следующим образом:

big goddam Cadillac – роскошный “Кадиллак”;

I have a lousy vocabulary – у меня не хватает слов.

Очевидно, что любое изменение стилевого регистра лексической единицы ослабляет воздействие текста на читателя и частично (а нередко и полностью) изменяет прагматический потенциал высказывания, или иллокуцию (в терминах прагматической теории),

которая понимается традиционно как реализация намерения говорящего с целью определенного воздействия на слушающего. Если коммуникативная интенция говорящего адекватно передана в переводе, можно говорить о полном прагматическом соответствии.

Наблюдения над языковым материалом показывают, что эксплетивный элемент способен как акцентировать реализуемое в высказывании прагматическое значение, например передачу психологического состояния говорящего или его отношения к сказанному, так и изменять это значение в зависимости от ряда факторов. В русскоязычной версии романа в большинстве случаев сохраняется эмоциональная и прагматическая характеристика высказывания, что может быть проиллюстрировано следующим примером:

*How about turning off the **goddam** light? – Может быть, потушишь свет, **черт возьми?***

Конструкция, конвенционально используемая в неофициальном общении в качестве побуждения к действию, сопровождается эмоцией раздражения и нетерпения, что передается наличием эксплетива.

*“Did you give her my regards?” I asked him? “Yeah”. **The hell he did, the bastard.** – «Ты передал ей привет?» – «Да». **Черта с два он это сделал.***

В данном примере наличие эксплетива и в оригинале, и в переводе сообщает высказыванию отрицательное значение при отсутствии формальных показателей отрицания.

В целом становится очевидным, что перевод конструкций, содержащих эксплетивы, как и перевод отдельных эксплетивных элементов с английского языка на русский, представляет значительные трудности. Принимая во внимание все факторы, существенные для достижения адекватности перевода, можно утверждать, что преобладают случаи частичного соответствия и отсутствия соответствия. Предположительно, это объясняется, с одной стороны, неопределенным лингвистическим статусом эксплетивов, с другой стороны, различиями типологических структур английского и русского языков, что снижает вероятность дословного перевода. Тем не менее, как показывает языковой материал, существует возможность эквивалентной передачи всех значений оригинала путем использования переводческих трансформаций.

Примечания

1. Такой подход не является общепринятым, однако некоторые соображения позволяют принять его условно. Подробнее см.: Лисенкова Н.Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка) // Вестник ЮУрГУ. 2010. Вып. 10. С. 40–42.

Библиографический список

1. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи // Электронный ресурс Интернет: <https://www.e-reading.club/book.php?book=55486>.
5. Salinger J.D. The Catcher in the Rye // Электронный ресурс Интернет: <https://genius.com/JD-salinger-the-catcher-in-the-rye>.
6. Skrebnev Y.M. Fundamentals of English Stylistics. М.: Высшая школа, 1994. 222 p.

Сведения об авторе

Лисенкова Надежда Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Vladimir.lisenkov2012@yandex.ru

УДК 81'27(493)

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БРЮССЕЛЕ И СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ

Ю.М. Марченко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

В статье раскрывается уникальность языковой ситуации в Брюсселе и столичном регионе Бельгии, которая характеризуется как общественное двуязычие (многоязычие) в сочетании с индивидуальным многоязычием; анализируются данные социологических исследований употребления языков в разных сферах жизни населения города Брюссель и брюссельского столичного региона.

Ключевые слова: языковая ситуация, билингвизм, индивидуальное многоязычие, лингва-франка, языковое сообщество, языковая картина.

The Modern Language Situation in Brussels and the Brussels Metropolitan Area **Yulia Marchenko**

The article examines the uniqueness of the language situation in Brussels and its metropolitan area, which can be described as social bilingualism (multilingualism) in conjunction with individual multilingualism. The author also analyzes the data of sociological surveys on language use, conducted among residents of Brussels and its metropolitan area, who represent different walks of life.

Key words: linguistic situation, bilingualism, individual multilingualism, lingua franca, language community, language picture.

Актуальность данной статьи обусловлена усложнением лингвистической ситуации в Брюсселе и столичном регионе. Многонациональный характер населения города и большое количество смешанных языковых семей представляют сложность в определении принадлежности того или иного индивида к определенному языковому сообществу. Увеличение числа билингвальных семей, а также количества языков, на которых общаются внутри семьи, позволяет говорить о многоязычии брюссельского общества.

Цель работы заключается в изучении современной языковой ситуации в столичном регионе Бельгии, связанной с противостоянием двух главных этнических групп – фламандцев и французов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить и проанализировать данные современных социологических и социолингвистических исследований, касающихся языковых отношений, языковых смещений и языковой принадлежности жителей города; составить общую языковую картину столицы.

В связи с непрерывным процессом урбанизации город все чаще становится объектом исследования разных наук [1]. Языковая ситуация в городе – состояние социально-функционального распределения этносоциальных коммуникативных систем, взаимодействующих в пределах поликультурного ареала в социально-административных границах города. Под социально-административными границами города понимается территориально ограниченный ареал, состоящий из собственно географических границ города и прилегающих к нему территорий, жители которых оказывают влияние на языковой портрет города регулярностью и интенсивностью социальных контактов с его населением [2]. В многоязычном городе социально-коммуникативную систему образуют разные языки и коммуникативные функции распределяются между ними. Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества и формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества. Часто различия речевых навыков в пределах одного языкового общества определенным образом соотносятся с системно упорядоченными социальными различиями. Как справедливо заметил А.Д. Петренко [3. С. 44], «язык не находится вдали от социальной системы, а постоянно развивается, отражая в своей структуре те или иные трансформации в обществе».

В середине 60-х годов XX века были проведены два исследования языка города Нью-Йорк, которые стали образцом для многих дальнейших работ: У. Лабов изучал социальную стратификацию произношения жителей Нью-Йорка [4], а Дж. Фишман исследовал социальные проявления билингвизма [1]. Изучением языковой ситуации города занимались такие ученые-лингвисты, как В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, А.Д. Петренко, В.В. Иванов и др. Язык города социально дифференцирован, каждая его подсистема имеет собственные группы носителей, поэтому характеристика социальных групп городского населения является важным фактором при описании языков многоязычного города [1].

Столица Бельгии и Евросоюза, город Брюссель, вместе с другими 18 коммунарами образует Брюссельский столичный регион, фактически являющийся единым городом с населением почти в два

миллиона человек. Брюссель является двуязычным городом с политической точки зрения. Официально равноправными в органах администрации признаны французский и нидерландский языки.

Экономический потенциал, сформированный международным статусом столицы Евросоюза, богатая культурная жизнь города, отличающаяся от других бельгийских городов, являются важными факторами при выборе этого города в качестве места проживания и работы. В начале 2000-х годов в Брюсселе был запущен проект, целью которого являлось изучение языковых отношений, языковых смещений и языковой принадлежности жителей города. В рамках этого проекта было опрошено 2500 человек в возрасте от 18 до 70 лет и была составлена общая языковая картина столицы. Исследователи Лоренс Меттеви и Руди Йанссенс отмечают уникальность языковой ситуации в Брюсселе, характеризуют ее как общественное двуязычие (многоязычие) в сочетании с индивидуальным многоязычием. Авторы высказывают мнение о том, что языковая действительность в Бельгии соответствует «политическим подходам»: принципу территориальности и отсутствию концепции, относящейся к «наднациональности», характерной для современных моделей двуязычного образования [5].

Хотя отношения между разными языковыми группами остаются напряженными, подавляющее большинство жителей Брюсселя видят в многоязычии важное преимущество, независимо от их языковой принадлежности. «В Брюсселе проживает от 85 % до 92 % франкоговорящих, для трети из которых французский не является родным языком» [6].

Языковая картина столицы определяется прежде всего основными используемыми языками. Руди Йанссенс выделяет 4 группы языков Брюсселя:

- 1) два официальных языка (наиболее часто употребляемые и во многих ситуациях единственно допустимые в речи с точки зрения закона);
- 2) английский язык, используемый в экономическом и культурном контексте;
- 3) языки, преподаваемые в школах и университетах;
- 4) языки мигрантов, которые не преподаются в школах, но используются в семьях, общественных организациях, занимающихся проблемами мигрантов [7].

Официальные языки являются единственными языками системы образования брюссельского столичного региона, знание одного из них является обязательным условием для профессиональной деятельности. Английский язык является самым изучаемым иностранным языком. Другие языки, такие как немецкий, итальянский или испанский, используются только в семьях определенной частью населения Брюсселя. Согласно исследованиям, количество языков, используемых населением дома, возросло в 2000-х годах по сравнению с 90-ми [8].

В таблице 1 представлены языки, получившие наибольшее распространение в брюссельском столичном регионе.

Таблица 1
Языки, наиболее используемые в брюссельском столичном регионе в 2000-х гг.

T1		T2	
Французский	95,52 %	Французский	95,55 %
Фламандский	33,29 %	Английский	35,40 %
Английский	33,25 %	Фламандский	28,23 %
Арабский	9,99 %	Испанский	7,39 %
Немецкий	7,61 %	Арабский	6,36 %
Испанский	6,90 %	Итальянский	5,72 %
Итальянский	4,68 %	Немецкий	5,56 %
Турецкий	3,33 %	Турецкий	1,47 %
Берберский	3,09 %	Португальский	1,67 %
Португальский	1,43 %	Лингала	0,99 %
Греческий	1,19 %	Греческий	0,91 %
Русский	0,48 %	Русский	0,64 %
Лингала	0,39 %	Берберский	0,36 %

Данные получены в результате исследований, проведенных в начале 2000-х (T1) и в середине 2000-х (T2) среди респондентов, утверждавших, что их знание того или иного языка является высоким. Согласно полученным данным, французский язык (95 %) является основным языком, часто выступая в качестве лингва-франка столичного региона. Число говорящих на фламандском языке уменьшилось по сравнению с началом века, уступив вторую позицию английскому языку. Однако, согласно исследованиям, уровень владения английским языком значительно не изменился [8]. Возросла популярность таких языков, как итальянский и испанский, которые являются на данный момент не только языками, на которых говорят мигранты из этих стран, но также языками, преподаваемыми в школе.

Потеряли свои позиции арабский и турецкий языки, сохранившиеся исключительно как языки общения внутри семей мигрантов и используемые параллельно с французским языком. В целом по результатам исследования практически все опрошенные жители Брюсселя признают, что большое количество языков является позитивным явлением, и только 17 % признают проблематичным параллельное существование различных языков в пределах данного региона [9].

Изменения наблюдаются и на уровне языков, используемых населением в бытовой сфере. Наблюдается увеличение монолингвальных франкоговорящих семей, а также билингвальных семей. Эта тенденция затрагивает в основном тех, кто родился и вырос в Брюсселе. Что касается тех, кто родился в столичном регионе и говорит на фламандском, а также мигрантов из Фландрии, их число в целом уменьшается. Однако число монолингвальных семей, говорящих на фламандском остается неизменным, увеличивается количество смешанных франко-фламандских семей, выбирающих фламандский в качестве языка общения в семье. В семьях иностранцев французский все больше и больше выбирается в качестве второго языка в семье после родного, в то время как фламандский не используется вообще, либо используется в том случае, если дети из иностранной семьи изучают его в школе [8].

Таблица 2

Языки, используемые жителями Брюсселя в семьях

	T1	T2
Фламандский	9,5 %	7,0 %*
Французский	51,6 %	56,8 %*
Фламандский / французский	9,9 %	8,6 %
Французский / другие языки	9,3 %	11,3 %
Другие языки	19,7 %	16,3 %*

Среди тех, кто говорит на фламандском, менее четверти использовали этот язык в семьях в качестве единственного языка общения. Для половины брюссельцев, говорящих на фламандском, это язык, преподаваемый в школе. Вне семьи граждане Брюсселя, говорящие на фламандском, все чаще используют этот язык во время административных контактов, в медицинских учреждениях и т. д.

В таблице 3 приведены данные использования языков при общении с администрацией и властями. Наблюдается тенденция более частого использования фламандского языка билингвальными семьями в общественных учреждениях, более 60 % иностранцев считают важным знать и использовать фламандский язык, более 50 % франкоговорящих граждан утверждают, что фламандский язык все чаще употребляется в общественных местах Брюсселя. Тем не менее, французский язык сохраняет лидирующую позицию в качестве языка, используемого в административных и общественных организациях [8].

Таблица 3
Язык общения в административных и общественных организациях Брюсселя

		Фламандский	Французский	Два языка
Фландроговорящее население	T1	48,3 %	41,2 %	10,5 %
	T2	59,9 %	30,2 %	9,9 %
Франкоговорящее население	T1	2,5 %	97,5 %	1,9 %
	T2	1,6 %	97,4 %	0,8 %
Традиционные билингвы	T1	4,4 %	86,7 %	8,8 %
	T2	10,7 %	81,8 %	7,5 %
Новые билингвы	T1	1,7 %	94,0 %	3,8 %
	T2	1,8 %	97,9 %	0,4 %
Население, использующее иные языки	T1	1,2 %	96,6 %	0,8 %
	T2	1,7 %	94,8 %	1,5 %

Рассмотрим использование фламандского и французского языков в системе образования. В мультилингвальном обществе образование играет важнейшую роль, а для многих граждан получение качественного языкового образования является одним из приоритетных. И хотя граждане, говорящие на фламандском, менее склонны поддерживать билингвальное обучение, большинство из них соглашаются с тем фактом, что изучение двух официальных языков и смешанные билингвальные школы являются важным решением в рамках лингвистического кризиса в стране [5]. Тот факт, что билингвизм и билингвальное образование необходимы, подтверждают более 90 % жителей Брюсселя. В условиях того, что общественные

места для отдыха и развлечений давно не являются лингвистически гомогенными и часто их выбор определяется с учетом языковых предпочтений граждан, появляется все больше клубов и ассоциаций, часто спортивных, целью которых является объединение населения по интересам, не принимая во внимание язык их общения [9].

Что касается массмедиа, в этой сфере все еще прослеживается четкое разделение по языковому признаку. Граждане, говорящие на фламандском, читают фламандскую прессу, в то время как те, кто не говорит с рождения на фламандском, читают ее редко или вообще не читают, редко смотрят телепередачи на фламандском, выбирая только иностранные фильмы и телесериалы, часто транслируемые на языке оригинала, без перевода на фламандский язык [8]. С этой точки зрения фламандское телевидение интересно и для франкоговорящей части населения, выбирающей для просмотра только фильмы на английском или другом языке, но практически не интересующейся программами на фламандском. Франкоговорящие граждане читают прессу только на французском языке. При этом растет число населения, говорящего на фламандском и отдающего предпочтение французской прессе. Причина заключается в большей информативности французской прессы, например, газета *Le Soir* является самым популярным изданием на французском языке среди граждан Брюсселя [8].

Важность билингвизма в рассматриваемом регионе подтверждается и использованием языков в социальной сфере, например в вопросах трудоустройства. Владение государственными языками является более важным, чем хорошее владение английским. Брюссельские компании все чаще представляют себя на мировом рынке, используя французский язык. Внутри региона используется такая же практика, за исключением ресторанного бизнеса, где в равной степени используются французский и фламандский языки. Даже при условии начального этапа общения с клиентом на французском языке, персонал ресторанного бизнеса должен свободно владеть фламандским для общения с клиентами. Однако можно утверждать, что в столичном регионе французский язык остается основным в сфере общения на рабочих местах и с начальством. При общении с франкоговорящим коллегой фламандцы переходят на французский язык, а не наоборот. Иностранцы же чаще обращаются к коллегам, говорящим на фламандском языке, на английском, чем на французском. В целом лингвистическая иерархия столичного региона

в сфере экономики и трудоустройства такова: французский язык занимает первое место, за ним идут фламандский и английский [8].

Хотя владение тем или иным языком и использование его в повседневной жизни и в деловой сфере являются объективными параметрами, языковая идентичность остается субъективной. Невзирая на то, какой язык является родным, жители Брюсселя называют себя «бельгийцами» или «брюссельцами». Термин «фламандец» используется достаточно редко, в основном среди молодежи. Для франкоговорящей части населения важнее называть себя «бельгийцами», «брюссельцами» и «европейцами». Среди тех, кто говорит на других иностранных языках, существует достаточно негативное отношение к фламандцам, и при выборе языка для общения приоритетным оказывается французский язык. Если какой-нибудь житель города начинает разговор с иностранцем, он делает это на французском языке [5].

Языковая картина Брюсселя отличается многообразием языковых сообществ и языков. Важной чертой является не только количество языков, но также скорость происходящих языковых изменений в этом регионе. В Брюсселе, как в многонациональном мегаполисе, существует большое количество так называемых «миграционных муниципалитетов», внутри которых происходят быстрые языковые процессы под влиянием демографического и лингвистического изменения состава членов муниципалитетов. Из-за смешанных браков с разными родными языками супругов и большого притока рабочей силы из Восточной Европы сложно сделать прогноз о языковом будущем данного региона. Языковые процессы, происходящие за короткий период времени, можно проследить по значительным изменениям в использовании фламандского языка. Ранее наблюдалось преимущественное использование в быту французского языка в смешанных языковых семьях. На данный момент с увеличением числа подобных браков растет число семей, где фламандский используется как язык общения в кругу семьи [8].

Еще одним примером языковой динамики многонационального Брюсселя могут служить языковые изменения в студенческой среде. Студенты, говорящие на фламандском, все больше делают упор на использование своего родного языка в рамках тенденции сокращения числа тех студентов, для кого фламандский является родным языком. Образование является важным звеном в регулировании знания и

использования трех основных контактных языков в Брюсселе. Каждый студент владеет французским языком на достаточно высоком уровне. Уровень употребления английского языка приближается к уровню употребления фламандского, однако их изучение в школах уступает изучению французского языка, т. к. каждый житель стремится максимально хорошо выучить последний [9]. В процессе овладения языками образование является связующим звеном между многоязычными семьями и брюссельским обществом с его реалиями и рынком труда. Хотя большинство брюссельцев считают билингвизм неотъемлемой частью города и региона, немногие из них удовлетворены уровнем языкового образования. Преимущество билингвизма используется правительством при гарантии предоставления рабочих мест и услуг на двух официальных языках. Уровень безработицы среди молодежи в Брюсселе составляет 35 %. И хотя полностью связать эту цифру с уровнем владения языками неправильно, зависимость между ними несомненно существует [5].

Как неоднократно упоминалось, английский язык является третьим по степени распространенности после официальных языков в Брюсселе. Этот язык изучается в школах, но не используется в качестве языка общения дома. Язык проникает в брюссельское общество через массмедиа, различные культурные межгосударственные программы, институты Евросоюза и иностранные компании. Знание английского языка позволяет большому числу европейцев приезжать жить и работать в Брюссель, не владея французским языком, формируя тем самым языковую группу, состоящую в основном из людей молодого и среднего возраста, которые не говорят по-французски. Существует ошибочное мнение, что английский язык вытесняет фламандский по степени употребления в Брюсселе. Английский используется в основном только в международных организациях, чьи сотрудники формируют отдельное сообщество, и их контакт с основным населением города достаточно ограничен. Сохраняется языковая иерархия: французский, фламандский и английский в качестве третьего по распространению языка в Брюсселе. Согласно исследованиям Лоренса Меттеви и Люка ван Менселя, на рабочем рынке Брюсселя сохраняется острая нехватка именно франко-французских билингвов, а в контексте экономической глобализации в Брюсселе английский язык не играет основную роль во внешних делах компаний, будучи используем только в сочетании с

французским и фламандским [10]. Согласно исследованиям «Язык и статистика рынка труда», только 12 % фламандцев считают английский более важным языком на рынке труда в Брюсселе, чем французский, а 44.4 % тех граждан, которые говорят на других языках, считают лишним изучение французского при владении английским. С другой стороны, большинство франкоговорящих брюссельцев (52,6 %) считают владение фламандским языком более важным, чем владение английским, так как, по их мнению, английский язык представляет угрозу использованию французского языка в регионе. Однако фактически именно фламандский язык может быть вытеснен английским. В экономической отрасли традиционный билингвизм может вытесняться собственно французским или английским языком. Значительную роль английского языка в брюссельском обществе нельзя отрицать: в отдельных сферах он соперничает с французским, в меньшей степени с фламандским и является альтернативой общения в местах, где билингвальная коммуникация приводит к конфликту [11].

Очевидно, что не только недостаточное знание языка лежит в основе частого непонимания, возникающего между жителями мегаполиса. Как говорилось выше, массмедиа оказывают огромное влияние на взаимоотношение между разными языковыми группами. Если те, кто говорит на фламандском, получают информацию о событиях в Брюсселе и Бельгии из прессы на французском и фламандском языке, то мигранты читают издания в основном только на французском языке, что влияет на формирование у них негативного образа о фламандцах. Согласно исследованиям Лоренса Меттеви, жители Брюсселя, говорящие на фламандском, часто формируют свое мнение о событиях в регионе, основываясь на информации из прессы региона Фландрия, которая часто высказывается негативно по отношению к Брюсселю [7]. Возникает необходимость создания медиаканалов для улучшения образа Брюсселя и проживающих на его территории граждан, говорящих на фламандском, предназначенных как для фламандцев, проживающих на территории Фландрии, так и для тех, кто не говорит по-фламандски, но проживает в Брюсселе и вне столичного региона.

Тот факт, что жители Брюсселя, для которых фламандский не является родным языком, считают изучение этого языка важным, не означает, что им нравится сам язык. В данной работе не раз указывалось на так называемый языковой кризис в столичном регионе,

как и во всей Бельгии в целом. Лоренс Меттеви утверждает, что фламандцы Брюсселя проявляют менее негативное отношение по отношению к французской половине населения, 92,7 % фламандцев считают французский язык красивым по сравнению с 43,4 % франкоговорящих граждан, которые считают так же по отношению к фламандскому языку [12]. В рамках языкового кризиса проявляется и проблема мультилингвизма многонационального мегаполиса, ставящая перед правительством вопрос о реформах в сфере образования.

Таким образом, большинство жителей Брюсселя признают билингвизм значимой особенностью мегаполиса и одобряют необходимость высокого владения фламандским языком. Те граждане, которые говорят на фламандском, все чаще пользуются этим языком дома и в профессиональной деятельности. С другой стороны, французский язык остается самым важным языком страны, является вторым языком общения для мигрантов из разных стран и лингвафранка всего брюссельского региона. Большое количество языков, которые можно услышать в многонациональном мегаполисе, способствует усилению в регионе роли английского языка, который особенно востребован в деловой среде. Тот факт, что английский язык часто заменяет в общении фламандский и французский языки, не означает, что он может вытеснить официальные языки, но он остается самым изучаемым языком в школе с практической точки зрения, а также часто является вторым по степени владения языком.

Библиографический список

1. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / А.Д. Петренко, М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, Д.А. Петренко, Д.М. Храбскова, К.А. Мележик, Т.В. Бридко, А.В. Пономарева, К.Г. Иштоян. М.: Перо, 2015. 491 с.
2. Леонова Е.В. Языковая ситуация в мегаполисе (на примере языковой ситуации в Лондоне): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011 // Электронный ресурс Интернет: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-261762.html>.
3. Петренко А.Д. Социальная стратификация языка и проблемы социофонетической вариативности // Культура народов Причерноморья. 2001. № 19. С. 44.
4. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 2006. 485 p.

5. Janssens R. Van Brussel gesproken. Taalgebruik, taalverschuivingen en taalidentiteit in het Brussels Hoofdstedelijk Gewest / Brusselse Thema's 15. Brussel: VUBPRESS, 2007 // Электронный ресурс Интернет: <https://books.google.com/books?id=yZMAc9XpvI4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f>.

6. Bruxelles // Электронный ресурс Интернет: <https://statbel.live.pr.belgium.be>.

7. Janssens R. Nederlandstalige verhuizers van en naar Brussel. Een wetenschappelijk onderzoek naar de verhuisbewegingen van de Nederlandstalige bevolkingsgroep in en uit het Brussels Hoofdstedelijk Gewest. Onderzoek in opdracht van de Vlaamse Gemeenschapscommissie. Brussel: BRIO, 2007 // Электронный ресурс Интернет: www.briobrussel.be.

8. Janssens R. Language Use in Brussels and the Position of Dutch. Some Recent Findings // E-journal for Academic Research on Brussels Contacts // Электронный ресурс Интернет: http://www.briobrussel.be/assets/andere%20publicaties/en_51_brus13en.pdf.

9. Janssens R. Taalgebruik in Brussel. Taalverhoudingen, taalverschuivingen en taalidentiteit in een meertalige stad / Brusselse Thema's 8. Brussel: VUBPRESS, 2001 // Электронный ресурс Интернет: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/>.

10. Mettewie L., Mensel L. van. Entreprises bruxelloises et langues étrangères. Pratique et coût d'une main d'oeuvre ne maîtrisant pas les langues étrangères // Электронный ресурс Интернет: www.briobrussel.be.

11. Parijs P. van. Brussel hoofdstad van Europa: de nieuwe taalkundige uitdagingen / Brussels Studies: Electronisch wetenschappelijk tijdschrift voor onderzoek over Brussel. 2007. № 6. // Электронный ресурс Интернет: www.brusselsstudies.be.

12. Mettewie L., Janssens R. Language Use and Language Attitudes in Brussels // Multilingualism in European Bilingual Contexts, language Use and Attitudes / Lagabaster D., Huguet A. (Ed.) Clevedon: Multilingual Matters, 2007. P. 117–143.

Сведения об авторе

Марченко Юлия Михайловна
аспирант кафедры языка, литературы и социолингвистики
института иностранной филологии
КФУ им. В.И. Вернадского
E-mail: ciel_84@mail.ru

УДК 811.112.2'42

О ПОНЯТИИ КОСВЕННОГО РЕЧЕВОГО АКТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКЕ

Е.О. Мидова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

В статье рассматривается вопрос об определении косвенного речевого акта в современной прагмалингвистике. Анализ научных работ позволяет выделить несколько групп определений, в основу каждой из которых положены различные признаки косвенного речевого акта.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, косвенный иллокутивный акт, косвенность пропозиционального содержания, иллокутивные индикаторы, косвенная речевая стратегия.

The Concept of the Indirect Speech Act in Modern Linguistic Pragmatics

Ekaterina Midova

The article discusses the definition of the indirect speech act in modern linguistic pragmatics and, based on the analysis of current research, selects several groups of definitions, basing each of these groups on various characteristics of the indirect speech act.

Key words: indirect speech act, indirect illocutionary act, indirect propositional content, illocutionary indicators, indirect speech strategy.

Изучение иллокутивной семантики косвенных речевых актов представляется одним из наиболее актуальных направлений прагмалингвистических исследований на сегодняшний день. Явление косвенности речевого акта получает отражение в работах отечественных (Н.Д. Арутюнова, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, И.П. Сусов, Е.В. Милосердова, Г.Г. Почепцов и др.) и зарубежных (J.R. Searle, D. Holdcroft, D. Franck, R. Bertolet, R. Conrad, D. Wunderlich, W. Sökeland, A. Burkhardt и др.) лингвистов.

Однако несмотря на большое количество исследований многие вопросы теории косвенности речевого акта до настоящего времени остаются дискуссионными. В частности, в современной лингвистической прагматике открытым остается один из ключевых вопросов теории – вопрос об определении косвенного речевого акта.

Различные подходы к изучению и описанию феномена косвенности речевого акта (J. Searle, J. Leech, D. Holdcroft, R. Bertolet, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов и др.), разное решение вопросов о

соотношении понятий косвенного и имплицитного речевого акта (И.М. Кобозева, Е.В. Милосердова, О.Г. Почепцов и др.), конвенциональных и неконвенциональных речевых актов (J. Searle, P.F. Strawson, H. Haverkate, G. Green, J. Moeschler, В.Г. Гак, Н.И. Формановская, И.М. Кобозева и др.) обуславливают факт терминологической неопределенности косвенного речевого акта в зарубежной и отечественной лингвистической прагматике.

Термин «косвенный» употребляется в лингвистике в двух значениях: 1) «непрямой» (*indirekt, indirect*) и 2) «опосредованный, содержащий промежуточное звено» (*mittelbar, mediate*) [1. С. 142]. И.М. Кобозева рассматривает косвенность как способ выражения смысла, который кодируется с помощью языкового знака, конвенционально предназначенного для выражения другого, буквального, смысла знака [2].

Впервые прямые и косвенные речевые акты разграничил Дж. Серль. Ученый определил косвенный речевой акт как «случай, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [3. С. 195–196]. Последователи теории речевых актов, вслед за Дж. Серлем, акцентируют внимание на косвенности иллокутивной семантики речевого акта (Н.Р. Althaus, Н. Henne, Н.Е. Wiegand, D. Homberger, M. Wachtel, A. Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portmann, D. Franck, G. Harras, Th. Lewandowski, И.М. Кобозева, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.Г. Поспелова и др.).

В научной литературе встречается и другое понимание термина «косвенный речевой акт», при котором в качестве косвенных рассматриваются не только речевые акты с косвенной иллокуцией, но и речевые акты с косвенным пропозициональным содержанием (M. Schwarz-Friesel, J. Limmer, Т.А. Шишкина, К.С. Неустроев и др.). Кроме того, в научной литературе высказывается точка зрения, согласно которой в косвенном речевом акте имеет место «несовпадение между выраженным пропозициональным содержанием и пропозициональным содержанием, соответствующим иллокутивной роли» [4. S. 10], т. е. данное несовпадение становится определяющим для признания речевого акта косвенным. Такое понимание косвенного речевого акта считается более узким по сравнению с традиционной трактовкой, учитывающей также случаи совпадения выраженного пропозиционального содержания и пропозиционального содержания, соответствующего истинному

коммуникативному намерению говорящего (J. Searle, M. Wachtel, D. Franck, G. Harras, И.М. Кобозева, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.Г. Пospelова, Е.В. Милосердова и др.).

В фокусе внимания традиционной теории косвенности речевого акта находятся косвенные акты речи преимущественно в диалогических высказываниях. Данный факт оказывается важным в свете того, что в лингвопрагматических исследованиях допускается понимание косвенного речевого акта в широком смысле. В частности, Р. Конрад указывает на то, что практические действия невербального характера могут интерпретироваться как своего рода «косвенные речевые акты», если с их помощью может быть сокращена полная схема поведения без обращения к вербальным средствам [5. С. 367]. С точки зрения И.М. Кобозевой, в широком смысле косвенным можно назвать любой коммуникативный акт (и речевой, и невербальный), действительная цель которого не выражена явно [6]. Таким образом, поле для исследования явления косвенности может быть расширено на невербальные действия, функционирующие сходным с косвенными речевыми актами образом.

Анализ зарубежной и отечественной теоретической литературы, посвященной феномену косвенности речевого акта, позволяет условно выделить пять групп определений, в основу которых положены различные свойства косвенных речевых актов. К первой группе определений можно отнести дефиниции, в которых в качестве основного признака косвенного речевого акта указывается рассогласование между его формой и функцией [D. Homberger, J. Meibauer, M. Wachtel и др.].

Косвенным признается речевой акт, в котором «буквально выраженный иллокутивный тип не совпадает с собственным коммуникативным намерением говорящего, имеет место расхождение между формой и функцией высказывания, различие между буквально сформулированным и имеющимся в виду значением» [7. S. 433] или «языковая форма не соответствует целевой иллокуции» [8. S. 52].

Аналогичное понимание косвенного речевого акта встречается у ряда отечественных лингвистов. В частности, В.И. Карасик определяет случай косвенности речевого акта как «рассогласование между значением и смыслом высказывания, между выраженным и подразумеваемым содержанием, между собственным и контекстуально обусловленным (ситуативно обусловленным) значением» [9. С. 195].

С точки зрения А.Г. Пospelовой, косвенные речевые акты – это высказывания, в которых «есть расхождение между формой высказывания и его иллокутивной функцией» [10. С. 144].

При имеющихся терминологических различиях названные дефиниции очень близки и представляют сходное понимание косвенного речевого акта как случая рассогласования между буквально выраженным и подразумеваемым содержанием. При этом, однако, подобные дефиниции не в полной мере отражают специфику косвенного речевого акта, т. к. расхождением между буквально выраженным и подразумеваемым могут характеризоваться и речевые акты с косвенным пропозициональным содержанием. Данная неточность может быть преодолена путем акцентирования внимания на различии косвенности иллокуции и пропозиции.

Ко второй группе определений косвенного речевого акта можно отнести близкие по смыслу дефиниции, фокусирующиеся на отсутствии в поверхностной структуре высказывания иллокутивных индикаторов, указывающих на истинное коммуникативное намерение говорящего [G. Harras, D. Franck, A. Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portmann и др.].

В теории речевых актов индикаторами иллокутивной функции называются формальные элементы высказывания, которые регулярно соотносятся с определенным типом речевого акта [11. S. 215]. К их числу следует относить не только иллокутивный глагол, но и более широкий набор языковых средств, наличие которых в поверхностной структуре высказывания делает возможным выявление иллокутивной функции речевого акта (A. Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portmann, Е.Н. Старикова, Е.В. Падучева, И.М. Кобозева, М.Л. Макаров и др.).

По мнению Д. Франк, в косвенном речевом акте «тип иллокуции, на который указывают языковые средства, не совпадает с первичной иллокутивной функцией, соответствующей намерению говорящего (после адекватной интерпретации всех иллокутивных индикаторов)» [12. S. 90]. Т.Б. Радбиль определяет косвенный речевой акт как «разновидность речевых актов, осуществляемых с помощью таких высказываний, которые имеют в своей структуре явный показатель одного коммуникативного намерения, но при этом реально выражают другое коммуникативное намерение» [13. С. 14]. С точки зрения И.М. Кобозевой, косвенные речевые акты – это «речевые действия, иллокутивная цель которых не находит прямого отражения в

языковой структуре употребленного высказывания» [2. С. 19], в косвенных речевых актах иллокутивная цель выражена с помощью показателей, исходно предназначенных для маркировки других иллокутивных целей [6].

Приведенные определения косвенных речевых актов, которые отнесены в данной статье ко второй группе, позволяют говорить о том, что зарубежные и отечественные лингвисты едины в понимании косвенного речевого акта как акта, в поверхностной структуре которого отсутствуют иллокутивные индикаторы, соответствующие коммуникативному намерению говорящего, и присутствуют индикаторы, маркирующие другую иллокутивную цель. Данное представление может быть уточнено посредством включения в дефиницию указания на тип имеющихся в речевом акте иллокутивных индикаторов.

В теории речевых актов показатели иллокутивной функции речевого акта подразделяются на первичные и вторичные. Значение первых заключается в указательной функции, выражающейся в назывании типа произведенного иллокутивного акта, т. е. они передают собственное значение высказывания. Значение вторичных индикаторов не сводится к указанию. Их назначение – поддержка косвенного значения высказывания. К числу вторичных индикаторов относятся, в частности, контекст и пропозициональное содержание [14].

Деление показателей иллокутивной функции на два типа позволяет говорить о том, что в косвенном речевом акте отсутствуют первичные (языковые) индикаторы истинного коммуникативного намерения говорящего, но присутствуют вторичные индикаторы иллокутивной функции. Наличие последних в поверхностной структуре высказывания делает возможным распознавание косвенной иллокуции слушающим.

Третья группа определений косвенных речевых актов представлена дефинициями, в которых указывается причина употребления косвенных речевых актов. Например, согласно одному из определений косвенным является речевой акт, в котором «выраженное в связи с используемой речевой стратегией не совпадает с тем, что имеется в виду» [15. S. 275], т. е. причиной употребления косвенного речевого акта становится определенная речевая стратегия говорящего. В действительности косвенный речевой акт является результатом реализации косвенной речевой стратегии, которую

зачастую в качестве оптимальной выбирает говорящий с учетом ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. Безусловно, это связано с тем, что прямое эксплицитное выражение оказывается в некоторых случаях нежелательным или неэффективным и задачи общения могут быть лучше достигнуты, если прибегнуть к непрямому речевому действию [М.В. Никитин, Р. Brown, S. Levinson и др.]. Именно поэтому зарубежные исследователи подчеркивают, что косвенный речевой акт – это «не вид речевого акта, а вид осуществления речевого акта» [16. S. 291].

В определениях косвенного речевого акта, которые можно отнести к четвертой группе, в фокусе внимания оказываются механизмы формирования косвенного иллокутивного смысла.

Некоторые ученые описывают путь образования косвенного речевого акта с помощью принципа кооперации Г.П. Грайса. Исходя из данного принципа коммуникативный вклад участников коммуникации на каждом шаге диалога «должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [17. С. 222]. Принципу кооперации подчиняются более конкретные коммуникативные постулаты (количества, качества, отношения и способа), представляющие собой некие предписания говорящим.

По мнению Р. Бертолета, именно нарушение говорящим одного из постулатов наводит слушающего на мысль, что говорящий преследует другую прагматическую цель. Нарушение правил происходит лишь на уровне поверхностной структуры речевого акта, глубинная же структура отвечает требованиям коммуникативных максим [18]. Той же точки зрения придерживается Э. Финеган, полагая, что косвенный речевой акт «предполагает видимое нарушение принципа кооперации, но в действительности является косвенно кооперативным» [19. Р. 311]. Дополнительная иллокутивная сила, присутствующая в речевом акте, выводится слушающим как коммуникативная имплицатура.

По Г.П. Грайсу, «коммуникативные имплицатуры», или «имплицатуры речевого общения», – это те компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысловую структуру предложения. Коммуникативная имплицатура должна быть логически выводимой – в отличие от конвенциональной имплицатуры, которая связана конвенциональным образом с тем или иным словом или синтаксической конструкцией и наличие которой может постигаться

носителем языка интуитивным путем. Кроме того, коммуникативная импликатура возникает при произнесении высказывания p в данном контексте, но не каждый раз, когда произносится p . Конвенциональная импликатура, будучи результатом автоматизации логических связей в стереотипных ситуациях, напротив, возникает каждый раз при произнесении p [17].

К понятию импликации обращаются некоторые отечественные исследователи, чтобы дать определение косвенному речевому акту. В частности, А.Г. Пospelова подразумевает под косвенным тот речевой акт, в котором наряду с прямой иллокутивной силой присутствует импликатура (конвенциональная или разговорная) [10. С. 141]. Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева называют косвенными речевые акты, «смысл или иллокутивная сила которых выводится адресатом по правилам импликатур» [20. С. 29].

Иную точку зрения на формирование косвенной иллокуции высказывает И.М. Кобозева, связывающая образование косвенного речевого акта с нарушением условий успешности речевого акта (в теории речевых актов – условия уместного употребления речевого акта в речи). По мнению И.М. Кобозевой, косвенный речевой акт представляет собой «явление речевой многозначности, когда нарушается сущностное условие успешности – условие назначения речевого акта» [21. С. 39, 42].

В определениях косвенного речевого акта, составляющих пятую группу, указываются возможные способы распознавания слушающим истинного коммуникативного намерения говорящего.

Р. Конрад дает следующее определение косвенного речевого акта: «косвенный речевой акт SA_1 имеет место в том случае, если SA_1 может быть получен с помощью операций логического вывода из прямого значения предложения S_1 , реализующего некоторый речевой акт SA_1 , и из определенных сведений о соответствующей ситуации, непосредственно не связанных с предложением S_1 и речевым актом SA_1 » [5. С. 356]. Таким образом, ключевыми для интерпретации косвенного речевого акта становятся, по мнению Р. Конрада, операция логического вывода из прямого значения высказывания и сведения о ситуации общения.

Согласно принятому в лексикографических источниках определению, под косвенным понимается такой речевой акт, в котором «иллокутивная цель присутствует имплицитно и выводится

адресатом благодаря его коммуникативной компетенции» [22. С. 413], т. е. основным фактором, способствующим распознаванию косвенной иллокуции, становится коммуникативная компетенция слушающего.

Таким образом, анализ представленных на сегодняшний день в теоретической литературе определений косвенных речевых актов позволяет прийти к выводу о том, что косвенный речевой акт соединяет в себе множество характеристик, которые должны быть учтены при исследовании рассматриваемого явления. При этом, как правило, то или иное определение включает указание на несколько из возможных признаков. Данное положение можно проиллюстрировать с помощью таблицы, отражающей различные характеристики косвенного речевого акта и их включение в ту или иную дефиницию (см. табл. 1).

Выделенные в статье группы определений косвенных речевых актов являются условными и не исключают, а, напротив, во многом дополняют друг друга. В частности, многие ученые подчеркивают, что возникновение и распознавание актуального смысла речевого акта возможно благодаря действию целого ряда факторов.

Дж. Серль отмечает, что для объяснения косвенных речевых актов необходимо обращение не только к теории речевых актов, но и к теории кооперативного речевого общения Г.П. Грайса, к инференционной способности слушающего и общим фоновым знаниям участников коммуникации, предлагая последовательность шагов, которые необходимы для вывода первичной иллокуции из буквальной иллокуции [3]. Г.П. Грайс полагает, что при выводе коммуникативной имплицатуры слушающий опирается на конвенциональные значения использованных слов и знание всех их референтов, принцип кооперации и постулаты речевого общения, контекст высказывания, фоновые знания, имеющиеся у коммуникантов, а также тот факт, что вся указанная информация доступна обоим коммуникантам и они об этом знают [17].

Таблица 1

Косвенный речевой акт в определениях зарубежных и отечественных лингвистов

Признак косвенного речевого акта	Основные признаки косвенного речевого акта				Дополнительные признаки косвенного речевого акта		
	Представление иллокутивной цели высказывания посредством другой иллокутивной цели	Рассогласование между формой и функцией; несовпадение между тем, что выражено, и тем, что имеется в виду	Отсутствие в поверхностной структуре индикаторов косвенной иллокутивной функции / наличие в поверхностной структуре индикаторов другой иллокутивной функции	Использование косвенной речевой стратегии	Особый путь формирования косвенной иллокуции	Особый путь интерпретации косвенной иллокуции	
Имя исследователя	Зарубежная лингвистическая прагматика						
J. Searle	+	-	-	-	-	-	-
R. Bergmann, P. Pauly, S. Stricker	-	+	-	-	+	-	-
R. Conrad	-	-	-	-	-	-	Операция логического вывода из прямого значения предложения, сведения о ситуации общения
E. Finegan	-	-	-	-	-	Видимое нарушение принципа кооперации	-

D. Franck	+	-	+	-	-	-	-
G. Harras	+	-	+	-	-	-	-
D. Homberger	+	+	-	-	-	-	-
Th. Lewandowski	+	+	-	-	-	-	-
G. Grewendorf	+	-	-	-	-	-	-
A. Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portmann	+	-	+	-	-	-	-
J. Meibauer	-	+	-	-	-	-	-
G. Rabe, S. Nicolas	+	+	-	-	-	-	-
M. Wachtel	+	+	-	-	-	-	-
P. Ernst	-	-	+	-	-	-	-
V. Ehrlich, G. Saile	-	+	+	-	-	-	-
G. Yule	-	+	-	-	-	-	-
Отечественная лингвистическая прагматика							
Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева	+	-	-	-	-	-	Вывод по правилам импликатур
В.И. Карасик	-	+	-	-	-	-	-
И.М. Кобозева	+	-	+	-	-	Нарушение усло- вия назначения речевого акта	-
Н.Д. Арутюнова	+	-	+	-	-	-	Вывод благодаря коммуникатив- ной компетенции слушающего
А.Г. Поспелова	+	+	-	-	-	-	-
Т.Б. Радбиль	+	-	+	-	-	-	-
А.Ю. Маслова	-	-	+	-	-	-	-

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что различные подходы к определению косвенного речевого акта обусловлены разными точками зрения на феномен косвенности, на механизмы образования и способы распознавания косвенных иллокуций. Выбор того или иного подхода определяет содержание понятия «косвенный речевой акт» и находит отражение в предлагаемых исследователями дефинициях. Всесторонне и объективно исследовать феномен косвенности речевого акта возможно лишь с учетом всей сложности изучаемого явления.

Библиографический список

1. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 440 с.
2. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 7–21;
3. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–221;
4. Rabe G. Durch Sprache handeln. München: GRIN-Verlag, 2007. 31 S.
5. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 349–383.
6. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 100–114;
7. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. Heidelberg–Wiesbaden: Quelle u. Meyer, 1990. 1287 S.
8. Wachtel M. Grammatik und vieles mehr: Linguistische Grundlagen und Lernziele für den Deutschunterricht der Sekundarstufen. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2005. 310 S.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Инст. языкознания РАН, 1992. 330 с.
10. Пospelова А.Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. Л., 1988. С. 143–144.
11. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. 544 S.
12. Schlieben-Lange B. Linguistische Pragmatik. Stuttgart: Kohlhammer Urban, 1975. 148 S.

13. Радбиль Т.Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (основные термины и понятия). Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. 60 с.

14. Герасимова О.И. Косвенные высказывания в английской диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1986. 24 с.

15. Bergmann R., Pauly P., Stricker S. Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER, 2010. 431 S.

16. Grewendorf G., Hamm F., Sternefeld W. Sprachliches Wissen: Eine Einführung in moderne Theorien der grammatischen Beschreibung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1987. 467 S.

17. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

18. Bertolet R. Are There Indirect Speech Acts? // Foundations of Speech Act Theory / Ed. S.L. Tsohatzidis. L. – N. Y.: Routledge, 1994. S. 335–349.

19. Finegan E. Language: Its Structure and Use. Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2012. 592 p.

20. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.

21. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 39–46.

22. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.

Сведения об авторе

Мидова Екатерина Олеговна
ассистент кафедры зарубежной лингвистики
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: ekaterina.midova@gmail.com

УДК 811.111'42:811.161.1'42

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ

Е.В. Пильгун

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В статье предлагается классификация кризисных ситуаций, в соответствии с которой проводился содержательный анализ текстов англоязычной и русскоязычной качественной прессы по различным параметрам. Выявляются особенности описания кризисов различных типов в англоязычном и русскоязычном дискурсе. Делается вывод о том, что способ подачи информации выбирается исходя из задач печатного издания и близости расположения страны к центру событий. Представленные результаты могут быть использованы в дальнейшем исследовании кризисного дискурса, для разработки подходов к урегулированию кризисов, стратегий воздействия на общественное сознание в условиях кризиса.

Ключевые слова: кризисный дискурс, классификация кризисов, гуманитарный кризис, экономический кризис, качественная пресса, англоязычный и русскоязычный дискурс.

Depicting Crisis Situations in British and Russian Quality Press

Elena Pilgun

The article offers a classification of crisis situations and conducts a multi-parameter content analysis of English and Russian texts, which reported such situations in high-quality press. The author looks at how crises of various types are depicted in the English and Russian printed media discourse and concludes that the choice of specific methods of presenting information depends on a newspaper's goals and the country's proximity to the epicenter of reported events. The presented results can be used in further research of the crisis discourse as well as for developing better approaches to crisis management, and outlining strategies for influencing public consciousness in a crisis.

Key words: crisis discourse, classification of crises, humanitarian, economic crises, quality press, English and Russian discourse.

В условиях современного многополярного мира, глобализации и других мировых процессов кризисы вспыхивают достаточно быстро и практически сразу становятся объектом интереса средств массовой информации. Достаточно просто включить телевизор или загрузить новостную страничку в Интернете, чтобы получить большое количество точек зрения на определенный кризис. В силу частотности возникновения кризисов простой обыватель привыкает к периодическому получению такого рода сообщений, в некоторых случаях даже не высказывает удивления и интереса, особенно если

кризис разгорается в отдаленной точке мира. Это свидетельствует о том, что кризисы становятся нормой жизни, возникая в результате изменения природных условий существования, индустриализации и экономической деятельности человека, социополитического взаимодействия. Но урегулирование таких ситуаций невозможно представить без коммуникации, непосредственно направленной на описание, анализ и преодоление кризисов.

Дискурс, содержание которого описывает конфликт общественных интересов либо влияние окружающей среды и который ставит под угрозу комфортное существование общества и его развитие в целом, представляет собой кризисный дискурс. Дискурс кризисных ситуаций является малоизученным явлением и поэтому требует четкого разграничения понятий кризиса и конфликта, а также классификации кризисных ситуаций, так как существует большое число их интерпретаций. На основе изучения существующих подходов к классификации кризисов И.К. Ларионова [1], С. Катлипа, А. Сентера и Г. Брума [2], Э.М. Короткова [3], М.Ю. Сейранян [4], О. Лербингера [5], Д. Ньюсома и А. Скотта [6] был произведен анализ и предложена характеристика текстов качественной прессы на английском и русском языках в соответствии с выделенными ими основаниями. А также была предпринята попытка представить классификацию кризисов для описания кризисного дискурса. Так как кризисная коммуникация – социальное взаимодействие, кажется логичным положить в основу данной классификации сферы проявления социальных отношений и, соответственно, выделить **экономические, социальные (включая политические), гуманитарные (правовые), естественные, техногенные, психологические** кризисные ситуации.

В соответствии с классификацией кризисных ситуаций для выявления особенностей их описания было отобрано по 20 статей на английском и русском языках по каждому из шести типов кризисов в британской и русской качественной прессе (всего 120 статей). Затем был произведен их анализ по различным критериям: по характеру и структуре межличностных отношений, по скорости развития сценария, широте охвата, преодолемости. В результате данного анализа были получены и сопоставлены характеристики текстов о различных кризисных ситуациях, описанных в англоязычном и русскоязычном дискурсе.

Тексты об **экономических** кризисных ситуациях посвящены анализу и описанию экономического состояния стран. Такие кризисы проявляются в значительном спаде производства, нарушении сложившихся производственных связей, банкротстве предприятий, росте безработицы и в итоге – в снижении жизненного уровня, благосостояния населения. И в английском, и в русском языках экономический кризис описан как реальный, системный, мировой, общественный, межгрупповой, острый, затяжной, предсказуемый, непрерывный, долгосрочный и преодолимый. В британской прессе такой тип кризиса не является разрушительным или болезненным, не имеет катастрофического характера. 16 % статей, наоборот, дают оптимистический прогноз: *Global winds chill business optimism in Europe, Buffett says US economy weaker than he expected but growing* [7], *Five signs that the world economy is not doomed yet, Britain's Skills Crisis* [8]. В русскоязычном дискурсе наблюдается противоположная картина. В большинстве случаев статьи описывают кризис как очень деструктивное и очень болезненное для общества явление, а иногда носят и катастрофический характер, описывая самые серьезные последствия: *Депутат ЕП: существование зоны евро стало бессмысленным* [9], *Украина движется к социально-экономическому краху, Глобальный экономический кризис вызвал 260 000 смертей от рака* [10]. Но в обоих случаях экономический кризис рассматривается и подвергается критике как кризис, возникший в результате неправильных управленческих решений.

Социальные кризисы возникают при обострении противоречий или столкновении интересов различных социальных групп или образований: работников и работодателей, профсоюзов и предпринимателей, работников различных профессий и т. д. К данной группе относятся политические и организационные кризисы – кризис в политическом устройстве общества, кризис власти, кризис реализации интересов различных социальных групп, классов, кризис в управлении обществом. Примерами таких текстов могут служить новостные статьи о *Brexit*, президентских выборах в США 2016 г. В англоязычной и русскоязычной прессе социальный кризис отображается как общественный, организационный / политический, непредсказуемый, острый, циклический (периодически возникающий), закономерный, преодолимый, реалистичный, локальный. Такие кризисы хоть и болезненны для общества, но не

имеют катастрофического характера. Социальные кризисы – это кризисы управленческих поступков, результат клеветы, сплетен. Единственное различие в русском и английском языках составляют субъекты взаимодействия. В англоязычном дискурсе кризис в рассмотренных статьях возникает между личностью и группой, а в русскоязычном кроме личностно-группового противопоставления появляются и оппозиции «страна – страна», «страна – мир». Для сравнения: *A week later heavily armed gunmen seized the Crimean parliament and installed a pro-Russian puppet government. Next, Vladimir Putin annexed Crimea* [11]; *Одной из причин начала российской операции в Сирии стало желание Москвы «оспорить провоцирующую позицию США, которые отнесли Россию к региональным силам», передает РИА «Новости». «По меньшей мере с точки зрения русских им это, кажется, удалось, Россию воспринимают как серьезного военного и политического игрока», – сказал Штайнмайер* [12]. Из данных примеров видно, что англоязычная пресса разбрасывается обвинениями, переходит на личности, перекладывая всю ответственность за кризис на одного человека, тем самым пытается подорвать его имидж в глазах читателей. Российская же пресса говорит о противостоянии двух сверхдержав, не затрагивая конкретные имена, но, тем не менее, весьма корректно излагая суть.

Гуманитарный кризис – это ситуация на территории одного или нескольких регионов, стран, когда происходит систематическое нарушение прав человека. Такие нарушения составляют явную угрозу для мира и безопасности в регионе или во всем мире, но, несмотря на это, власти не могут или не желают положить конец нарушениям фундаментальных прав человека в своем государстве, что приводит к необходимости неотложных действий мирового сообщества для ликвидации данной ситуации. Такой тип кризиса фактически является правовым кризисом. Под данную категорию попадают: миграционный кризис, террористические атаки, войны (кроме информационно-психологической войны), религиозные конфликты.

В результате рассмотрения по 20 статей о миграционном кризисе на русском и английском языках, необходимо отметить, что данный тип кризиса является затяжным, неожиданным, непредсказуемым в плане возникновения новых очагов. По развитию сценария – непрерывный, непреодолимый, общий, системный мировой, очень деструктивный, болезненный и катастрофический

(в 50 % статей с точки зрения британской прессы): *Without borders in Europe, there is no hope of ending this migrant crisis* [13]; *The chaos spilled over from Calais into the Channel Tunnel with workers breaking into the terminal* [14].

С точки зрения российской прессы миграционный кризис воспринимается как негативное явление, но имеет тенденцию к преобразованию из внешнего мирового кризиса на этапе возникновения в закономерное явление, вызванное неправильными управленческими решениями, за которые необходимо нести ответственность, а также становится внутренним кризисом каждой отдельной страны. Соответственно, в русскоязычных статьях кризис хоть и описывается как острый, затяжной и непрерывный, но не имеет катастрофического и болезненного характера, является неожиданным только на этапе возникновения, но предсказуемым в ходе борьбы, а также по развитию сценария. 15 % статей носит весьма конструктивный характер: *Наплыв мигрантов позволил отелям Германии заполнить пустующие комнаты* [15]; *ЕС готов идти на уступки Турции ради разрешения миграционного кризиса* [16]. Данные статьи имеют предупредительный характер: *Путин: Нужно улучшить контроль миграции ради госбезопасности РФ* [17]. Президент Российской Федерации призывает извлекать уроки из чужого опыта, не повторять ошибок, предпочитает предотвратить кризис, а не «лечить» его потом.

Естественный кризис возникает в результате природных изменений, не зависящих от действий человека: землетрясений, наводнений, цунами и других природных катаклизмов. Также к данному типу кризисов относятся и распространение вирусов неизвестного происхождения, эпидемии, пандемии.

В статьях и англоязычного, и русскоязычного дискурсов о новых вирусах, эпидемиях, природных катаклизмах естественный кризис возникает с результате экологических изменений, но становится межгрупповым социальным явлением по структуре отношений. Такой кризис непредсказуемый, острый, непрерывный, долгосрочный, циклический (в случае эпидемий), быстротекущий (природные катаклизмы), локальный. Кризис является непреодолимым, так как практически невозможно или очень трудно ему противостоять. Преодолевать зачастую приходится только последствия.

В британской прессе такая кризисная ситуация имеет очень болезненный, иногда катастрофический или панический характер (10 % статей): *Millions could die as world unprepared for pandemics. Ebola is very unlikely to become the next Black Death, Scientific ignorance about Zika parallels Aids crisis in 1980s, say Brazilian experts* [18]. В очень редких случаях статьи носят оптимистичный характер (1 статья): *Revolutionary cancer breakthrough: Pioneering treatment halts disease in 94 % of terminal patients in trial* [19]. В русской прессе данный вид кризиса нейтрален, заголовки выполняют информационную функцию: *Россия не разделяет опасений относительно того, что вирус Зика может угрожать проведению Олимпиады в Рио-де-Жанейро, заявила глава Минздрава страны Вероника Скворцова* [20]. Возможно, это связано с тем, что такого рода кризисы нечасто возникают на территории России и СНГ.

Техногенный кризис возникает при изменении природных условий, вызванных деятельностью человека (загрязнение окружающей среды, разработка опасных технологий, истощение природных ресурсов, халатность и нарушение требований безопасности на производстве). К текстам, представляющим техногенный кризис, относятся статьи о крушениях поездов, самолетов, производственных происшествиях и т. д. Данный тип кризиса является локальным, групповым кризисом, в прессе характеризуется непредсказуемостью и остротой ситуации, возникает периодически и случайно. *Катастрофа пассажирского самолета Boeing авиакомпании Malaysia Airlines произошла 17 июля 2014. Лайнер, следовавший рейсом MH17 из Амстердама в Куала-Лумпур, упал на территории Украины недалеко от Донецка* [21]. Ни русскоязычные, ни англоязычные статьи не имеют катастрофического либо панического характера. Но в то же время сам кризис используется для политических спекуляций как в русскоязычной, так и англоязычной прессе: *В Австралии катастрофу Boeing в Донбассе признали «массовым убийством»... «одна страна мешает поиску правды»* [22].

Кроме того, техногенный кризис может быть использован для политических спекуляций как сразу, так и в более отдаленной перспективе. Особенностью техногенных кризисов является то, что по поводу них обязательно производится расследование, а с течением времени могут появляться новые факты и сведения, которые могут

использоваться в наиболее выгодном для достижения политических целей свете. Таким примером является авиакатастрофа, произошедшая в 2010 году с самолетом президента Польши Леха Качиньского. Спустя 6 лет тело президента было эксгумировано для проведения расследования, на основе которого было сделано следующее заявление: *But senior Law and Justice politicians have long rejected the findings, suggesting instead that Kaczyński was murdered, possibly as revenge for his outspoken opposition to Russia's actions during its war with Georgia in 2008* [23]. Согласно данному заявлению, президент был убит в качестве возмездия за когда-то высказанную критику в адрес российских действий во время войны в Грузии. В то же время даже сам грузино-осетинский вооруженный конфликт 2008 года раздут до масштабов войны России и Грузии. Вполне очевидно, что техногенный кризис даже 2010 года служит орудием дискредитации, становится идеальным инструментом для стереотипизации и формирования общественного мнения.

В таблице представлены основные характеристики различных типов кризисов с точки зрения представления информации в статьях качественной прессы на русском и английском языках.

Таблица 1

Характеристики различных типов кризисов в английском и русском языках
(+ – наличие; – – отсутствие; +/- – нейтральность взглядов на характеристику)

	Экономический		Социальный		Гуманитарный		Естественный		Техногенный	
	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.
Глобальность	+	+	–	–	+	+/-	–	–	–	–
Преодолимость	+	+	+	+	+	–	–	–	–	–
Реальность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Быстротечность	–	–	+	+	–	–	+	+	+	+
Катастрофичность	–	+	–	–	+	–	+	–	–	–
Неожиданность	+/-	+/-	+/-	+/-	+	+/-	+	+	+	+

Из таблицы видно, что описание социального и техногенного кризисов на 100 % совпадают в русском и английском языке. Данное явление объясняется одинаковым отношением британского и российского обществ к такому типу кризисов и применением одинаковых подходов к их описанию в прессе.

В описаниях экономического и естественного кризисов единственной отличительной характеристикой является наличие критерия «катастрофичность». В русской прессе его присутствие объясняется тем фактом, что любое изменение в худшую сторону в экономической сфере отражается на социальной, так как, согласно Конституции, Россия – социально ориентированное государство. Соединенное Королевство не является таковым, поэтому и в прессе не наблюдается присутствие характеристики «катастрофичность». Но данный критерий свойствен описанию естественного кризиса в Великобритании, так как государство является островным, обладает относительно небольшой площадью, поэтому серьезные природные изменения могут оказать на него критическое воздействие. Россия, наоборот, занимает устойчивые географические позиции, поэтому естественные кризисы не вызывают паники.

Гуманитарный кризис описывается с практически диаметрально противоположных позиций. Британская пресса описывает гуманитарный кризис как глобальный, преодолимый, реалистичный, катастрофичный и неожиданный, в то время как российская пресса достаточно нейтральна по отношению к характеристикам *глобальности* и *неожиданности*, наделяет данный кризис характеристиками *непреодолимости* и *некатастрофичности*. Данные различия объясняются степенью вовлеченности в кризис, ведь основные потоки иммигрантов направлены именно в Соединенное Королевство, что, конечно, не может не вызывать панику среди населения и подогреваться со стороны прессы. Данные события в результате привели к принятию на референдуме решения выйти из ЕС.

Наиболее необычным и интересным явлением представляется **психологический кризис** – это кризис психологического состояния человека. Такие кризисы подразделяются на индивидуальные, межличностные, групповые, кризисы «индивид – группа». Статьи, относящиеся к данному виду кризиса, отражают конфронтацию между группами или индивидами. Психологический кризис может находить отражение в статьях из любой группы кризисов. Тем не менее, чаще всего такие кризисы проявляются в статьях, описывающих социальные, гуманитарные и экономические кризисы, и менее вероятны в группе естественных и техногенных кризисов. В связи с этим данный тип кризиса требует отдельного алгоритма рассмотрения. Так как изучение индивидуальных и межличностных

психологических кризисов на основе текстов СМИ не представляется возможным, по нашему мнению, наиболее ярким примером группового психологического кризиса является информационная война (информационно-психологическая война). Данная кризисная ситуация – орудие, направленное против многочисленных слоев населения, приобретающее массовый характер. В основе нее лежит внушаемость, а также способы и инструменты воздействия на массовое сознание: *Советник Порошенко в связи с трагедией Ту-154 предложил принести «Боярышника» к посольству России* [24]; *Захарова нашла объяснение злорадству властей Украины о Ту-154* [25]; *Министр ВВС США назвала Россию главной угрозой* [26]; *Клинтон поставила политику России в один ряд с ИГ и Эболой* [27]. Данные заголовки демонстрируют противопоставление одной страны другой, нагнетают атмосферу в обществе, наталкивая на мысли о расколе мира на две части, оказывая огромное воздействие на массовое сознание. Целью такой стратегии является заполучить поддержку своей страны и настроить против потенциального соперника.

Таким образом, на основе анализа текстов 120 статей о различных кризисных ситуациях на английском и русском языке отметим, что существует разница в отношении к некоторым кризисам и, соответственно, в их освещении в англоязычной и русскоязычной прессе. Расхождения в подходах к описанию кризисов заметны в текстах о гуманитарном, экономическом, социальном и естественном кризисах, практически не наблюдается различий в статьях о техногенном кризисе. Подчеркнем, что данная разница возникает в основном из-за близости расположения страны к эпицентру кризиса, а также задач, которые ставит перед собой каждое печатное издание: начиная от простого информирования и заканчивая манипулированием. Чем меньше влияние кризиса на страну, тем менее остро он описан. Так, миграционный кризис в меньшей степени затронул территорию России, поэтому и тексты СМИ, отражающие данную тематику на русском языке, не имеют панического характера, а, наоборот, носят назидательный характер, призывают не повторять ошибок Европы. В случае с экономической нестабильностью британская пресса воспринимает кризисные ситуации с более оптимистичной позиции по сравнению с русскоязычной прессой, так как британская экономика менее чувствительна и не столь сильно подвержена влиянию экономического кризиса. Способ преподнесения

информации о кризисе в СМИ тем самым формирует общественное мнение, настраивает население на восприятие и анализ информации, снимает либо порождает панику, снижает доверие либо усиливает уверенность в адекватности действий властей, реализуя воздействующую функцию прессы.

Библиографический список

1. Антикризисное управление: Общие основы и особенности России: Учебное пособие / Под ред. И.К. Ларионова. М.: Дашков и К, 2001. 248 с.
2. Катлип С., Сентер А., Брум Г. *PR. Теория и практика*. М.: Вильямс, 2003. 606 с.
3. Коротков Э.М. Антикризисное управление. М.: Инфра-М, 2003. 432 с.
4. Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты: Монография. М.: Прометей. 2012. 96 с.
5. Lerbinger O. *The Crisis Manager: Facing Risk and Responsibility*. Mahwah: Erlbaum, 1997. 384 p.
6. Newsom D, Scott A. *This is PR: the Realities of Public Relations*. 5th ed. N. Y.: Wadsworth, 1993. 540 p.
7. Buffett Says US Economy Weaker Than He Expected but Growing // Электронный ресурс Интернет: <http://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/warren-buffett-says-us-economy-weaker-than-he-expected-but-growing/articleshow/51195686.cms>.
8. Five Signs That the World Economy is not Doomed Yet, Britain's Skills Crisis // Электронный ресурс Интернет: <http://www.independent.co.uk/news/business/comment/hamish-mcrae/five-signs-that-the-world-economy-is-not-doomed-yet-a6900471.html>.
9. Депутат ЕП: существование зоны евро стало бессмысленным // Электронный ресурс Интернет: <https://vz.ru/news/2016/11/21/845042.html>.
10. Глобальный экономический кризис вызвал 260 000 смертей от рака // Электронный ресурс Интернет: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/414196/globalnyi_ekonomicheskie_krizis_vyzval_260_000_smiertiei_ot_raka.
11. Ukraine Crisis: What It Means for the West by Andrew Wilson – review // Электронный ресурс Интернет: <http://www.theguardian.com/books/2014/nov/05/ukraine-crisis-what-it-means-for-the-west-andrew-wilson-review>.

12. Германскую дипломатию возглавил «упрямый носорог» // Электронный ресурс Интернет: <https://vz.ru/world/2017/1/27/690210.html>.

13. Without Borders in Europe, There is no Hope of Ending This Migrant Crisis // Электронный ресурс Интернет: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/11846760/Without-borders-in-Europe-there-is-no-hope-of-ending-this-migrant-crisis.html>.

14. Calais under Siege // Электронный ресурс Интернет: <https://www.thesun.co.uk/archives/news/225403/calais-under-siege/>.

15. Наплыв мигрантов позволил отелям Германии заполнить пустующие комнаты // Электронный ресурс Интернет: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/560a90789a79477231b8a363>.

16. СМИ: ЕС готов идти на уступки Турции ради разрешения миграционного кризиса // Электронный ресурс Интернет: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/419221/smi_ies_ghotov_idti_na_ustupki_turtsii_radi_razrieshieniia_migratsionnogho_krizisa.

17. Путин призвал спецслужбы взять под контроль миграционный поток // Электронный ресурс Интернет: <http://www.vladtime.ru/2017/04/12/putin-prizval-specsluzhby-vzyat-pod-kontrol-migracionnyu-potok.html>.

18. Ebola isn't the Big One. So What is? And Are We Ready for It? // Электронный ресурс Интернет: <https://www.theguardian.com/world/2014/oct/03/-sp-ebola-outbreak-risk-global-pandemic-next>.

19. Revolutionary Cancer Breakthrough: Pioneering Treatment Halts Disease in 94 % of Terminal Patients in Trial // Электронный ресурс Интернет: <http://www.mirror.co.uk/news/technology-science/science/doctors-atting-stop-cancer-hail-7377474>.

20. Скворцова: Россия не считает вирус Зика угрозой Олимпиаде в Рио // Электронный ресурс Интернет: <https://vz.ru/news/2016/6/10/815363.html>.

21. 298 человек погибли при крушении пассажирского «Боинга» в Донецкой области // Электронный ресурс Интернет: <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/07/17/103311-298-chelovek-pogibli-pri-krushenii-passazhirskogo-171-boinga-187-v-donetskoy-oblasti-onlayn>.

22. В Австралии катастрофу *Boeing* в Донбассе признали «массовым убийством» // Электронный ресурс Интернет: <http://www.rbc.ru/society/18/05/2016/573c02eb9a79470453168293>.

23. Poland Exhumes President Lech Kaczyński's Remains // Электронный ресурс Интернет: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/14/poland-exhumes-presidents-lech-kaczynski-remains>.

24. Советник Порошенко в связи с трагедией Ту-154 предложил принести «Боярышника» к посольству России // Электронный ресурс Интернет: <https://vz.ru/news/2016/12/25/851259.html>.

25. Захарова нашла объяснение злорадству властей Украины о Ту-154 // Электронный ресурс Интернет: <https://www.vz.ru/news/2016/12/25/851279.html>.

26. Министр ВВС США назвала Россию главной угрозой – РИА Новости // Электронный ресурс Интернет: <https://ria.ru/world/20161205/1482815907.html>.

27. Клинтон поставила политику России в один ряд с ИГ и Эболой // Электронный ресурс Интернет: <https://vz.ru/news/2015/9/9/765980.html>.

Сведения об авторе

Пильгун Елена Витальевна
аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета
E-mail: elenpilgun@gmail.com

УДК 811.112.2'42:659.123.4

**РОЛЬ ТЕКСТА В НАРУЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КАМПАНИИ
„RUNTER VOM GAS“)**

Ю.В. Рябкова, Ю.Н. Зинцова

*Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, Нижний Новгород
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблема понятия и структуры рекламного текста, определения роли текста в наружной социальной рекламе (на примере наружной некоммерческой рекламы, представленной немецкой социальной кампанией „Runter vom Gas“), производится сравнительный лингвистический анализ текстов плакатов данной кампании, рассматривается позиция текста и изображения на плакате, а также взаимодействие текста и изображения социальной рекламы и их использование в зависимости от чувств, к которым апеллирует адресант.

Ключевые слова: плакатная социальная реклама, социальная кампания, текст, структура текста, слоган.

**The Role of Text in Outdoor Advertizing
(Based on the German Social Campaign „Runter vom Gas“)**

Iuliia Riabkova, Julia Zintsova

The article deals with the notion and structure of advertizing texts and seeks to define the role of text in outdoor advertising, based on the German outdoor social advertising campaign „Runter vom Gas“). The author provides a comparative linguistic analysis of the campaign's billboard texts, looking at how the interaction of the text and the image as well as their respective positions and usage depend on specific feelings to which the advertizers seek to appeal.

Key words: billboard social advertisement, social campaign, text, text structure, slogan.

В настоящее время наружная социальная реклама является одним из эффективных способов обратить внимание на проблемы общества, такие как экология, безопасность, здоровье, сострадание, вредные привычки и другие. Так как социальная реклама направлена на широкий круг людей, ее задачей является использование средств, которые оказывают воздействие на наибольшее количество реципиентов и способствуют изменению их линии поведения [1; 2. С. 239]. Обычно для достижения этой цели создатели плакатной рекламы используют сочетание изображения, символов и текстового

сопровождения, которые в различных комбинациях представляют собой рекламный текст.

В статье рассматриваются особенности строения рекламного текста на примере плакатов социальной кампании „Runter vom Gas“. Целью данной статьи является определение роли текста в плакатной социальной рекламе. Для ее достижения в рамках статьи проводится описание плакатов некоммерческой рекламной кампании „Runter vom Gas“, анализируются рекламные тексты, размещенные на плакатах, осуществляется сопоставление композиционной организации плакатов.

Под рекламным текстом понимается совокупность аудиовизуальных средств в произвольной комбинации (с допустимым отсутствием какого-либо элемента), направленных на реципиента в целях оказания запланированного воздействия, прямо или косвенно связанного с объектом рекламирования [3. С. 76].

Структура рекламного текста включает четыре основные части: слоган, заголовок, основной рекламный текст, эхо-фраза. Не в каждое рекламное сообщение включаются все четыре компонента, что связано со спецификой рекламного сообщения. Так, в большинстве случаев компонентами текста социальной рекламы являются слоган и основной рекламный текст. Не менее важную роль в формировании социальной рекламы играет иллюстрация [4. С. 2].

Жизнь человека в окружающей среде представляет собой целостность пересечений внутренней среды человека (его здоровья) с разными составляющими окружающей среды (природной, социальной, культурной, образовательной и др.). При этом безопасность человека и безопасность окружающей среды выступают как необходимые условия [5]. Одной из тем, к которым обращаются государственные и негосударственные организации, создающие социальную рекламу в Германии, является проблема несоблюдения правил дорожного движения, в частности превышения скорости. Согласно статистике Федерального агентства транспорта в Германии, в мире в автокатастрофах ежегодно погибает 1,25 млн человек. Для сокращения этой статистики в 2008 году была организована социальная рекламная кампания под названием „Runter vom Gas“, которая призывала водителей «убрать ногу с педали газа». Она продлилась до 2011 года, целью кампании было обратить внимание на последствия, к которым приводят превышение скорости, неоправданный риск, безответственность за рулем [6].

Проект рекламной кампании включал 14 плакатов. В марте 2008 года была выпущена первая серия из пяти плакатов, призывавших к безопасному вождению [7]. Плакаты оформлены единообразно, в черно-белых тонах, где композиционно правую сторону занимает поименное перечисление людей под изображением креста. Все эти элементы по своей структуре напоминают сообщения о смерти в газетах или надписи на надгробиях. Ниже можно увидеть причину смерти, например „*Wollten schnell nach Hause*“ («Хотели быстро добраться домой»). На левой половине плаката располагаются фотографии погибших в автокатастрофах людей, снятые еще при жизни, среди них изображения семейных пар, родственников, друзей (см. рис. 1).

Рисунок 1. Плакаты социальной кампании „Runter vom Gas“, март 2008 г.

Намеренное использование имен собственных и первых букв фамилий на плакатах указывает на то, что на фотографиях реальные люди. Например, на одном из плакатов слева от центра в черной рамке изображена фотография семьи: родителей и двух маленьких детей. Семья кажется счастливой, веселой, не подозревающей о предстоящей трагедии. Под именами расположены надписи, раскрывающие причину смерти изображенных людей по причине превышения скорости и нарушения правил дорожного движения: „*Wollten schnell nach Hause*“ («Хотели быстро добраться домой»), „*Zu schnell in die Kurve*“ («Слишком быстро двигались на повороте»), „*Motorradleistung unterschätzt*“ («Недооценили мощность мотоцикла»), „*Fuhren gerne sportlich*“ («Любили спортивную езду»), „*Zu schnell auf nasser Fahrbahn*“ («Слишком быстро ехали по мокрой трассе»).

Тексты всех пяти рекламных плакатов содержат отсылки к теме скорости: три содержат слово *schnell* как главную причину трагедии. Имя прилагательное *sportlich* на четвертом плакате в данном контексте рассматривается как синоним *schnell* [8]. Слово *Leistung*

еще на одном, трактуемое как мощность двигателя, также информирует о превышении скорости. В текстах некоторых плакатов содержится усилительная частица *zu* («слишком»), которая указывает на то, что водитель переоценил свои возможности, превысив скорость (*zu schnell* – «слишком быстро»). Той же функции служит приставка *unter-* («недо-») со значением выполнения действия ниже нормы: *unterschätzt*. Глаголы в предложениях употреблены в прошедшем времени (*Präteritum*), подчеркивая то, что людей уже нет в живых. Использование эллипса, нехарактерного для немецкого предложения, придает тексту лаконичность.

Вторая серия рекламных плакатов, выпущенная в январе 2009 года, включала два плаката и существенно отличалась от первой способом передачи главной идеи кампании – призыва к безопасному вождению. Баннеры представляли собой реальные фото с мест аварии: на одном изображена часть разбитого автомобиля, на втором – разбитый мотоцикл. Изображения сохраняют черно-белые тона предыдущей серии, но вместе с тем содержат детали, выделенные цветом и являющиеся единственным ярким элементом, привлекающим внимание. На одном плакате рядом с разбитым мотоциклом лежит красный воздушный шар в виде сердца с надписью “Just Married!”. На втором плакате на фоне разбитого автомобиля выделяется красный знак-треугольник “Baby an Bord”, обычно приклеиваемый на заднее стекло автомобиля. Несмотря на отсутствие текста (кроме надписей на выделенных цветом элементах и слогана кампании, расположенного под фотографиями), истории людей, находившихся на изображенных автомобиле и мотоцикле, понятны: воздушный шар свидетельствует о счастливых молодоженах, чья семейная жизнь так и не началась, наклейка на автомобиль говорит, что в аварии погиб ребенок (см. рис. 2).

Runter vom Gas!

Runter vom Gas!

Рисунок 2. Плакаты социальной кампании „Runter vom Gas“, январь 2009 г.

Третья серия плакатов была выпущена в октябре 2009 года. Плакаты имели следующее оформление: каждый визуально разделен на две части, на черном фоне слева размещены цветные изображения людей с фотографиями в траурных рамках в руках, справа располагается слоган кампании – „Runter vom Gas!“. Среди изображенных людей – маленькая девочка, потерявшая родителей, девушка, у которой погиб муж или жених, и женщина с маленьким ребенком на руках, держащая в руках портрет мужа, которого уже нет в живых. Стоит отметить, что фотографии людей в траурных рамках также выполнены в черно-белых тонах. Слоган кампании, имеющий форму повелительного наклонения, звучит как призыв, произносимый этими людьми, потерявшими близких. Данная серия плакатов призывает водителей задуматься о чувствах и судьбе оставшихся в живых близких, обращаясь к главным ценностям адресата, которые «служат важным регулятором поведения людей» [9] (см. рис. 3).

Рисунок 3. Плакаты социальной кампании „Runter vom Gas“, октябрь 2009 г.

Четвертая серия плакатов, выпущенная в сентябре 2010 года, включала фотографии серьезно пострадавших в авариях, но оставшихся в живых молодых людей, рядом с которыми в больнице находятся их близкие. На данных плакатах слоган кампании, напечатанный крупным шрифтом, указывает на причину травм пострадавших, а также звучит как обращение к водителям «убрать ногу с педали газа», чтобы не оказаться в подобной ситуации (см. рис. 4).

Рисунок 4. Плакаты социальной кампании „Runter vom Gas“, сентябрь, 2010 г.

В декабре 2011 года кампания была перезапущена и подняла такие вопросы, как отвлечение за рулем, неправильное перестроение, несоблюдение дистанции. Данные плакаты отличает цветное изображение. В кампании 2008–2010 гг. на каждом плакате был выделен слоган – название кампании „Runter vom Gas“, в новом выпуске плакатов название кампании почти незаметно и уступает место основному тексту.

Задачей этой серии рекламных плакатов является призыв подумать о своих близких, прежде чем безответственно вести себя за рулем. Основной текст плаката включает императивные конструкции, выраженные отрицательной частицей и инфинитивом „*Nicht drängeln*“ («Не обгонять»), существительным и инфинитивом „*Abstand halten*“ («Держать дистанцию») и инфинитивом „*Anschalten*“ («Пристегнуться»). Следующая строчка состоит из предлога *für* («для») и местоимения – „*Für sie*“, „*Für ihn*“. Под надписями изображено кольцо, говорящее о невесте, футбольный мяч и перчатки, маленькие розовые сандалики, символизирующие детей, то есть людей, которые ждут дома и ради которых стоит соблюдать правила дорожного движения (см. рис. 5).

Рисунок 5. Плакат социальной кампании „Runter vom Gas“, 2014 г.

Следующая серия рекламных плакатов представлена цветными, солнечными фотографиями людей в автомобиле – семья с маленьким ребенком, подруги, семейная пара. Люди на фотографиях улыбаются, выглядят счастливыми и беззаботными. Контраст счастливой атмосфере создают надписи на плакатах: „*Einer ist abgelenkt, vier sterben*“ («Один отвлекся – четверо умирают»), „*Einer drängt, drei sterben*“ («Один обгоняет – трое умирают»), „*Einer rast, zwei sterben*“ (Один гонит – двое умирают»). Антитезы *einer – zwei, einer – drei, einer – vier* подчеркивают степень ответственности водителя не только за свою жизнь, но и за жизнь пассажиров. Первая часть предложения указывает на причины возможной аварии – отвлекаться, гнать, обгонять, а вторая – на последствия – смерть (см. рис. 6).

Рисунок 6. Плакат социальной кампании „Runter vom Gas“, 2015 г.

Наряду с изображениями особое значение для восприятия рассматриваемых плакатов имеет слоган. Им является девиз кампании, выражающий основную идею рекламного сообщения и выступающий связующим звеном всей кампании [10. С. 277]. Слоган „*Runter vom Gas*“ имеет два значения: название самой кампании и рекомендация избежать несчастного случая. Слоган представляет собой побудительное предложение, выражен номинативной конструкцией, состоящей из наречия с предлогом и существительного. Выбор позиции слогана в рамках рассматриваемой социальной кампании обладают следующими признаками:

- 1) центральная позиция слогана на рекламном плакате в первую очередь обусловлена наличием адресанта, от лица которого может звучать призыв;
- 2) плакаты, центральное место которых занимает слоган, характеризуются отсутствием иного текста;

3) в сочетании с изображением слоган является источником основной информации (изображение при отсутствии текста не указывает на аварию как на причину трагедии);

4) расположение слогана в нижнем углу плакатов обусловлено тем, что основная часть плаката достаточно информативна;

5) слоган, расположенный под основным изображением, может быть интерпретирован как вывод, который реципиент должен сделать для себя.

Плакаты, выпущенные в рамках первой кампании и выпущенные позже, имеют существенные различия:

1) в первой кампании преобладает черно-белый фон плакатов, в большинстве случаев цветом выделены только детали; последующие изображения отличаются яркостью красок;

2) название кампании – „Runter vom Gas“ – включено в основную часть плаката, в большинстве случаев является единственным и основным текстовым сопровождением;

3) плакаты 2008–2010 годов демонстрируют события, которые произошли в прошлом; все, что может сделать адресат, – не повторить судьбу изображенных на них людей; последующие плакаты указывают на настоящее время и дают право самим сделать выбор.

Рассматриваемые в статье плакаты призывают реципиента к соблюдению правил дорожного движения, так как водитель несет ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь людей, которые находятся рядом с ним. Проанализировав плакаты социальной кампании „Runter vom Gas“, можно выделить два вида ответственности водителя – ответственность за жизни других людей и ответственность за чувства близких.

Плакаты, призывающие к ответственности за жизни людей, объединяют следующие признаки:

- противопоставление на плакате текста и изображения;
- название кампании не занимает центральную позицию;
- известна причина аварии (благодаря тексту или изображению).

Плакаты, апеллирующие к чувству ответственности перед близкими, можно охарактеризовать следующим образом:

- слоган „Runter vom Gas“ занимает существенную часть плаката и может быть расценен как призыв изображенных людей следовать ему;
- отсутствие деталей аварии.

Отдельно в данной категории стоит отметить плакаты с изображением предметов, имплицитно выражающих близких водителю людей и содержащих призыв соблюдать правила ради них. Слоган на данных плакатах произносится не от лица этих людей, но «ради» них.

Таким образом, для достижения главной цели кампании – призыва к безопасному вождению – особое значение имеют расположение и выбор текста на плакате [11. С. 76]. Структура рекламного текста во всех проанализированных случаях включает слоган, который передает основную идею. Собственно текст плаката, дополняя изображение, несет основную смысловую нагрузку и выполняет следующие функции:

- 1) конкретизация (использование имен собственных);
- 2) обобщение (оперирование глаголами в инфинитиве, номинативными конструкциями);
- 3) усиление значения (с помощью усилительной частицы *zu*);
- 4) противопоставление (применение числительных *ein – vier*);
- 5) многозначность (использование текста слогана как названия и идеи кампании).

Выбор организации рекламного текста зависит от выбора изображения, его расположения, общего настроения плаката, чувств, на которые направлено воздействие рекламного плаката.

Библиографический список

1. Текст как социокультурный феномен / А.В. Деркач, Н.А. Каразия, В.В. Кузнецов, Е.В. Плисов, В.В. Федоров, Н.И. Хохлова. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2014. 216 с.
2. Зинцова Ю.Н., Голубева Н.А. Социокультурный подход к оценке функционального потенциала текста // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 31. С. 239–241.
3. Тюрина С.Ю. О понятиях «рекламный дискурс» и «рекламный текст» // Вестник ИГЭУ. 2009. Вып. 1. С. 75–77. Электронный ресурс Интернет: <http://ispu.ru/files/75-77.pdf>.
4. Волкова И.С. Тексты социальной рекламы как особый вид массовой коммуникации (на материале русского и английского языков) //

Электронный ресурс Интернет: conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s028/s028-015.pdf.

5. Алексеев С.В. Ассиметричная интеграция безопасности, экологии и здоровья человека как методология становления устойчивого развития общества // Вестник Мининского университета. 2015. № 2. // Электронный ресурс Интернет: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/436/436a378ab55b8e51bd672e02154d979f.pdf>.

6. „Runter vom Gas!“ Verkehrssicherheitskampagne des BMVBS und DVR // Deutsche Verkehrsversicherung // Электронный ресурс Интернет: <http://www.dvr.de/aktionen/runter-vom-gas.htm>.

7. Kampagne „Runter vom Gas“ // Электронный ресурс Интернет <https://www.runtervomgas.de/>.

8. Словарь синонимов немецкого языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.synonymwoerterbuch.de/schnell-Synonym.html>.

9. Гончаров А.А. Девиз как вербальное отражение категории ценности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. Вып. 27. С. 18–26.

10. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 736 с.

11. Зинцова Ю.Н., Орлова О.А. Принцип системности как структурно-семантическое свойство текста и лексико-семантической группы // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 75–78.

Сведения об авторах

Рябкова Юлия Владимировна
аспирант кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
преподаватель кафедры
иноязычной профессиональной коммуникации
НГПУ им. К. Минина
E-mail: julia-riabkova@mail.ru

Зинцова Юлия Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zintsova@mail.ru

УДК 811.111'367.632:811.133.1'367.632

**АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО В
СЕМАНТИКЕ АРТИКЛЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ГЛАВ РОМАНА
М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

И.В. Тимошенко

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орёл

В статье излагаются результаты контрастивного анализа функционирования артиклей в неблизкородственных языках на материале параллельных текстов (переводов глав романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки). Предложено описание реализации номинативных свойств и функций артиклей, учитывающее субъективный характер референциального выбора.

Ключевые слова: артикль, контрастивный анализ, инвариант артикля, референция, референциальный выбор, параллельные тексты, неблизкородственные языки.

**The Universal and the Specific in the Semantics of English and French Articles in
Translated Discourse (on the Basis of Translations of “The Master and Margarita”
by M. Bulgakov)
Irina Timoshenko**

The article looks at the functioning of articles in non-distant languages on the basis of a comparative analysis of parallel texts (translations of chapters from the novel “*The Master and Margarita*” by M. Bulgakov into English and French) and describes how the articles realize their nominative features and functions, taking into account the subjective nature of referential choice.

Key words: article, comparative analysis, article invariant, reference, parallel texts, non-distant languages, referential choice.

Сравнительное изучение функционирования частей речи в разных языках является одним из актуальных направлений исследований, отражающих потребности и вектор развития современной лингвистики. В настоящее время язык и языковые единицы рассматриваются в контексте, и основное внимание уделяется вопросам взаимодействия данных единиц с контекстным окружением и внеязыковой действительностью.

В рамках проводимого нами научного исследования изучаются особенности функционирования артиклей в параллельных текстах на английском и французском языках. Основные факторы,

определяющие соответствующие языковые процессы, рассматриваются с учетом языкового и внеязыкового контекста.

Исследование механизмов обозначения референции имен при помощи артиклей позволяет глубже понять особенности функционирования рассматриваемых дейктических единиц, в частности, роль и влияние на трактовку текста адресатом. Под референцией нами понимается соотнесенность имени с объектом внеязыковой действительности.

Рассмотрение двух переводов на английский и двух переводов на французский языки снижает вероятность ошибочного выбора артикля и, следовательно, неадекватной передачи отношений референции, содержащихся в исходном тексте.

В ходе проведенного нами комплексного исследования принципов функционирования английского и французского артикля был не только проведен межъязыковой сравнительный анализ данных механизмов, но также были рассмотрены средства выражения артиклевых функций в русском языке. Кроме того, предпринята попытка создания максимально непротиворечивого описания вариативного употребления артиклей с именными группами и выявления причин этой вариативности.

При рассмотрении функционирования артиклей в тексте нами использовано описание системы артикля, предложенное Ф.А. Литвиным. В рамках этого описания инвариант определенного артикля представлен как «выделение из класса», инвариант неопределенного артикля – как «отнесение к классу», инвариант нулевого артикля – как «именование класса» [1. С. 89–99]. В этом функциональном описании представление артикля основывается на его способности указывать на характер соотношения актуального множества и общего множества [2. С. 72–81].

Выбор неблизкородственных языков для контрастивного анализа обусловлен, с одной стороны, потребностью рассмотрения функционирования артикля в качестве указателя на тип референции имени в системах артикля с неидентичным строением, и, с другой стороны, возможностью изучения способов обозначения референции при помощи единообразной формулы препозитивного артикля. Единое оформление артиклевого компонента именной группы (имени) позволяет исключить полностью грамматическую

обусловленность всех расхождений в указании на тип референции существительного или номинативной группы.

Для осуществления контрастивного анализа артиклей в параллельных текстах нами была произведена выборка всех имен существительных, функционирующих в высказывании как самостоятельные единицы, либо в составе именных групп, не имеющих детерминанта, способного указывать на тип референции и потому несовместимого с артиклем. К таким детерминантам относятся дейктические, неопределенные и количественные местоимения.

В качестве материала исследования использовались переводы с русского на английский и французский языки глав I и XXV романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (по 2 перевода на каждый из языков) [3; 4; 5; 6; 7]. Все переводы выполнены профессиональными переводчиками – носителями языка перевода. Выбор языкового материала не является произвольным и обусловлен тем, что существует более одного перевода романа как на английский, так и на французский, что позволяет произвести не только межъязыковой, но и внутриязыковой анализ и повысить репрезентативность исследования. Кроме того, параллельные переводы имеют значимое для проводимой аналитической работы свойство: они соотносятся с одной и той же языковой ситуацией, переданной в оригинальном тексте. Отсутствие артиклей в системе исходного языка исключает влияние на выбор артикля для передачи языковой ситуации на артиклевом языке.

Для анализа была сделана выборка из более 700 текстовых фрагментов, содержащих 4855 имен и именных групп. Эти номинанты и номинативные группы составляют 1282 тетрады / триады, соответствующие критериям отбора и подлежащие сравнению и последующему анализу, из которых 1012 полных квартетов, 269 – трио (в одном переводе отсутствует материал для сравнения). Из них 912 совпадений, 370 несовпадений.

Зафиксированные несовпадения дифференцированы по ряду критериев, таких как «система отсчета» (внутриязыковые и межъязыковые несовпадения), природа несовпадения (особенности строя языка, возможность неоднозначной интерпретации референции в исходном текстовом фрагменте).

Были выделены три вида совпадений и несовпадений артиклей: 1) полные совпадения (все переводчики употребили один и тот же артикль); 2) внутриязыковые несовпадения (три переводчика употребили одинаковый артикль, в четвертом переводе использован иной артикль, либо выявлены несовпадения внутри каждой из монопольных пар переводов); 3) межъязыковые несовпадения (внутриязыковые совпадения артиклей не совпадают друг с другом). Всего зафиксировано 295 межъязыковых несовпадений и 197 внутриязыковых, из которых 89 приходится на английский язык, а 109 – на французский.

Значительное преобладание совпадений подтверждает наше предположение, что в основе функционирования артикля в сопоставляемых языках лежат сходные принципы. Основой этих принципов мы считаем общий для исследуемых языков семантический инвариант артикля. Наличие несовпадений в статистически значимом количестве (более 1/3 от общего количества элементов выборки) указывает на то, что при отсутствии конкретных указаний на тип референции в исходном тексте переводчик, который является одновременно и «слушающим», и «говорящим», опираясь на собственное понимание оригинала, делает самостоятельный референциальный выбор. Это может приводить к появлению несовпадений в употреблении артиклей в переводах одного и того же контекста. В связи с очевидной невозможностью непосредственного наблюдения процесса возможно построить только условную модель референциального выбора при переводе письменного текста.

В связи с отсутствием специальных языковых средств референция в русском языке относится к числу скрытых языковых категорий, что может приводить к различиям в понимании референциального значения имен разными адресатами (в частности переводчиками письменного текста) и к расхождению в указании на тип референции этих имен при переводе на артиклевые языки, где артикль является явной языковой категорией, указывающей на характерные особенности референциальных связей имени и объекта. При переводе каждого имени переводчик выбирает наиболее подходящий по своему значению артикль и осуществляет перевод скрытого категориального значения в явное. В связи с участием субъективного компонента языковой личности в выборе средства указания на тип референции (личного опыта, предпочтений,

личностных особенностей восприятия поступающей информации и произведения логических операций и т. д.) результат такого выбора может варьироваться даже при работе переводчиков с одним исходным текстом. Однако все переводчики ограничены набором возможных трактовок, который допускается оригинальным текстом. Необходимое условие сохранения адекватности перевода не позволяет применить в переводном тексте указатель на тип референции, который противоречит референциальному значению исходного имени.

Фактическое употребление артикля для обозначения типа референции, несмотря на традиционное именование «референциальный выбор», в норме не является «выбором» и происходит на уровне языковых рефлексов, для которых возможно зарегистрировать только исходную информацию (в рассматриваемом нами случае – текст оригинала) и результат – использованный для обозначения референциальных отношений артикль; исследователь не имеет возможности непосредственно наблюдать – когнитивных процессов, обеспечивающих реализацию этого рефлекса. Однако, возможно определить и проанализировать факторы, которые влияют на предпочтение того или иного артикля переводчиком.

Выявлено три фактора, которые способны оказывать влияние на употребление артиклей в качестве указателей на тип референции и имеющих основание в исходном тексте.

Первый фактор – разные трактовки одного двойственного основания для постановки артикля. Так, в контексте, содержащемся в главе I:

(1) и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение // *and Ivan Nikolayevich saw a picture of himself on the front page* // *and Ivan Nikolayevich saw his own image right on the front page* // *sur la première page duquel Ivan Nikolaïevitch put voir son propre portrait* // *Ivan Nikolaïevitch y vit en première page son portrait,*

основанием для возникновения расхождения в интерпретации исходного типа референции является возможность неоднозначного понимания словосочетания «на первой же странице», которое может быть понято как указывающее при помощи числительного «первая» со значением «под номером 1» на референцию имени «страница» вида «выделение из класса», либо как именование класса со значением «первая увиденная страница, не выделяемая из множества

прочих страниц Литературной газеты». Три переводчика (один на французский, двое на английский) предпочли определенный артикль как указывающий на выделенность из класса. В одном из переводов на французский переводчик рассматривает имя «страница» как отсылающее к невыделенному объекту, для которого не представляется возможным однозначно определить границы и соотношение с общим множеством таких объектов. Это является основанием для предпочтения нулевого артикля.

Вторым фактором, определяющим использование того или иного артикля для указания на тип референции имени, является предпочтение разными переводчиками разных присутствующих в тексте оригинала указаний на тип референции одного имени. При восприятии сразу нескольких указателей на референциальный статус имени возникает так называемый референциальный конфликт, который выражается в том, что говорящий получает одновременно разную информацию о типе референции одного имени. Анализ компонентов выборки, содержащих в себе более одного указания на тип референции, может показать, что именно влияет на итоговый референциальный выбор: передача референциального статуса имени через конкретный вид указателей, их сочетание между собой или какие-либо другие факторы, лежащие вне лексического и синтаксического слоев высказывания.

Наличие сразу нескольких указаний, не совпадающих по своему значению, связано с общими особенностями передачи отношений референции в исходном безартиклевым языке. Например, в контексте, содержащемся в главе I:

(2) Отношения таким образом были восстановлены // *Thus relations between them were restored* // *Relations thus restored* // *Les relations ainsi renouées* // *Les relations ayant été ainsi rétablies*,

зафиксировано межъязыковое несовпадение, имеющее неграмматическую природу. Рассмотрим исходный текстовый фрагмент для установления причины несовпадения. Имя «отношения» не имеет при себе никаких очевидно индивидуализирующих параметров и именуется объектом ранее читателю не известный. При этом оно стоит в тематической позиции (т. е. предварительно выделено при помощи синтаксических средств), а контекст ситуации позволяет читателю логическим путем установить, о каких отношениях идет речь в этом текстовом фрагменте. То есть в

одном контексте одновременно существуют указания на разные типы референции, и переводчик может выбрать любое из указаний, исходя из собственного видения ситуации.

Третий фактор, на основании которого переводчик осуществляет референциальный выбор, – это возможность рассмотрения языковой ситуации с разных точек зрения и, соответственно, применение разных принципов интерпретации исходного указания на тип референции. Примером влияния этого фактора является несовпадение, зафиксированное в главе I:

(3) Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек // *So how, may I ask, can man be in control // Permit me to ask you then, how can man be directing things // Or – permettez-moi de vous le demander – , comment l’homme peut-il gouverner quoi que ce soit // Or, je me permets de vous le demander, comment l’homme serait-il en mesure de gouverner.*

В этом контексте в двух переводах языковая ситуация рассматривается с позиции говорящего, который определяет именуемый объект как выделенный из класса, что передано при помощи определенного артикля. В двух других переводах контекст рассматривается с позиции слушателя, не имеющего достаточно информации о том, с каким конкретно объектом соотносится имя «человек», и определяет тип референции как «отнесение к классу», используя неопределенный артикль с соответствующим значением инварианта.

Итак, в результате проведенного исследования нами было установлено, что функционирование системы артикля в рассматриваемых языках (английском и французском) подчиняется общим закономерностям, – артикли в этих языках имеют общий инвариант, содержащий информацию о типе референции имени или именного выражения к объекту внеязыковой действительности. В конкретных артиклевых формах, которые являются вариантами этого общего инварианта, может находить проявление специфический дополнительный компонент значения, свойственный отдельной языковой системе.

Библиографический список

1. Литвин Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике артикля в разных языках // Общество & человек. 2014. № 2 (8). С. 89–99.
2. Литвин Ф.А. Референция существительного в русском языке в зеркале английского языка (на материале параллельных текстов) // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Вып. 16. Т. II. Н. Новгород: НГЛУ, 2013. С. 72–81.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2001. 448 с.
4. Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated by Hugh Aplin. L.: One World Classics, 2008. 432 p.
5. Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. L.: Picador, 1997. 384 p.
6. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite / Texte présenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. P.: Éditions Gallimard, 2004. 734 p.
7. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite / Traduit du russe par Claude Ligny. P.: Robert Laffont, 2012. 608 p.

Сведения об авторе

Тимошенко Ирина Владимировна
аспирант кафедры романской филологии,
аспирант кафедры английской филологии
Института иностранных языков
Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева
E-mail: timoshenko@outlook.com

УДК 81'42:61

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСА В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

Л.В. Ягенич

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского
федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Статья посвящена описанию прагмалингвистического аспекта теоретического анализа письменного научного медицинского дискурса и рассмотрению его жанров. Выделены составные части научной деятельности врача. Письменный модус научной деятельности врача рассматривается как вербальная реализация коммуникативных намерений в процессе речевого воздействия, которое отображает коннотативные аспекты деятельности адресанта и рефлексии.

Ключевые слова: письменный научный медицинский дискурс, научная деятельность врача, письменный модус, монолог, жанры.

Actualization of Written Discourse in Medical Research

Larisa Yagenich

The article looks at the pragmalinguistic aspect of description and theoretical analysis of written medical research discourse, its genres and components. It treats written medical research as verbal realization of communicative intentions of persuasion, where said realization reflects connotative aspects of the physician's activity and reflection.

Key words: written medical research discourse, medical research activity, written modus, monologue, genres.

Политика государства способствует воспитанию молодых специалистов, которые стремятся к развитию и новым достижениям. Необходимость в практической реализации полученных теоретических знаний способствует выбору будущей профессии. Распоряжением правительства Российской Федерации от 16 апреля 2016 г. после анализа данных о поступлении в высшие учебные заведения определены приоритетные специальности и направления подготовки высшего образования. В общем перечне среди востребованных направлений находятся языкознание и литературоведение. И.В. Образцов, В.В. Журавлева в 2016 году провели на базе МГЛУ исследование, которое подтвердило популярность профессий лингвистического профиля. Мастерство владения словом дает возможность правильно презентовать свои идеи, делиться опытом, передавать знания, обсуждать проблемы и принимать сложные решения. С древних времен уровень образованности человека

определялся умением грамотно формулировать мысли и собственные идеи вербально с целью донесения информации и убеждения адресата. Правильно выстроенная речь способствует успешной коммуникации, которая помогает налаживанию взаимоотношений между людьми, развитию науки.

Деятельность врача разнопланова и связана как с лечением пациента, так и с общением с пациентами, их родными и коллегами, постановкой и записью диагноза, работой с инструкциями к новым препаратам и оборудованию. Поскольку врачебная деятельность посвящена сохранению здоровья человека, при этом неразрывно связана с коммуникативной деятельностью, которая способствует восстановлению больного, предполагаем, что профессиональная коммуникативная деятельность врача нацелена на достижение успеха в коммуникации с целью создания доверительной и комфортной коммуникативной ситуации для поддержания человека на этапе выздоровления. Врач для успешного лечения и диагностики заболеваний находится в постоянном поиске эффективного решения профессиональных проблем путем обсуждений, собрания консилиумов, поиска источников актуальной информации. Профессиональная деятельность влияет на аргументацию при осмыслении проблемной ситуации [1. С. 239]. Безусловно, врач – это многогранная личность, одной из сторон которой является коммуникация. Эрик Барноу пишет, что передача сообщения, обмен мыслями, информацией, где передается содержание от адресанта адресату, – это коммуникация. Полагаем, что для профессионального совершенствования врача необходимо получение информации в сфере научных медицинских достижений. Совершенствуясь, многие медицинские сотрудники становятся учеными и участвуют в конференциях, семинарах и форумах, докладывают о собственных исследованиях. Врач может выступать как ученый, который занимается научной деятельностью, как практикующий врач и как педагог для передачи опыта молодому поколению. Высококвалифицированные врачи и в то же время научно-педагогические работники выступают в роли адресантов, которые воздействуют на адресатов (обучающихся, коллег, ученых) вербальным способом. Интерес для исследования представляет изучение прагматических особенностей обнародованных в письменной форме результатов научной деятельности врача-ученого,

который описывает собственные или коллективные достижения в медицинской науке.

В рамках нашего исследования рассматривается один из аспектов проблемы изучения коммуникации, которая реализуется в профессионально ориентированной научной деятельности врача. Научная деятельность врача способствует овладению новыми знаниями и повышению его квалификации.

Поскольку речь идет о коммуникации во врачебной практике и медицинской науке, о роли воздействия адресата на адресанта, то следует рассматривать проблемы медицинского дискурса, который имеет устную и письменную формы. Актуальным представляется анализ письменного научного медицинского дискурса, который реализуется посредством профессиональной коммуникации, научно-исследовательской работы врача-ученого, что обладает определенным значением в процессе накопления и распространения научного знания.

Полагаем, что научная деятельность ориентирована на осмысление новой информации с учетом прагмалингвистического контекста обнародованных научных достижений в сфере медицины.

Целью статьи является описание особенностей научной деятельности врача путем теоретического анализа письменного научного медицинского дискурса и рассмотрение его жанров.

Задачи: в рамках функциональной прагмалингвистики выделить составные части научной деятельности врача.

Актуальность. Проблемой взаимосвязи интерференции коммуникации и психических процессов занимались Н.Д. Арутюнова, В.П. Белянин, А.Р. Лурия, А.М. Шахнарович, которые исследовали понятие коммуникативной деятельности и определили ее место в системе деятельности человека. Проблемой анализа дискурса в разных сферах жизнедеятельности человека занимались Н.Д. Арутюнова, В.С. Григорьева, Н.В. Елухина, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, Г.Г. Матвеева, В.А. Митягина, В.Е. Чернявская, Т. ван Дейк и другие. Научные достижения лингвистов основаны главным образом на исследовании материалов художественного, политического, рекламного, медийного, религиозного и других видов дискурса. Поскольку здоровье – одна из главных жизненных ценностей человека, проблема исследования медицинского дискурса вызывала особый интерес; его исследованием

занимались такие ученые, как Э.В. Акаева, Т.М. Багдасарян, М.И. Барсукова, С.В. Вострова, В.В. Жура, Э.А. Песоцкая, Э.А. Столярова, В.Я Юкало. Спектр актуальных проблем связан с когнитивными и лингвопрагматическими аспектами, особенностями терминообразования. Устный медицинский дискурс также привлекал внимание ученых (Л.С. Бейлинсон, В.В. Жура, Е.А. Пономаренко и др.). Поскольку профессия врача-ученого предполагает активную научную деятельность, как устную, так и письменную, осмысление и теоретическое описание письменной формы научного медицинского дискурса, которая реализуется в разных жанрах, определяет актуальность данной работы.

1. Научная деятельность врача

Анализируя литературу по данной проблеме, мы можем сказать, что теория дискурса представляет для исследователей большой интерес. Определение термина «дискурс», который в переводе с французского означает речь вообще и отождествляется с коммуникацией, способствует развитию и уточнению терминов «речь», «текст», «диалог», «монолог».

Впервые подробное изучение дискурса представлено в трудах Т.А. ван Дейка, где текст описывается как отрезок связного дискурса, который не укладывается в традиционные рамки лингвистического анализа. Дискурс реализуется в разных видах деятельности человека и затрагивает разные аспекты человеческого сознания [2. С. 23].

В словаре терминов к книге Р.К. Потаповой «Речь: коммуникация, информация, кибернетика» находим три определения дискурса: 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие [3. С. 553].

Н.Д. Арутюнова дополняет определение дискурса, рассматривая его как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [4. С. 136–137]. Также Н.Д. Арутюнова подчеркивает

двуединство дискурса как коммуникативного феномена: с одной стороны, это текст, вербальная составляющая устного или письменного общения, а с другой стороны, это коммуникативная ситуация, в которой есть участники, действующие в определенных ситуациях и следующие нормам лингвокультуры. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [4. С. 136–137]. Очевидно, что каждая бытовая или профессиональная ситуация требует коммуникативной деятельности, которая является реализацией культурных норм и традиций общения. Поэтому изучение дискурса вне культуры и социальных норм и правил представляется для нас невозможным. У Е.С. Кубряковой находим более детальное пояснение, что «...дискурс... требует при переходе к нему обязательного учета всех социальных параметров происходящего, всех прагматических факторов его осуществления. Нельзя изучать дискурсивную деятельность вне культурологических и социально-исторических данных, вне сведений о том, кто проводил дискурсивную деятельность, для чего, при каких условиях, с каких позиций и т. п.» [5. С. 516]. А.А. Панова дополняет определение дискурса с точки зрения профессиональной деятельности и культуры общения медицинских работников, отмечая, что основная цель врача в медицинском дискурсе – это изменение картины мира пациента, что отображает его понимание и восприятие окружающей среды [6]. Исходя из этого определения мы видим, что обращается внимание на личностный компонент с индивидуальными особенностями восприятия всего окружающего. Находим подтверждение необходимости дополнительного изучения индивидуальных особенностей коммуникантов в процессе анализа определение дискурса, которое дано В.И. Карасиком: лично, культурно и ситуативно детерминированная коммуникативная практика. Такая дефиниция дает нам возможность в рамках изучения дискурса исследовать текст, процессы текстосопровождения и текстовосприятия, которые обусловлены важными условиями коммуникативной ситуации. Дискурс определяется как когнитивно-семантическое явление, которое изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т. е. различных моделей репрезентации общения в сознании каждого человека [1. С. 125]. В.С. Нечаева в своих научных исследованиях дополняет определение дискурса: «...Это речевая ситуация, т. е. текст погруженный в

ситуацию общения» [7]. Для целей нашего исследования мы допускаем рассмотрение дискурса как когнитивно-семантического явления, которое реализуется в устной и письменной формах текста, который погружен в ситуацию профессионально общения в сфере медицины. Следует отметить, что медицинский дискурс имеет две формы – устную и письменную. При этом большинство лингвистических исследований посвящены проблемам изучения устного медицинского дискурса: В.И. Карасик, М.Л. Макарова, О.Ф. Русанова в своих работах рассматривают устный медицинский дискурс как институциональный тип дискурса, что предполагает статусное неравноправие врача и пациента и его близких при определенных временно-пространственных характеристиках общения, которое отвечает потребностям в охране здоровья и реализуется с помощью коммуникативных стратегий и тактик. Для создания доверительной атмосферы общения и взаимопонимания врачи вырабатывали стратегии, тактики и особые формы поведения [8; 9; 10].

На основе классификации категорий дискурса определены его основные черты: участники, хронотоп, пресуппозиция, контроль, цели, тональность и жанры [11; 12]. В.В. Жура продолжает более детальное исследование проблемы особенностей устного медицинского дискурса и выделяет его следующие характеристики: коммуникативная цель, участники, эмоциональный дейксис, гендерная принадлежность, биосоциальные параметры, этническая принадлежность, характер заболевания, место и обстановка общения. Также подробно рассмотрены жанры устного медицинского дискурса, коммуникативные помехи, общегностические компоненты дискурсивной компетенции врача [13].

Поскольку в рамках нашего исследования мы определили актуальность научной деятельности врача-ученого, которая реализуется в письменном медицинском дискурсе, то прежде всего обратимся к одному из аспектов коммуникативной деятельности – к научной деятельности врача. Научный медицинский дискурс реализуется в коммуникативном поведении врача-ученого, что определяет такие категории участников: говорящий / пишущий (врач-ученый) – слушающий / читающий (студент, коллега-врач, пациент). Дискурс реализуется с помощью стратегий, которые включают планирование процесса речевой коммуникации и состоят из комплекса речевых действий, направленных на достижение

коммуникативной цели [14. С. 54]. В рамках прагмалингвистического подхода полагаем, что коммуникативные стратегии демонстрируют отношения между коммуникантами с учетом социальных условий общения: анализа участников коммуникации как представителей той или иной социальной группы и обстоятельств в широком социокультурном контексте.

Научная деятельность неразрывно связана как с устной, так и с письменной формами дискурса, которые обеспечивают обнаружение полученных результатов, способствуют их обсуждению и ведут к научному сотрудничеству. В рамках нашего исследования мы ограничиваемся только письменным научным медицинским дискурсом, под которым понимаем текст медицинской направленности, где реализуются коммуникативные стратегии и тактики, которые имеют языковые маркеры, отображающие коннотативное значение лексических, грамматических и синтаксических единиц для выражения стилистических особенностей текста, а также оценочного субъективного отношения адресанта к предмету или людям, что может проявляться в рефлексивном отношении адресата.

Существуют разные подходы к выделению жанров в научном дискурсе. Н.И. Клушина и Л.Е. Малыгина говорят о реализации научного стиля и выделении жанров по количественному признаку и объему, поэтому обозначены крупные (учебное пособие, монография, диссертационное исследование, энциклопедия, словарь, справочник и т. п.) и малые (статья, реферат, аннотация, тезисы, обзор, рецензия, хроника и т. п.) жанры научного дискурса [15].

Поскольку основным условием научного дискурса является осмысление науки [8. С. 73–79], в рамках функциональной прагмалингвистики рассматриваем письменный научный медицинский дискурс как сознательную вербальную научную деятельность врача-ученого в письменной форме. Анализируя выделенные В.И. Карасиком жанры научного медицинского дискурса [11], следует отметить другой подход к классификации жанров, который определяет степень обобщения научных сведений. Полагаем, что более приемлемой является классификация, где выделяется первичная и вторичная (которая отображает аналитическую и синтетическую переработку научных текстов) работа с научными исследованиями.

Представленная В.И. Карасиком классификация жанров письменного научного дискурса представляется более емкой, а характеристику Н.И. Клушиной и Л.Е. Малыгиной по количественному признаку и объему считаем необходимым обозначить как дополнительную.

Таким образом, определяем следующие жанры письменного научного медицинского дискурса:

- первичные: крупные – монография, диссертация;
                  малые – научная статья, научный доклад, стендовый доклад;
- вторичные: крупные – реферат;
                  малые – рецензия, аннотация, тезисы.

Письменная форма научной деятельности врача с точки зрения сознательного речевого воздействия влияет на эффективность письменного общения, где реализуются функции сознания с учетом особенностей вербального коммуникативного поведения (например, возрастных, национальных, статусных и т. п.). Она обеспечивается стойкостью и ясностью сознания (сформулированными риторическими приемами и правилами). Сознание – это высший интегрирующий психический процесс, который объединяет все: от внимания и памяти до мышления [5; 16; 17]. Процесс мышления отображает получение новых знаний о предметах, явлениях и их свойствах и реализуется посредством вербальной коммуникации, а также является целью письменного научного медицинского дискурса. Многие ученые исследуют проблему научного дискурса и определили основные коммуникативные законы: логичность изложения, истинность и опровержение фактической ложности, абстракция предмета речи [4. С. 60–68], что непосредственно отражается в письменной форме научного медицинского дискурса. Изучив человеческие факторы, выражающие социальные условия, которые выделяет С.Г. Агапова [18], определяем характерные для письменной формы общения: языковая компетенция, национальная принадлежность, социально-культурный статус (социальная принадлежность, профессия, занимаемая должность, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение), текущее психологическое состояние (настроение, текущие знания, цели и интересы). Поскольку эти признаки имеют неодинаковую значимость в различных социумах, то предполагаем, что они по-разному отражаются в письменном научном медицинском дискурсе.

Таким образом, научный характер деятельности врача-ученого предполагает намеренный выбор иллюзий и подтверждается продуманным содержанием текста. В рамках нашего исследования прагмалингвистический подход к изучению проблемы научного медицинского дискурса предполагает анализ письменной формы выражения осознанной вербальной научной деятельности путем определения стратегий, тактик и языковых маркеров, которые использует врач-ученый, реализуя письменный научный медицинский дискурс. Научная деятельность врача-ученого также определяется социальными условиями.

2. Речевой модус в письменном научном медицинском дискурсе

Научная деятельность человека реализуется в ритуальном дискурсе и определяется сферой профессиональной деятельности [10]. При этом следует отметить, что независимо от спектра проблем научная деятельность, которая является составной коммуникативной деятельностью, неразрывно связана с работой когнитивных процессов. В.М. Глушак, исследуя лингвопрагматический аспект деятельности коммуникантов в ситуациях повседневного общения, определил когнитивные модели речевого поведения и для обозначения этих моделей использовал термин «модус». Модус речевого поведения рассматривается как концептуальное образование в совокупности пресуппозиций, определяющих способ взаимодействия коммуникантов [18. С. 60–68] на фоне складывающихся дискурсивных условий. Модус речевого поведения является вербальной реализацией типичных ситуаций коммуникативного взаимодействия людей [19]. Под модусом научной деятельности понимаем совокупность коммуникативных пресуппозиций и намерений врача-ученого как способ осознанного вербального взаимодействия адресанта и адресата, которые реализуются в письменном медицинском дискурсе. Поэтому в рамках ритуального дискурса рассмотрим модус научной деятельности врача, который реализуется в письменном медицинском дискурсе.

Проблема изучения письменной речи раскрыта в трудах многих ученых: В.В. Виноградова, В.З. Демьянкова, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, Л.В. Щербы, Т. Левандовски и других.

Письменная речь врача-ученого рассматривается как изложение и обнародование собственных мыслей адресанта, а также как выполненный им анализ других научных работ, поэтому полагаем, что письменный научный дискурс реализуется в форме монологической речи.

Монолог состоит из коммуникативной деятельности нескольких людей, при этом один только излагает результаты предшествующей коммуникативной деятельности. Адресант вербально оформляет то, что ранее было прочитано, услышано или проговорено. Монолог имеет определенную лингвистическую форму стилистического построения, в которой сплетаются лексические, стилистические и синтаксические особенности письменного и разговорного литературного языка [20]. Монолог может полностью не совпадать с речью собеседника или частично не соответствовать ей в содержательном и структурном контексте, потому что это высказывание от одного лица. Монолог – это организованная речь, которая требует определенных умений излагать правильно и грамотно мысли с целью оказания речевого воздействия [11. С. 11]. Монологическая речь уже неоднократно становилась предметом исследования лингвистов: выделены такие языковые характеристики, как местоимения и глаголы второго лица, глаголы повелительного наклонения и другие формы волеизъявления. Монологу присущи также такие коммуникативные функции, как рассказ о событиях, рассуждение, исповедь, самохарактеристика, анализ. Монолог всегда имеет композиционную схему повествования: начало события, развитие события и конец события [21]. Монологическая речь также имеет непростые синтаксические конструкции, которые определяют семантическое значение [20; 22]. К лингвистическим признакам монолога относят также протяженность высказывания. Л.П. Якубинский подчеркивает, что длительность обусловлена связностью и построением речевого ряда [23. С. 26].

Следует отметить, что монологической речи свойственны традиционный выбор лексико-грамматических форм и сложная композиция. Использование монологической речи определяется коммуникативными ситуациями в таких сферах, как наука, культура, искусство. Письменные научные работы ученых-врачей можно определить как разные жанры письменного публичного монолога, которые проходят процедуру обнародования.

Т.Г. Винокур указывает, что отрывки монологической речи в той или иной мере «диалогизированы» и содержат такие показатели как обращение и риторические вопросы, что подтверждает стремление адресанта повысить активность адресата [24. С. 310]. Отметим, что в письменном научном тексте адресант ориентируется на адресата с целью донесения результатов исследовательской работы, поэтому диалогичность является неотъемлемой частью научного дискурса; будучи созданной для восприятия кем-то другим, она становится коммуникативным и социальным явлением [8; 25].

Таким образом, письменная речь обеспечивает получение информации в зафиксированной форме. Монологическая письменная речь реализует очевидные характеристики дискурса: коммуникативные намерения / интенции, коммуникативные действия и отношение адресата. Т.С. Горохова описывает аспекты использования языка человеком и его функционирование в дискурсе. Представленный перечень языковых задач [22] представляется нам неполным, поэтому считаем необходимым его дополнить:

- 1) определить намерение коммуникации;
- 2) выяснить причины использования определенных языковых и речевых единиц;
- 3) обозначить потенциальные возможности при выборе речевых и языковых форм;
- 4) изучить осознанный или привычный принцип оперирования языковыми и речевыми единицами.

Полагаем, что вербальная письменная форма адресанта реализуется в модусе научной деятельности врача-ученого, который проявляется в письменном научном медицинском дискурсе в совокупности коммуникативных пресуппозиций, с продуманными осознанными намерениями и целенаправленным выбором иллокуций.

Трактовки термина «дискурс», «медицинский дискурс», «устный медицинский дискурс» и «письменный научный медицинский дискурс» подтверждают особое место в современной лингвистике разных видов дискурса. Дискурс способствует познанию и интеллектуальному преобразованию освоения мира, которые проявляются в высшей степени развития индивидуальных когнитивных способностей. Данное исследование описывает научную деятельность врача в вербальной зафиксированной форме.

Определяем, что модус научной деятельности врача-ученого в письменном медицинском дискурсе состоит из:

1) мотивации (определяющие идеи, желания, сознательные поступки, тип поведения, что связано с соблюдением или нарушением адресантом имиджа адресата);

2) пресуппозиции, которую определяем как представления пишущего о степени осведомленности адресата речи, стимулирующие к актуализации определенного багажа знаний или объема информации [26. С. 219];

3) коммуникативных намерений, которые рассматриваются как сознательное стремление закончить определенное действие в соответствии с ранее спланированным коммуникативным действием для достижения результата [26. С. 216];

4) речевых действий, которые определяются социальным статусом, социальными принципами, правилами и нормами;

5) коннотативных аспектов, которые связаны с семантическими и стилистическими характеристиками речевой деятельности как одной из составляющих коммуникативного поведения врача-ученого; И.А. Стернин к коннотативным компонентам относит эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический, которые имеют свои выражения в языковых маркерах [26];

б) рефлексии как осмысления информации адресанта [5; 7; 27].

Говоря об индивидуальных когнитивных способностях, обращаемся к проблеме осмысления врачом-ученым мира, предполагая и ожидая, что речевые действия адресанта повлияют на индивидуальные изменения в сознании адресата. При характеристике сознательной коммуникативной деятельности адресанта считаем необходимым обратиться к интеллектуальному, волевому и эмоциональному самоконтролю, который представляет собой концентрированную осмысленную информацию адресанта; соответственно, мы понимаем, что реализуется научная рефлексия в письменном научном медицинском дискурсе. Рефлексия в дискурсе реализуется на материале научных работ, где очевиден результат осознанной научной деятельности врача-ученого, который задействует все упомянутые выше виды контроля. Когда врач-ученый делится результатами научных достижений, мы говорим о реализации когнитивных способностей в вербальном проявлении мыслительного процесса.

Письменный научный медицинский дискурс рассматриваем также как прямой и непосредственный вид научной деятельности, что способствует изложению материала в монологе максимально однозначным образом, поскольку для ученого основной задачей является получение правдивых данных, описание истинных результатов исследования. Прямая / непосредственная научная деятельность предполагает, что в условиях реализации научного медицинского дискурса адресат, испытывая влияние адресанта на сознание, будет мотивирован следовать коммуникативному намерению адресанта. В рамках письменного научного медицинского дискурса можем говорить о таких проявлениях, как комментарии к статьям, рецензии на диссертационные исследования, отзывы на авторефераты, рефераты статей. Оценка реакции в письменном научном медицинском дискурсе позволит нам определить достижение коммуникативного намерения и, соответственно, успех в процессе сознательной коммуникации. Использование врачом-ученым коммуникативных стратегий и тактик, которые имеют языковые маркеры на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, происходит также осознано в процессе прямого речевого воздействия на адресата в письменной форме. Поэтому необходимо исследовать и закрепленные в социальной группе, культуре коннотативные значения лексических, грамматических и синтаксических единиц для выражения оценочного субъективного отношения адресанта к предмету или людям, что может проявляться в рефлексивном отношении адресата.

Прагмалингвистический подход к изучению письменного научного медицинского дискурса предполагает изучение его разных жанров, которые реализуются в модусе научной деятельности врача через монолог. Материалом для дальнейших исследований будут служить научные статьи с аннотациями, монографии, диссертации по направлениям подготовки «Фундаментальная медицина» и «Клиническая медицина» с учетом социалингвистических факторов. Как было отмечено, стратегии и тактики являются вербальной реализацией речевых действий и рефлексии в письменном научном медицинском дискурсе, что определяют модус научной деятельности врача. В рамках функциональной прагмалингвистики определены составные части модуса научной деятельности врача-ученого: мотивация, пресуппозиция, намерения, речевые действия,

коннотативные аспекты речевой деятельности адресанта, рефлексия как осмысление информации адресанта.

Адресант, врач-ученый, имея мотивацию, реализует коммуникативное намерение и концептуальное образование пресуппозиций, находит способ речевого воздействия на адресата с целью достижения успешной коммуникации в письменной форме. Письменный научный медицинский дискурс реализует сознательный процесс мотивированной научной деятельности врача-ученого, где принимается во внимание пресуппозиция, коммуникативное намерение для осуществления речевых действий, которые отображают коннотативные аспекты речевой деятельности адресанта и возможную рефлексию.

Перспективным представляется изучение реализации жанров письменного научного медицинского дискурса в Интернете, что в дальнейшем может привести к выделению новых жанров письменного научного медицинского дискурса, который реализуется в научной деятельности врачей-ученых и людей, интересующихся разработками и достижениями медицины.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
2. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М., 2001. 568 с.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
5. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII междунар. конф. М., 1999. С. 186–197.
6. Панова А.А. Культура общения медицинских работников // Русский язык для делового общения. Челябинск, 1996. С. 95–30.
7. Нечаева В.С. Семиотические аспекты электронного делового письма // Вестник МГЛУ. 2012. № 19 (652) С. 166–173.

8. Герасимова Ж.В. Научный и философский дискурсы как актуальные формы рационально-рефлексивного сознания человека // Вестник ЧелГУ. 2009. № 29. С. 73–79.
9. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации // Аспекты языка и коммуникации. Вып. 5. Воронеж: Воронежский государственный университет: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 382 с.
10. Клещенко Е.М. Характеристика медицинского дискурса как институционального типа дискурса // Электронный ресурс Интернет: <http://nauka-rastudent.ru/2/1204>.
11. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
12. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград–Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.
13. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2008. 168 с.
14. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.
15. Клушина Н.И., Малыгина Л.Е. Стилистика научной речи и редактирование учебно-методических материалов (для учителей и педагогов системы среднего образования) // Электронный ресурс интернет: http://new_teacher_msu_runode376.
16. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228с.
17. Логвина С.А. Психолингвистические концепции процесса восприятия массмедиа сообщений // Инновации в науке. Новосибирск, 2013. С. 81–89.
18. Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГЛУ, 2010. 431 с.
19. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М: Юристъ, 2007. 464 с.
20. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.

21. Пономаренко Е.А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь: Дом писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
22. Горохова Т.С. Коннотативный аспект семантики глагольной лексики в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2008. 23 с.
23. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.
24. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
25. Агапова С.Г. Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи: Дис. ... д-ра филол. наук: Ростов н/Д, 2003. 269 с.
26. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики: Монография. М.: ФЛИНТА, 2003. 232 с.
27. Стернин И.А. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4–20.
28. Lewandowski T. Linguistisches Wörterbuch. Heidelberg–Wiesbaden: Quelle u. Meyer, 1994. Bd. I–III.

Сведения об авторе

Ягенич Лариса Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков № 4
Института иностранной филологии
Таврической академии
КФУ им. В.И. Вернадского
E-mail: yagenich@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1"18"

**«ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА ИЗ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ»
Н.И. ГРЕЧА (1839) В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

М.В. Аксенова

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина, Нижний Новгород*

Подготовленная в год юбилея известного отечественного издателя, литератора и публициста Н.И. Греча статья посвящена одному из его тревелогов и его значению в социокультурном пространстве. В статье показано взаимное проникновение различных культур и языков, раскрыт подход Греча к восприятию чужой культуры, который остается актуальным и в настоящее время.

Ключевые слова: тревелог, Греч, путешествие, язык, культура.

**“Travel Letters from England, Germany, and France” by N.I. Grech (1839)
in its Socio-Cultural Environment**

Marina Aksenova

In honor of the 230th anniversary of N.I. Grech, a famous 19th century Russian publisher, writer, and journalist, the article examines one of his travelogues and its impact on its contemporary socio-cultural environment, demonstrating the mutual penetration of different cultures and languages and describing Grech’s still relevant approach to the perception of foreign cultures.

Key words: travelogue, Grech, travel, language, culture.

Николай Иванович Греч (1787–1867) остался в истории русской литературы как издатель самого передового журнала первой трети XIX века – «Сын Отечества». Однако Греч был человеком разносторонним: занимался педагогикой и достиг в этом немалых успехов; написал несколько трудов по русской грамматике, и этими учебниками пользовались в России долгое время; стал успешным литератором – автором одного из самых читаемых романов 30-х годов XIX века «Черная женщина». Греч часто бывал за границей, и впечатления от его многочисленных поездок превратились в произведения в жанре тревелога – литературного путешествия. В их

числе: «Поездка в Германию» (1836), «28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию» (издана в 1837), «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (1843), «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847).

Жанр травелога, широкое распространение получивший в России первой половины XIX века, предлагал читателю взгляд на «другую» жизнь. Оппозиция *свое – чужое*, помимо того, что помогала описывать далекие и не столь далекие земли, способствовала и лучшему пониманию себя, собственного национального характера, невольно и постоянно противопоставляемому чужому, иноземному. Поездка 1838 года была предпринята Гречем по поручению Министерства финансов: необходимо было узнать, как устроены школы и ремесленные училища за границей, оценить, возможно ли это применить в России. Тогда Греч посетил три страны: Англию, Германию и Францию. И пусть маршрут был выбран им не совсем самостоятельно, однако интересно, что сама идея посещения сразу трех европейских стран перекликается с идеями развивающейся в XIX веке компаративной лингвистики, занимающейся сравнением и поиском соответствий в языках. Поездка в другую страну расширяла мир путешественника. Иные люди, традиции, язык создавали совершенно новое, непривычное пространство.

Социокультурная среда, которую представляет каждая из трех европейских стран, осваивается путешественником сразу в нескольких измерениях. В первую очередь автор исследует новый мир физически, изучает топос, бесконечно перемещаясь в нем. Понятие социокультурного пространства включает связи, законы, правила и понятия, являющиеся основными для данной группы. И это тоже становится предметом внимания путешественника. Его цель – понять страну и ее народ, приблизить чужое, сравнить его с родным.

Интерес именно к языку как к инструменту понимания культуры, ментальности народа восходит к трудам В. фон Гумбольдта [1], который ввел такое понятие, как «языковое сознание народа». Гумбольдт и его последователи рассматривали язык как антропологический феномен, бессознательное творение разума, наделяя язык способностью обуславливать мышление народа.

С точки зрения имагологии, язык, наряду с бытом, привычным укладом жизни, пристрастиями, способом организации и освоения

пространства, одеждой, служит способом познания «чужого». В «Письмах» Греч очень внимательно исследует все проявления жизни в той или иной стране, тщательно фиксируя практически все: улицы, выражения лиц, цвет одежды, размеры порций в ресторане, стоимость и удобство поездок в дилижансах, балы. На основании увиденного он делает собственные выводы об англичанах, французах и немцах, высказывая свое одобрение или порицание тем или другим чертам национального характера.

Речь на иностранном языке сопровождает Греча в течение всей его поездки наравне с другими звуками. Первая часть «Писем» открывается следующими словами: «Итак я опять в Германии; опять слышу стук огромных фур по мостовой; слышу хлопанье бичом; слышу беспрестанное *jawohl* трактирных служителей...» [2. С. 1] (прим. 1). Иноязычная речь наполняет улицы, надписи на чужом языке путешественник видит на вывесках и в газетах. Греч, человек зрелый и довольно известный, литератор, помимо этого служащий министерства финансов и отправившийся в Европу с официальной миссией, то и дело встречается с людьми самыми разными. Случайные попутчики, лакеи в гостиницах, старые друзья и петербургские знакомые, известные персоны – все они носители того или иного языка.

Первая страна, которую осматривает Греч, – Англия. Английский язык он знает, однако считает себя человеком, который владеет им недостаточно. В Лондоне путешественник нанимает лонлакея-француза именно затем, что сам не умеет «объясняться» по-английски, а лакей, в свою очередь, английским владеет превосходно.

«Письма» изобилуют специфическими наименованиями на языке описываемой страны, многие фразы Греч дублирует по-английски, на слух он легко способен отличить один вариант английского от другого. «Нас сидело в карете четверо: два чопорные англичанина, один немец путешественник и я. Немец разговорился со мною. По произношению его я тотчас заключил, что он иностранец, хотя долго жил в Англии, и говорил по-английски очень чисто. Вы спросите, как я, сам едва понимая по-английски, могу судить об этом. А вот как: если я хорошо понимаю человека, который говорит по-английски, то заключаю, что он говорит плохо, как иностранец, неуверенный в своих силах; когда же не могу различить слухом ни одного слова, безошибочно решаю, что он говорит по-английски

чрезвычайно хорошо. Истинное английское произношение похоже на орфографию, как счет архитектора на первоначальную его смету» [2. С. 164–165].

В Англии он предпочитает объясняться по-французски, неоднократно подчеркивая свое якобы «незнание» английского языка. «...Если б я умел свободно говорить по-английски! Тогда я посетил бы Манчестер, Бирмингам, Ливерпуль, поэтическую Шотландию; отыскал бы людей, которыми, по справедливости, гордится Великобритания. На французском же языке, там далеко не уедешь» [2. С. 183]. Таким образом, для того чтобы как следует прочувствовать то, что, по мнению Греча, является настоящей Великобританией, нужно в полной мере владеть английским языком, хотя Греч знает его довольно неплохо. Он делает меткие наблюдения, в диалогах реплики собеседников приводит на английском языке. «...Я не англоман, читаю английские книги и газеты, но не знаю английского языка так, как бы мне хотелось знать его; ...напротив, французский язык знаю основательно, говорю по-французски довольно бегло и чисто, так, что иногда меня принимают здесь (во Франции. – М. А.) за француза» [2. С. 218]. Если английский язык и британская культура слиты для него воедино, то с французским языком ситуация иная.

Знание французского языка в то время служило признаком образованного человека, и не только в России. Попутчики Греча на корабле – «люди с образованием, учтивые, знакомые с разными языками» [2. С. 4], он объясняется с ними по-французски. Дама, показавшаяся Гречу необыкновенно приятной и наверняка принадлежащей к хорошему обществу, также ведет с ним беседу на французском языке. В Дувре он останавливается в уютном и дорогом отеле, где почти вся прислуга говорит по-французски.

Таким образом, французский язык имеет несколько расширенные «функции», являясь не только зеркалом французской культуры, народного сознания, но и маркером, определяющим человека благородного. Этот язык воспринимается Гречем в отрыве от собственно Франции, о которой он на страницах «Писем» высказывается довольно неприятно, подготовив даже небольшое «оправдание» своих нападок на современную ему Францию в предисловии.

Наибольший интерес для него представляют люди, способные побеседовать с ним на русском языке. Таких собеседников Греч описывает исключительно с положительной стороны, ведь русская речь и русское слово являются для него настоящими сокровищами, особенно вдали от Родины.

«Самую приятную беседу нашел я в разговорах с Бароном Л., которого дотоле не знал лично. Почтенный Барон, пробыв в России года четыре, выучился в совершенстве русскому языку, прилежно занимался нашею литературою, и читал все, что выходит у нас достойного внимания» [2. С. 4].

Любовь к родному языку вырастает из любви к своей родной стране, ее культуре. Греч, сам будучи горячим патриотом, весьма уважительно отзывается о тех, в ком видит проявления патриотизма. В Англии на Спиттельфилдском балу он высказывается о танцах, одеяниях без особого восхищения, сравнивая их с петербургскими балами и блеском русских мундиров. Однако что-то ему понравилось: «...в продолжение с лишком двух часов не слышал я ни одного не английского слова. Все благовоспитанные англичане знают французский язык, но все и всегда говорят по-английски. В этом желательно было бы, чтобы они нашли подражателей» [2. С. 135–136].

Не только любовь к языку, но и отличное знание его является признаком образованного человека. Очередной попутчик Греча перечисляет свойства истинного английского денди и сообщает следующее: «Наконец, третье отличие джентельмена есть чистота, правильность и благородство языка, избегание всех выражений не только низких, грубых, площадных, но и не принятых господствующею модою. Беда члену парламента, который как-нибудь, в жару импровизации, обмолвится площадною фразою, или словом неупотребительным в хорошем обществе, или даже произнесет это слово не так, как принято! Протяжное произношение шотландца, твердый выговор ирландский, замена *w* буквою *v* (обычай лондонского простонародья), или употребление любимого слова американцев *mighty* (вместо *very*) – вот подводные камни, которых со страхом избегает всякий истинный джентельмен» [2. С. 170–171].

Все русское, прочно занимая главное место в сердце писателя, проникает даже сквозь иноземное. Так, находясь в Германии, Греч сообщает, что он остановился в лучшем отеле – *Hotel de Russie*. Во Франции ему посчастливилось встретить поразившую его женщину –

настоятельница монастыря *du Sacré Coeur* госпожу д'Авена, чьи родственники когда-то бежали в Россию и нашли там убежище. Она старалась сохранять знание русского языка, переводила «Историю» Карамзина.

Русское слово производит на Греча совершенно магическое воздействие: оно лечит, успокаивает. Предмет беседы порой не имеет для него никакого значения, если сама беседа проходит по-русски. В русском посольстве в Берлине он разговорился с первым секретарем. «С самого Франкфурта толковал я только по-немецки, спорил по-немецки, шутил по-немецки, и даже бранился по-немецки. Если б вы знали, как последнее неловко!» [3. С. 219]

Интересно, что Греч, дедушка которого был немцем, воспринимает немецкий язык как чужеродный. Путешествие по Германии представляет собой посещение разных по характеру и настроению земель. Где-то Греч предается мечтам, наблюдая пасторальные картины, где-то он впадает в уныние. Греч указывает на противостояние немецкой и чешской культур. «Воспитанные Богемцы не охотно говорят по-чешски, и употребляют язык немецкий, так как у нас франты говорят по-французски. Вельможи совершенно было обгерманились, и только в недавние времена, как я сказал выше, обратились к отечественному языку, литературе и истории» [4. С. 21].

Немецкий язык, представленный диалектами, разнообразен и в жизни, и на сцене. Греч сетует, что не может насладиться игрой актеров в Германии, так как не понимает того диалекта, на котором они говорят. «Народный язык в Баварии самый грубый, и произношением и выражением. Букву *a* выговаривают здесь, как *o*; *y* как *ю*, и т.д. Вместо: *ich kann nicht* (не могу), говорят: *imoognit*; вместо: *ich weiß nicht* (не знаю): *iwaßnit. Mogensmi?* значит *Mögen Sie mich* (т. е. любите ли меня)? Шнапс значит не рюмка водки, как в Северной Германии, а тотчас. Встречается много сравнений со свиньей, с хвостом, и т.п.; например: *Generalschwein, Sauschwanz*. Муж подбивает жену пивом: *No! willßt, Sauchwanz!* Вместо: «богат, как Крез», говорят: «богат, как свинопродавец!» [4. С. 86–87]

Взаимное проникновение русского в иностранное, а иностранного в русское можно неоднократно заметить на страницах «Писем». Иностранцы – немцы, французы – говорящие по-русски и, что вызывает моментальную горячую симпатию Греча, любящие

русский язык, встречаются путешественнику повсеместно. Однако и сам Греч, владеющий всеми тремя языками (английским, французским и немецким), также через свои книги и статьи словно прорастает в чужое пространство. Он неоднократно упоминает свои книги, хвалится перед попутчиками их переводами на другие языки. Одобрительно высказывается о переводе на немецкий своей статьи об изучении языков, приводя отрывок из нее. Язык он называет «стройным, согласным в разнообразнейших частях целым», «несметным роем звуков, служащих орудием к изображению чувствований и мыслей человека».

Н.М. Карамзин, реформатор русского языка и своего рода предшественник Греча в жанре литературного путешествия, также считал способность выразить тонкие оттенки главным свойством языка. «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным. Богатый язык тот, в котором вы найдете слова не только для означения главных идей, но и для изъяснения их различий, их оттенков, большей или меньшей силы, простоты и сложности. Иначе он беден; беден со всеми миллионами слов своих» [5. С. 142].

Греч путешествует не только физически, перемещаясь с одного материка на другой, передвигаясь на кораблях, в каретах, дилижансах и прочем транспорте. Посредством другого языка он перемещается в другую культуру. Именно поэтому он так радостно принимает тех иностранцев, которые говорят по-русски, – ведь это такие же путешественники, как и он. Они для Греча – гости, через язык посетившие его родную и любимую Россию.

Однако попадая в другую страну, он и сам испытывает влияние чужого языка и словно бы сам становится французом, немцем, англичанином. Язык обладает такой силой, что способствует слиянию с чужой культурой, заставляя мыслить и действовать по-другому. В Англии Греч упоминает о том, что и сам становится неким механизмом, подобным жителям той страны, подчиняющим все на свете четким правилам. И только Франция влияет на него менее всего. Возможно, дело в том, что французский язык для Греча (как и для любого образованного человека в то время) уже не совсем иностранный. Возможно, закрытость автора от французской культуры во время поездки объясняется идеологическими мотивами. Яркий противник революционной жестокости, приведшей, по его мнению, к

гибели страны, Греч с удовольствием предаётся грусти в Версале, но не может «вжиться» в современную ему Францию.

Написав «Письма» в 1838 году, Греч словно предвосхитил дальнейшее развитие лингвистической культурологии. Именно так он воспринимает язык: это и носитель культуры (сожаления Греча о плохом знании английского и невозможности понять и познать Англию), и инструмент культуры. Так, в «Письмах» персонажи-иностранцы, владеющие русским языком, наделены еще и некими положительными качествами: они любезны, благодарны России за что-либо (помощь, приятно проведенное время и т. д.). Они оказываются благородными и воспитанными людьми – возможно, Греч наделяет их этими качествами, так как уверен, что русский язык не может не повлиять таким образом. Сам путешественник тоже испытывает на себе влияние чужого языка, он не противится ему. Греч с удовольствием «пробует» новую страну, уклад жизни. Во всем он старается следовать местным традициям – распорядок дня, выбор блюд, ритм дня. Открываясь другой культуре, пользуясь другим языком, он словно примеряет жизнь каждой страны, пытается увидеть то, что в современной лингвистике называется языковой картиной мира. Он полностью следует современным рекомендациям: погружается в языковую среду, пытается понять национальную специфику взглядов в каждой стране, постичь национальную картину мира.

«Письма из Англии, Германии и Франции» стали не только занимательным чтением для современников Греча, не только остались в истории литературы как прекрасный образец произведения в жанре травелога, но и по-прежнему представляют интерес с точки зрения познания иной культуры через язык.

Примечания

1. Здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
2. Греч Н. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Часть I. СПб.: в тип. Н. Греча, 1839. 252 с.
3. Греч Н. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Часть II. СПб.: в тип. Н. Греча, 1839. 286 с.
4. Греч Н. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Часть III. СПб.: в тип. Н. Греча, 1839. 144 с.
5. Карамзин Н.М. О богатстве языка // Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.–Л.: Художественная литература, 1964. 587 с.

Сведения об авторе

Аксенова Марина Викторовна
аспирант, старший преподаватель кафедры
иноязычной профессиональной коммуникации
НГПУ им. К. Минина
E-mail: marina.v.aksenova@gmail.com

УДК 821.112.2"19"(436)

ПРОБЛЕМА СВИДЕТЕЛЬСТВА И ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАННИХ РОМАНАХ ЙОЗЕФА РОТА

О.А. Дронова

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов*

В статье рассматриваются особенности повествования в ранних романах Йозефа Рота (1894–1939) в контексте влияния на него эстетической концепции «новой деловитости». Важная для «новой деловитости» категория правдивости отождествляется в ней с необработанным документом, подлинным свидетельством. В статье проанализированы позиции Рота по отношению к этим категориям. В ранних романах Рот использует стратегии, позволяющие ему представить роман как свидетельство. Особую роль в этом выполняет рассказчик – свидетель событий. Каждому из ранних романов Рота свойствен специфический ракурс воплощения категории свидетельства.

Ключевые слова: Йозеф Рот, «новая деловитость», повествование, рассказчик, документализм.

The Problem of Witness and Characteristics of the Narration in Joseph Roth's Early Novels Olga Dronova

The article discusses the specificity of the narration in the early novels by Joseph Roth (1894–1939) in the context of the aesthetic concept of “the new objectivity.” The category of truth, important for the “new objectivity,” was there identified with a raw document, an authentic testimony, and the article analyzes Roth’s position towards these categories. In the earlier novels Roth uses strategies that allow him to represent his novel as an authentic testimony with the narrator’s special role as a witness of the events. Each of the early novels by Roth shows a specific view of the implementation of the category of witness.

Key words: Joseph Roth, “the new objectivity”, narration, narrator, documentalism.

Создание первых романов Йозефа Рота (1894–1939) приходится на период Веймарской республики. С середины 1920-х гг. культуру, живопись, литературу Германии охватило движение «новой деловитости». Под термином «новая деловитость» (*Neue Sachlichkeit*) понимается эстетическая концепция, возникшая в противовес экспрессионизму, в основе которой – стремление к достоверному и правдивому отображению явлений современной жизни в «действенном» искусстве, принцип документализма, редукция авторской субъективности и психологизма. Эта эстетическая программа по-разному проявилась в творчестве крупных художников

слова – Б. Брехта, А. Деблина, Й. Рота, М.-Л. Фляйсер и других. В то же время, в силу аморфности этого движения, вопрос о принадлежности к нему тех или иных авторов продолжает оставаться дискуссионным. А в отечественном литературоведении «новая деловитость» как феномен культуры и литературы 1920 гг. остается недостаточно изученным.

В эстетических дискуссиях 1920-х годов остро ставится вопрос о назначении литературы в изменившихся после окончания Первой мировой войны социокультурных условиях. Не менее важна и ситуация конкуренции между литературой и бурно развивающимся кинематографом и прессой в плане воздействия на массовую аудиторию. Эстетическая концепция «новой деловитости» соприкасается с проблемой, названной Т.Н. Рымаремодной из центральных для литературы XX века – проблемой аутентичности – то есть убедительности и подлинности художественного высказывания. Писатели XX века находятся в напряженном поиске новых аутентичных форм изображения, соответствующих их изменившемуся мироощущению, при этом эффект подлинности может быть достигнут при помощи разнообразных средств: если одни авторы стремятся к «неопосредованности высказывания», другие, напротив, делают изобразительные средства «ощутимыми» для достижения «эффекта аутентичности самого акта высказывания как действия и поступка, совершающегося здесь и сейчас» [1. С. 15].

В эстетической программе «новой деловитости» подлинное часто оказывается противопоставленным всему эстетически преобразованному. Необработанные фрагменты документов, репортажей, статистические данные проникают в произведения «новой деловитости» как объекты самой действительности, не нуждающиеся в художественной интерпретации. Принцип «отказа от искусства» «новая деловитость» перенимает от дадаизма. Этот отказ декларируют многие авторы. Так, например, Эрвин Пискатор (1893–1966) пишет в книге «Политический театр» (*Daspolitische Theater*, 1929): «Насколько мало мы хотим делать «искусство», настолько же мало мы стремимся сформировать какой-то стиль» (перевод здесь и далее, если нет указания на русскоязычное издание, наш. – О. Д.) [2. S. 212]. Б. Брехт (1898–1956) в статье «О необходимости искусства в наше время» (1930) утверждает: «Пока великие личности будут пытаться использовать мир для самовыражения, превращая его в

собственное, по своему вкусу созданное творение, дети будут голодать» [3. С. 73]. На деле, принцип «отказа от искусства» во многом остался лишь лозунгом, ведь его воплощение требовало напряженных усилий по созданию новой формы. Авторы «новой деловитости» создают произведения, в которых нарратив с помощью различных стратегий соединен с документом или в которых нарративу придаются свойства документа, в связи с чем важными понятиями в «новой деловитости» становятся «отчет» и наблюдение.

Понятие «отчета» (*Bericht*) используется для характеристики художественного произведения, имеющего статус свидетельства очевидца. По своим характеристикам «отчет» близок репортажу, это понятие часто используется писателями для обозначения своих произведений – то есть осознается ими как особый жанр. Принцип наблюдения формируется под влиянием бурно развивающегося кинематографа. В представлении авторов «новой деловитости» наблюдение должно быть приближено к механической фиксации кинокамеры. Наблюдение резко противопоставляется интроспекции и предполагает воспроизведение внешней стороны окружающего мира, вне переживаний и оценки.

«Самое важное – то, что мы наблюдаем» – пишет Йозеф Рот в предисловии к роману «Бегство без конца» (*Die Flucht ohne Ende*, 1927), воспринятому современниками как яркое проявление «новой деловитости». Предисловие романа звучит как краткое и емкое воплощение эстетической концепции этого движения: Рот утверждает, что перед читателем история его друга, в которой «ничего не выстроено» и не выдумано, потому что «речь больше не идет о том, чтобы сочинять» [4. S. 311]. Ни в каком другом своем тексте Рот не высказывает столь резко потребность дистанцироваться от сочинительства как такового, противопоставляя ему простое «следование» за фактами. Но тот факт, что события романа на самом деле вымышлены, свидетельствует о том, что для Рота важна не связь изложенных фактов с реально произошедшей историей, а выбор такой повествовательной стратегии, которая превращает роман в аутентичное свидетельство, в отчет.

Проблема отношения Йозефа Рота к «новой деловитости» достаточно сложна и затрагивает важные аспекты его раннего творчества. Нигде, кроме предисловия к «Бегству без конца», Рот не говорит об отказе от вымысла. Например, в работе «Только

настоящие переживания» (*Nu rechte Erlebnisse*, 1927), созданной в год публикации романа «Бегство без конца», Рот решительно критикует механистичное разграничение факта и вымысла и недооценку работы художника над формой. Он неодобрительно отзывается о литературном конкурсе, в котором участники должны рассказать о важных событиях, произошедших в их жизни, максимально просто, не заботясь о писательском мастерстве. Рот называет условия конкурса наивными на том основании, что для литературы представляют собой ценность не «выдуманные», а только «настоящие переживания», но «их правдивость, их необходимость, их судьбоносное значение они получают вследствие убедительности их формы» [5. S. 750]. И. Виртц справедливо говорит о том, что Рот «никогда не отождествлял претензию на аутентичность и нехудожественность» [6. S. 10].

В то же время, с нашей точки зрения, из этого не следует, что Рот не принадлежал к «новой деловитости», как считает И. Виртц. Ранние работы Рота, посвященные литературе и искусству, свидетельствуют о том, что ему был близок тип социально активного художника. Например, в статье «Смелый поэт» (*Der tapfere Dichter*, 1924) он высказывается против традиционного для немецкой культуры «политического безразличия» писателей и дистанцированность поэзии от политики в целом. Проблема правды и лжи, а также подлинности художественного высказывания постоянно осмысляется в статьях и романах Рота и задает направление его художественного поиска. Эта проблематика, в частности, акцентируется в вводных статьях к сборникам путевых заметок Рота «Белые города» (*Die weißen Städte*, 1925) и «Путешествие в Россию» (*Reise in Russland*, 1926). Впечатления о путешествии в послереволюционную Россию непосредственно были положены в основу романа «Бегство без конца». Эта связь проявляется и в топографии романа, и в отдельных зарисовках нравов и внешнего облика толпы. Объясняя в вводной статье причины своей поездки в Россию, Рот пытается осмыслить проблему соотношения настоящей России и мифа о ней, бытующего в современной Европе. Рассуждая об эмигрантах, Рот пишет: «Она (Европа. – О. Д.) никогда не узнала (и после того как Россия прибыла сюда), как сильно французские романисты – самые консервативные в мире – и сентиментальные читатели Достоевского оболгали русского человека, превратив его в лубочный образ,

состоящий из божественного и бестиального, алкоголя и философии, самоварного настроения и азиатчины» [5. С. 591]. Рот рассуждает в духе «новой деловитости», противопоставляя правду и художественный вымысел как своего рода ложь.

Йозеф Рот был не только своеобразным выразителем «кредо» писателей «новой деловитости», но и ее жестким критиком. В статье «Покончим с “новой деловитостью”!» (*Schluss mit der Neuen Sachlichkeit!*, 1930) главным объектом его критики становится все та же поэтика факта как непосредственного свидетельства, «сырого материала». Выступая за правдивость изображения, Рот противопоставляет «неоформленную простоту “документального” сообщения» и «истинную непосредственность впечатлений» в «поэтическом отчете» [7. S. 156]. Даже «документальное утрачивает способность быть аутентичным», если «фотографируемый момент» отождествляется с самой жизнью, но в целом правдоподобие есть «наивысшее признание, существующее в литературе», и цель «художественного отчета» [7. S. 153]. Несмотря на радикализм статьи, она во многом остается в рамках вопросов, составляющих содержание эстетических поисков «новой деловитости», а именно: соотношения категорий наблюдения, отчета, свидетельства, факта и способов их эстетической репрезентации. Рот считает, что все свидетельства субъективны, но если личность свидетеля полностью скрыта за способом передачи информации, то такое свидетельство становится случайным, а значит недостоверным.

Романы Рота 1920-х гг. – «Отель Савой» (*Hotel Savoy*, 1924), «Бегство без конца», «Циппер и его отец» (*Zipper und sein Vater*, 1928) близки не только своей проблематикой – они повествуют о людях, вернувшихся с фронтов Первой мировой войны и не способных обрести самих себя в изменившейся реальности, но и тем, что в каждом из них повествование ведется из перспективы рассказчика-свидетеля.

В романе «Отель Савой» (1924) роль рассказчика выполняет герой романа, бывший солдат Габриэль Дан. Он очень пассивен и часто выступает именно как наблюдатель, очевидец событий, чем их участник. Он повествует только о тех событиях, при которых непосредственно присутствует, достаточно часто используя настоящее время. Даже прошлое героя становится частью непосредственно переживаемого настоящего, что особенно

подчеркнуто в первой главе. Многократное использование глаголов чувств и восприятия: «я вижу», «я чувствую на вкус», «я слышу», «я читаю» – создает ощущение одновременности наблюдения и повествования, непосредственности в передаче ощущений. При этом «я» героя-рассказчика достаточно расплывчато и скрывается за разнообразием идентичностей, ни одна из которых не совпадает с его сущностью: «Я вижу солдата, убийцу, почти убитого, воскресшего, заключенного, странника» [8. С. 10]. Как и все герои ранних романов Рота, Дан тщетно пытается понять, кто он такой, констатируя собственный эгоизм, одиночество, безразличие ко всему.

В романах «Бегство без конца» и «Циппер и его отец» Рот использует иной ракурс свидетельства. В них повествование ведется от лица рассказчика, которого зовут Йозеф Рот. В отечественном и зарубежном литературоведении устоялась точка зрения о том, что писатель как историческое и частное лицо не тождествен автору как «субъекту (носителю) сознания, выражением которого является все произведение» [9. С. 174], как и субъектам сознания, выражающим авторскую позицию – рассказчику и повествователю. В романе «Бегство без конца» начиная с предисловия по сути постулируется тождество между рассказчиком и реальным биографическим автором, Йозефом Ротом. Совпадение имени биографического автора и рассказчика – в некотором роде мистификация, проявление игрового начала. Статус рассказчика, действующего под именем биографического автора, делает границы художественного мира романа неустойчивыми, текучими. В то же время это тождество определяет характер романа как подлинного документа, как реального свидетельства.

В романе «Бегство без конца» рассказчик не предстает как личность, обладающая характером и судьбой. Это еще один способ приближения рассказчика к автору. Как утверждает О.Б. Корман, «чем в большей степени субъект речи становится определенной личностью, тем в меньшей степени он выражает авторскую позицию» [9. С. 61–62]. Об истории взаимоотношений героя и рассказчика не говорится, хотя первоначальный вариант романа содержал историю дружбы Тунды и рассказчика.

В целом поведение рассказчика в романе «Бегство без конца» достаточно противоречиво. В начальных главах он не выступает от первого лица, а близок позиции «всезнающего автора», свидетеля

истории послевоенной Европы, как хроникер, внимательный к деталям и склонный к обобщенно-философскому восприятию истории. Рот достаточно вольно обращается с горизонтом знаний рассказчика – ему вполне известно внутреннее состояние героев. В то же время рассказчик склонен объяснять те или иные внутренние состояния героев тем, что они не были индивидуальными проявлениями: так думали и чувствовали все. Чувства к герою романа, Францу Тунде, у его невесты возникли из-за того, что он был героем, уходящим на фронт. Рассказчик – не только друг Тунды, но и историк, рассуждающий о нем как об определенном типе «европейца», «индивидуалиста» и «современного человека» [4. С. 356]. Довольно неожиданно в четвертой главе романа рассказчик начинает повествовать от первого лица, а затем в седьмой главе указывает на неполноту своих сведений о женитьбе Тунды на Але.

Помимо повествования от лица рассказчика, в романе приводятся отрывки дневников и писем героя, которые имеют во многом исповедальный характер. Тунда пытается объяснить самому себе причины своего возвращения в Европу, которое не привело ни к чему. То, что причиной этого решения он считает тоску по покинутой невесте, которую ему напомнила случайно встреченная дама из Парижа, оказывается жестоким самообманом. Тем не менее, судьбоносная встреча с парижанкой в романе представлена и в дневнике Тунды, и в письме к рассказчику. Повтор рассказа об одном и том же событии создает эффект «невыстроенной» композиции, о которой говорится в предисловии. Не только рассказчик, но и Тунда является наблюдателем за нравами послереволюционной России и послевоенной Европы. В письмах Тунды, его дневниках, приводимых в тексте романа речах есть не обусловленные сюжетом отступления, описания тех или иных типов и нравов.

Помимо того, что субъектность рассказчика кажется во многом формальной, в романе не ощущается разделения позиций рассказчика и героя ни в области идеологии, ни в специфической стилистической маркированности речи. На наш взгляд, совпадение имени рассказчика и биографического автора является стратегией представления художественного текста как подлинного документа, и более того, присутствие этого рассказчика позволяет сохранить дистанцию по отношению к герою. Важно то, что рассказчик не является субъектом изложения истории своей собственной жизни, что потребовало бы

более эксплицированного самоанализа. Свидетельство постороннего позволяет сделать внутренний мир героя непрозрачным, сочетать субъективность свидетельства с объективностью внешнего наблюдателя. Вопрос о дистанции по отношению к объекту наблюдения исследуется Ротом в новелле «Богатый дом напротив» (*Das reiche Haus gegenüber*, 1928), хотя рассказчик и не фигурирует в ней под именем биографического автора. В новелле повествуется о том, как рассказчик долго наблюдает за богатым отелем напротив и одним из его пожилых постояльцев, а затем получает письмо от этого, как оказалось, неожиданно умершего жильца, в котором тот благодарит его за сохранение дистанции.

В последовавшем за романом «Бегство без конца» романе «Циппер и его отец» стиль Рота заметно отходит от «новой деловитости». Рота сильнее начинает интересоваться психологический портрет героя, а взаимоотношения отца и сына открывают путь к проблематике поздних романов писателя. Но и в этом романе Роту все еще необходим свидетель, наблюдатель, создающий «отчет» о друге Арнольде Циппере и его отце. В отличие от «Бегства без конца», в этом романе более подробно представлена история взаимоотношений рассказчика и героя и эксплицитно подчеркивается их близость.

В этом романе Рот также использует прием внедрения в романский текст переписки с героем. В целом, роль подобной переписки оказывается в романах Рота очень значимой. Именно в письме к рассказчику Тунда пытается ответить на ключевой вопрос: объяснить смысл своего возвращения в Европу. Роман «Циппер и его отец» заканчивается письмом рассказчика, адресованным Арнольду, в котором тот подводит итог и книги, и судьбы их поколения – поколения «вернувшихся по ошибке» [4. S. 546].

Таким образом, в ранних романах Рота используются повествовательные стратегии, призванные придать им форму подлинного документа, форму свидетельства. Это особенно важно в романах «Бегство без конца» и «Циппер и его отец», где рассказчик действует под именем биографического автора, Йозефа Рота. Влияние «новой деловитости» в ранних романах Рота проявляется в использовании им принципов наблюдения и свидетельства для создания эффекта аутентичности. Для Рота не важна постулируемая «новой деловитостью» «польза», состоящая в информировании

читателя о реальных фактах с помощью документа. Вот почему мы не находим у Рота отрывков газетных репортажей или исторических документов. Однако ранний Рот – художник, ищущий собственный художественный язык, соответствующий духу времени.

Библиографический список

1. Рымарь Т.Н. Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в: Учебное пособие по курсу истории зарубежной литературы XX века для студентов филологического факультета. Самара: Самарский гос. ун-т, кафедра русской и зарубежной литературы, 2013. 53 с.
2. Piscator E. Das politische Theater // Becker S. Neue Sachlichkeit. Bd. 2. Quellen und Dokumente. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Zugl.: Saarbrücken, Univ., 2000. S. 211–213.
3. Брехт Б. О литературе. М.: Художественная литература, 1977. 430 с.
4. Roth J. Die Rebellion. Frühe Romane. Berlin–Weimar: Aufbau Verlag, 1984. 704 S.
5. Roth J. Werke 2. Das journalistische Werk 1924–1928. Frankfurt am Main / Wien: Büchergilde Gutenberg, 1994. 1028 S.
6. Wirtz I. Joseph Roths Fiktionen des Faktischen. Das Feuilleton der zwanziger Jahre und die „Geschichte von der 1002. Nacht“ im historischen Kontext. Berlin: Erich Schmidt, 1997. 311 S.
7. Roth J. Werke 3. Das journalistische Werk 1929–1939. Frankfurt am Main / Wien: Büchergilde Gutenberg, 1994. 1078 S.
8. Рот Й. Отель Савой / Пер. с нем. Г. Генкеля. М.: Ad Marginem, 2012. 128 с.
9. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Предисл. и сост. В.И. Чулкова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.

Сведения об авторе

Дронова Ольга Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики
ТГУ им. Г.Р. Державина
E-mail: oa.dronova2014@yandex.ru

УДК 80:81'23

АРХЕТИПЫ ГРЕЧЕСКИХ БОГИНЬ И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ

А.А. Фомин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается классификация женских архетипов на основе трудов постюнгианцев. Предложенная классификация может быть использована при анализе женских образов в мировой литературе с учетом трудов в области мифопоэтики и сравнительного анализа. Данный подход позволяет расширить методологию гендерных исследований, представляющих в последние годы большой интерес для филологии.

Ключевые слова: гендерные исследования, архетипы, мифология, мифопоэтика, гендерная психология.

Archetypes of the Greek Goddesses and Their Literary Incarnations

Alexej Fomin

The article describes a classification of female archetypes based on the works of post-Jungian writers, which, along with comparative literary studies and research in mythopoetics, can be used to analyze female images in world literature. This approach allows us to further extend the methodology of gender studies which in the recent years have been of high interest for philologists.

Key words: gender studies, archetypes, mythology, poetics, gender psychology.

В последние десятилетия гендерные исследования стали неотъемлемой частью научного дискурса не только в зарубежной, но и в отечественной филологии. Гендерология вошла в научный обиход благодаря исследованиям французских постструктуралистов, таких как Ю. Кристиева, Л. Иригарей, Ж. Деррида, отказавшихся от оппозиции мужского – женского и традиционной иерархии структуры гендерного субъекта. Сформировалась концепция двойной детерминированности, в которой человеческие поступки интерпретируются одновременно в символическом и семиотическом ключе, то есть в условиях постоянного диалога. Эта идея восходит к гуманистической философии М.М. Бахтина, представлению о многоуровневости и сложности любого высказывания, в том числе и с учетом гендерной специфики.

Об интересе к данной проблематике свидетельствуют многочисленные статьи и монографии (например, статьи Н.И. Абубикировой «Что такое “гендер”?», Н.Л. Пушкаревой «Феномен “женского чтения” и задачи исследования текстов, написанных

женщинами», К. Скокова («Женское» мышление в «мужской культуре»)), конференции и круглые столы, посвященные проблемам гендерологии: «Инновации в женском творчестве», «Женщина и художественное новаторство в России» (организатор конференции А. Альчук), «Женщина и творчество» (программа Н. Габриэлян) [1; 2; 3].

Очевидно, что истоки гендерной поэтики можно найти еще в «Диалогах» Платона, поэзии Сапфо. Такие классики отечественного литературоведения, как А.Ф. Лосев и О.М. Фрейденберг, выделяют более раннюю стадию «архаической гендерной поэтики», в которой отражается «женский характер культа»: зачинателем хора становится плакальщица, ведунья, поэтесса [4. С. 119].

Важнейшим источником для сопоставлений традиционно считаются пантеоны богов, каждый из которых олицетворяет собой определенный культурный тип, имеющий определенные гендерные характеристики. В этой связи наиболее продуктивными являются классические для философии К.Г. Юнга понятия Анимы и Анимуса, важные для толкования специфических характеристик мужской и женской психологии, актуальных и для интерпретации художественных текстов [5]. Идея о наличии бессознательных образов получила свое развитие и в трудах постюнгианцев, в частности Джессики и Роджера Вулджеров, Галины Бедненко.

Большой вклад в разработку классификации женских образов, построенной на основе греческой мифологии, внесла Джин Болен [6]. Американская ученая-психоаналитик отказывается от оппозиций психотипов (экстраверты – интроверты) и типов восприятия (рационального или чувственного). По мнению исследовательницы, в каждом человеке могут «проявляться» разные архетипы, хотя чаще всего речь идет о сочетании двух или трех из них. При этом Дж. Болен настаивает, что все модели нестабильны и динамичны, а новый архетип развивается в почти любом возрасте, особенно у представительниц прекрасной половины человечества. Остановимся подробнее на классификации Дж. Болен, которая выделяет восемь основных ролевых архетипов [6. Р. 12].

По мнению ученой, последовательность преобладания архетипов может быть связана с личностным развитием, физиологическими изменениями и новыми этапами в жизни женщины (мужчина проходит путь от «сына» до «отца», женщина движется по пути Дева – Женщина – Старуха). Эта мысль актуальна и

для современного мира: героини книг и фильмов, создательницы блогов и текстов в соцсетях испытывают жизненную потребность в постоянной смене социальных ролей: на работе и дома, с мужчинами и детьми, коллегами и подругами женщины бывают совершенно разными. Объяснить это можно чередованием различных архетипов, с которыми ассоциирует себя женщина.

В зависимости от восприятия мира, а также предпочитаемых ролей и побуждений исследовательница разделяет богинь греческого пантеона на несколько групп, в зависимости от свойств и отношений с другими членами мифологической системы. Это «уязвимые» богини, «богини-девственницы» и «алхимические богини».

Согласно классификации Болен, к числу «уязвимых» относятся богини, которые могут что-то утратить / потерять: богиня брака Гера, богиня плодородия Деметра и повелительница подземного мира Персефона. Каждая из них олицетворяет традиционные женские роли: жены (Гера), матери (Деметра) и дочери (Персефона). Для этой группы архетипов характерны установка на связь с богом-избранником, зависимость от него, несамостоятельность. В мифах об этих богинях встречаются насилие, похищение, обман, разные формы страдания и как следствие – ответная месть.

Архетип Геры базируется на «синдроме Медеи». Будучи преданной или брошенной мужем, такая героиня (наделенная первоначально самыми яркими положительными чертами – верностью, преданностью семье) готова пойти на все, чтоб отомстить обидчику. Миф о Мееде, в любом его пересказе, прекрасно передает сущность героини, созданной по архетипу Геры. После предательства Медеи посвящает свою жизнь мести Ясону, но убивает не его, а свою соперницу и собственных детей. Медея и Гера – не единственный пример мстительной героини, несущей разрушение и смерть. Одним из убедительных примеров может стать цикл германо-скандинавской мифологии, посвященный мести Кримхильды, в частности его эпическая переработка «Песнь о Нибелунгах». Созданные в поэме женские образы до сегодняшнего времени глубоко волнуют специалистов в области гендерологии [7. С. 8–16].

Примечательно, что все героини песни имеют в своей основе единый архетип. Она может иметь огромную физическую силу (как в случае с Брюнхильдой), может отличаться только особыми душевными качествами: упорством в достижении цели, хитроумием, негибкостью

и силой духа, побуждающими ее к точно рассчитанным действиям, не зависящим ни от каких препятствий – будь то гибель людей, убийство своих детей или собственная смерть. Похожий образ «мстительницы» можно найти и в древнерусской литературе. Это княгиня Ольга, героиня «Повести временных лет», которая не пожалела ни одного древлянина при осуществлении мести за смерть мужа.

В современной литературе этот архетип представлен в большом корпусе текстов, начиная со знаменитой драмы К. Вольф «Медея», посвященной судьбе послевоенной Германии, заканчивая произведениями, рассчитанными на более широкого читателя, например, романом Л. Улицкой «Медея и ее дети».

К группе богинь-девственниц Болен справедливо относит Артемиду, богиню охоты и Луны, Афину, богиню мудрости и ремесел, и Гестию, богиню домашнего очага и храма. Все они отражают такие характеристики, как свободу от родственных связей, самостоятельность и независимость.

Артемиды и Афина представляют собой архетипы, которые направлены на внешний мир. Они ориентируются на свершения, поэтому их главными качествами выступают логическое мышление и целеустремленность. Гестия же представляет архетип, внимание которого направлено вовнутрь, в духовный центр. Такой тип героини ориентирован на реализацию собственной воли, верность самостоятельно выбранной цели. Являясь противоположностью первого архетипа, для этой группы героинь характерна мифологема недостижимости (для других богов / героев), невозможности быть уязвленной другими. Такой архетип часто встречается среди «светлых» шекспировских героинь: Джульетта, Корделия, Дездемона. Другим ярким примером можно считать образ орлеанской девы – Жанны д'Арк.

Данный архетип предполагает, что некая часть героини пребывает в состоянии девственности, причем речь идет не о физической составляющей этого понятия. Эта часть связана с чистотой, неразвращенностью, неподкупностью и целомудрием. Артемиды, Афина и Гестия – богини «неоскверненные»: они не выходили замуж, их не соблазняли, не насиловали, не похищали. Только они (среди всех богов и смертных) остались неподвластны силе Афродиты и потому остались недостижимы для любовных связей.

В современной культуре к этому архетипу, типологически близкому богине Артемиде, могут быть отнесены героини,

стремящиеся преуспеть в общественной жизни: успешные политики, руководители, спортсменки, феминистки, для которых важны самореализация и успех (работы У. Майнхоф, Б. Фридан, А. Дэвис).

В отличие от Артемиды, для богини мудрости Афины важно стремление к «равенству» с сильными богами / героями. В основе модели стремление к власти и влиянию, зрелость, победа разума над страстью. Этот архетип можно распознать в героинях трагедий эпохи классицизма (Инфанта из «Сида» Корнеля, расиновская Федра, Диана де Бельфлер из комедии Лопе де Вега «Собака на сене»).

Гестию исследовательница называет старшей из богинь-девственниц. В отличие от Афины и Артемиды ее стратегию в общении с маскулинным миром можно охарактеризовать как «отчуждение». Хранительница домашнего очага Гестия просто избегает мужского внимания и старается не вызывать интерес. Эта зрелая и самостоятельная героиня осознает, чего она хочет. Она глубоко погружена в себя, незаметна, одинока, несчастна. Гестия – архетип интроверсии, внимания, направленного в духовный центр личности. Такие героини часто встречаются в прозе признанных писательниц XX столетия, таких как В. Вульф, Ф. Саган, А. Мердок, И. Бахман.

Завершает триаду последний элемент в классификации, ее диалектическая вершина – «алхимическая богиня», архетип Афродиты, олицетворяющей любовь и красоту. Уникальность этого архетипа в том, что для Афродиты характерны черты как «девственных», так и «уязвимых» богинь. Независимость героини позволяет ей самостоятельно принимать решения относительно собственного будущего и своих отношений с другими, привязанности не обрекают ее на страдания, свойственные Гере, Деметре и Персефоне. Любой ее выбор основан на желаниях, ее цель – радость. Самым известным воплощением данного архетипа является Елена Прекрасная. Примечательно, что в «Илиаде» Гомера отсутствует ее прямое описание. Она лишь упоминается как «прекрасная», а о ее силе свидетельствует то, что все события связаны именно с ней. Гармоническая завершенность образа превращает его в идеал: Беатриче, Лауру. Алхимический женский архетип положен в основу всех рыцарских романов циклов, произведений романтиков и символистов. Одним из свойств этого типа героинь является то, что они и есть сама цель, смысл поиска и познания. «Вечно женское», воспетое Гете во второй части «Фауста», можно интерпретировать

как философскую расшифровку данного образа. В русской литературе это Наташа Ростова, Лариса из «Доктора Живаго», Маргарита из романа М. Булгакова.

Любая типология всегда грешит обобщениями и приближениями. Очевидно, что нельзя рассматривать предложенную классификацию как базовую для всей системы женских культурных образов. Однако если рассматривать ее как инвариантную, можно найти много связей и параллелей в структуре художественных образов разных эпох, литературных направлений, интересных и для исследователей гендерной психологии. Проблема представляется междисциплинарной и перспективной, так как позволяет выйти за рамки традиционного литературоведческого анализа, посмотреть на известный материал с новых позиций.

Библиографический список

1. Абубикирова Н.И. Что такое «гендер»? // Общество, науки и современность. 1996. № 6. С. 123–125.
2. Пушкарева Н.Л. Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы междунар. науч. конф. Иваново, 2000. С. 76–84.
3. Скоков К. «Женское» мышление в «мужской культуре» // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 103–117.
4. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
5. Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного // Психология бессознательного. М., 1996. С. 165–184.
6. Bolen J. Goddesses in Everywoman. San Francisco: Harper&Row, 1984. 368 p.
7. Песнь о Нибелунгах. Л.: Наука, 1972. 344 с.

Сведения об авторе

Фомин Алексей Алексеевич
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: particolare@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 004:378.147:811

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО И ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В НГЛУ НА ПЛАТФОРМЕ MOODLE

Д.Ю. Акатьев, Г.В. Курицына

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности реализации электронного и дистанционного обучения в лингвистическом вузе. Исследуется целесообразность использования различных ресурсов платформы дистанционного обучения *Moodle*. Предлагаются методы повышения эффективности применения дистанционных образовательных технологий в вузе.

Ключевые слова: электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, информационно-образовательная среда, платформа дистанционного обучения, Moodle.

Organizing Electronic and Distance Learning at LUNN via the Moodle Platform Dmitry Akatiev, Galina Kuritsyna

The article examines the specifics of organizing electronic and distance learning in a linguistic university, providing research into advisability of the Moodle platform and offering methods of enhancing the effectiveness of distance educational technologies in higher education.

Key words: electronic learning, distance educational technologies, Information and educational environment, distance learning platform, Moodle.

Развитие образования на современном этапе сопровождается включением в процесс обучения широкого спектра информационных образовательных ресурсов, формированием информационно-образовательной среды. Информационно-образовательная среда (ИОС) образовательного учреждения определяется учеными и

специалистами в области образования как новая сущность интеграции образовательной и информационной сред; системно организованная совокупность информационного, технического и учебно-методического обеспечения, неразрывно связанная с человеком как субъектом образовательного пространства [1; 2].

Лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова на протяжении многих лет является передовым вузом в области применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обучении. С 2007 года началось создание электронных дистанционных курсов, размещаемых на платформе дистанционного обучения НГЛУ (программная разработка С.М. Кашаева). К этому же периоду относится и развитие электронных библиотечных ресурсов, уникальная разработка системы электронного деканата, позволяющая составлять электронное расписание, автоматизировать документооборот.

В настоящее время структура единой информационно-образовательной среды НГЛУ состоит из следующих взаимосвязанных компонентов:

- сайт вуза (размещение информации об основных образовательных программах, реализуемых в вузе, нормативных документов, расписания, новостей);
- платформа дистанционного обучения, содержащая электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК) по различным дисциплинам; средства коммуникации (форумы, видеоконференции);
- электронная библиотека;
- компьютерная поддержка образовательных программ (специальные программы обучения языкам, тренажеры, размещенные в компьютерных классах).

С 2011 года в качестве платформы для организации электронного обучения и применения в учебном процессе дистанционных образовательных технологий (ДОТ) используется универсальная система дистанционного обучения *Moodle* (модульная объектно-ориентированная динамическая среда обучения). Благодаря открытости исходного кода платформы программисты вуза могут настраивать программные ресурсы в соответствии со спецификой обучения, добавлять функциональные модули.

Технологически платформа *Moodle* обеспечивает возможность организации гибкого процесса сетевого обучения, отвечающего специфике лингвистического вуза. Использование ресурсов *Moodle* позволяет решать следующие задачи:

- проводить аутентификацию и авторизацию пользователей;
- размещать электронные учебно-методические материалы, включая специфические виды контента (веб-страницы, аудио-, видеофайлы, тесты различных видов с автоматической проверкой);
- организовывать коммуникацию между пользователями;
- проверять работы учащихся на плагиат;
- проводить опросы и анкетирование;
- вести портфолио учащихся;
- учитывать компетенции при выполнении заданий;
- передавать результаты обучения во внешние системы управления обучением;
- взаимодействовать с мобильными пользователями системы.

Ресурсы платформы *Moodle* обладают высоким дидактическим потенциалом, мощным набором лично ориентированных инструментов. Электронное (*eLearning*) и дистанционного обучения (ДО) – это прежде всего новая модель учебного процесса, а не перенос на дистанционную платформу привычных практик. По мнению Е.С. Полат, для того чтобы учебный процесс в сети был эффективен, необходимо не только обеспечить научно обоснованное, дидактически организованное проектирование системы средств обучения, используя возможности информационных ресурсов и услуг сети «Интернет», но и разработать специфичную, интерактивную организацию учебного процесса, методы и технологии обучения [3].

В настоящее время в НГЛУ разработано более двухсот активных дистанционных курсов, предназначенных для студентов различных форм обучения – дневной, очно-заочной, заочной. В создании дистанционных курсов участвуют преподаватели всех кафедр вуза. Принятая в вузе структура построения дистанционных курсов соответствует модульному принципу. По мнению ученых – специалистов в области ДО (А.А. Андреев, В.И. Солдаткин), это позволяет из набора логически взаимосвязанных тематических блоков формировать целостный курс, отвечающий индивидуальным или

групповым потребностям [4]. На одном из заседаний Ученого совета НГЛУ были приняты рекомендации к структуре электронных курсов, учитывающие особенности преподавания различных дисциплин: теоретических, практических языковых, дисциплин по информатике.

Электронный курс по теоретическим дисциплинам включает следующие элементы:

- аннотация (постановка целей, задач, требования к качеству выполнения работ, критерии оценки результатов);
- электронные лекции, содержащие текстовую и иллюстративную информацию, ссылки на источники;
- темы семинарских занятий, включая вопросы, рекомендации к составлению сообщений, литературу;
- задания по темам, примеры выполнения контрольных заданий;
- приложения: материалы для углубленного изучения;
- тестовые задания;
- форум для проведения семинаров и консультаций.

Одним из наиболее полных дистанционных курсов является разработка преподавателя кафедры истории, регионоведения и журналистики А.М. Браговой (см. рис. 1). Электронный курс по дисциплине «Древние языки и культуры» состоит из 20 тем, содержащих теоретическую часть, библиографический список, тестовое задание. Выполнение теста позволяет студентам сразу видеть результат усвоения материала, а преподавателю – оценить уровень подготовки обучающихся, их активность, скорректировать подачу учебного материала. Некоторые темы содержат домашние задания, форум для консультаций.

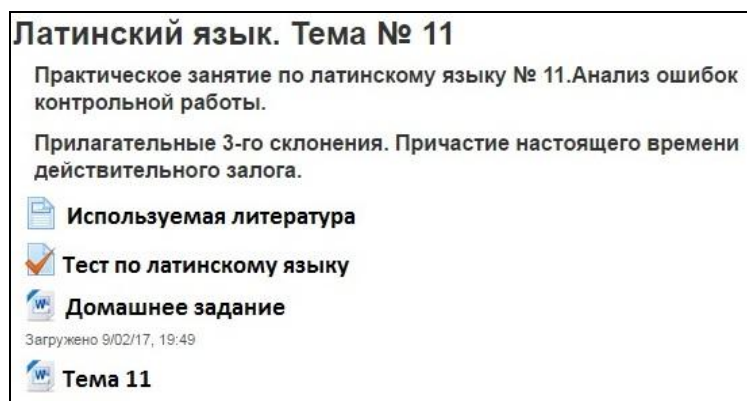

Рис. 1. Фрагмент дистанционного курса «Древние языки и культуры»

Одними из первых начали успешно применять технологии дистанционного обучения преподаватели кафедр математики и информатики, теории и практики немецкого языка и перевода, педагогики и психологии. В настоящее время наибольшее количество дистанционных курсов НГЛУ разработано по практическим языковым дисциплинам. Преподаватели используют в своих курсах аудиозаписи, обучающие видеоролики, видеолекции, различные виды тестовых заданий. Примером активного использования возможностей ресурсов *Moodle* являются разработки кафедры основ английского языка. Все преподаватели кафедры создали дистанционные курсы по своим дисциплинам. Электронные учебные материалы выполнены творчески, разнообразны по своему содержанию, хорошо проиллюстрированы. На этих курсах отмечается высокая активность студентов. На рис. 2 показан фрагмент дистанционного курса А.М. Гороховой «Практический курс первого иностранного языка».

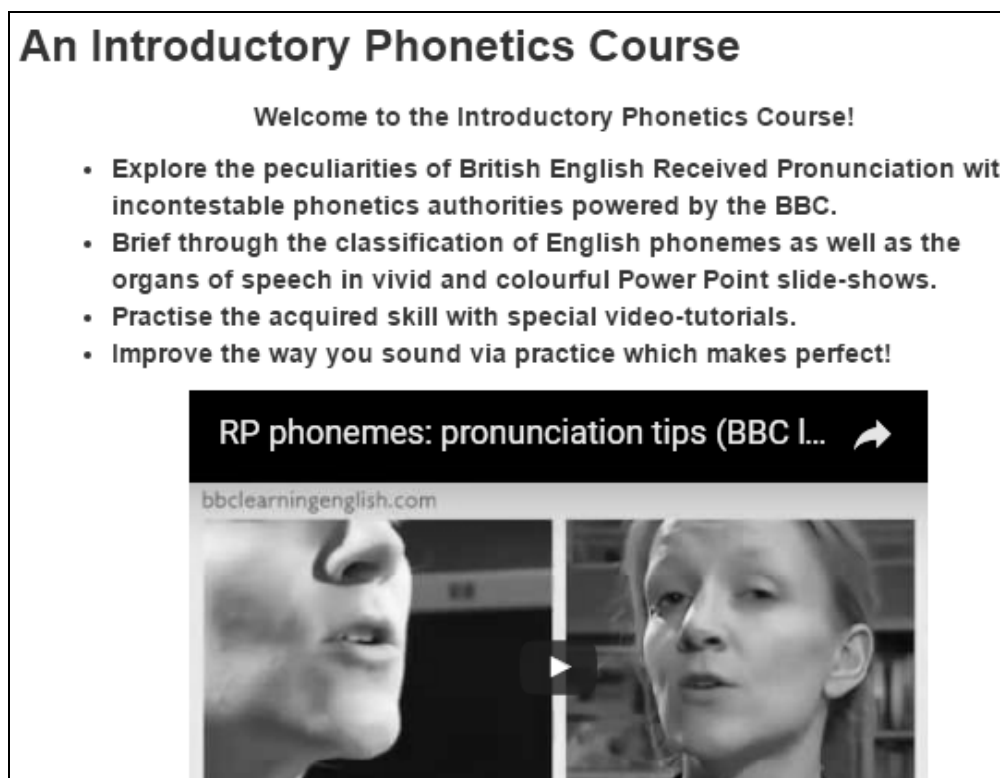

Рис. 2. Фрагмент дистанционного курса А.М. Гороховой

Известно, что изучение языковых дисциплин теоретического цикла вызывает немало трудностей. Выбрав одно из лингвистических направлений, студенты НГЛУ понимают, что язык – чрезвычайно сложное явление и его освоение сопровождается изучением целого ряда наук, таких как лексикология, теоретическая грамматика, стилистика иностранного языка. Своеобразным откликом на данную ситуацию стали разработки преподавателей кафедры английской филологии – электронные курсы созданы по всем дисциплинам кафедры. Каждый из курсов дает студенту возможность неоднократно проработать теоретический материал, выполнить по ходу подготовки тестовые задания. Применение тестов позволяет преподавателю вести постоянный мониторинг процесса усвоения студентами теоретических основ изучаемых языков.

К сожалению, еще не все ресурсы *Moodle* являются востребованными. Преподаватели не часто используют глоссарии, вебинары, разнообразные виды тестовых вопросов, ограничиваясь формой «множественный выбор». В данной ситуации первопроходцами выступили студенты магистерских программ. Так, студенты направления подготовки «Педагогическое образование» магистерской программы «Иностранный язык» разработали в своих учебных курсах автосвязываемые глоссарии. На рис. 3 показан пример нового вида тестового вопроса с интерактивным переносом ответов на изображение. Задание («Расставьте названия городов на карте Новой Зеландии») разработано студенткой Е.А. Щербининой в рамках изучения дисциплины «Современные технологии в образовании» (преподаватель – Г.В. Курицына).

Наиболее эффективным должно стать применение ДОТ на отделении заочного и очно-заочного обучения НГЛУ. Это связано прежде всего с увеличением доли самостоятельной работы студентов и с необходимостью обеспечить условия качественного обучения. Поэтому при создании дистанционных курсов требуется более подробное представление электронных учебных материалов, организация взаимосвязи с обучающимися, планомерное распределение самостоятельной работы в межсессионный период. В перспективе на заочном обучении некоторые дисциплины

необходимо переводить в дистанционный режим, постепенно переходя от заочной формы к дистанционной.

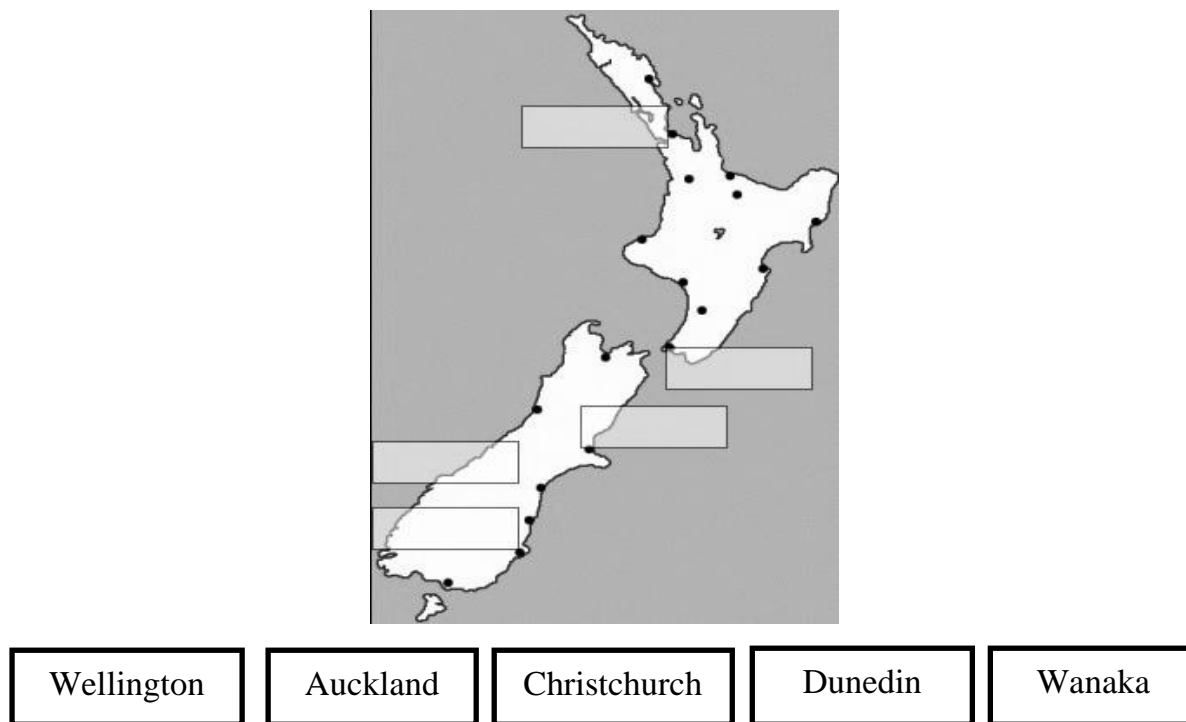

Рис. 3. Тестовый вопрос в системе *Moodle*

Перед началом проведения дистанционного курса целесообразно выявить исходный уровень компетенции студентов, уровень самооценки обучающихся. Для каждого курса необходимо разработать пошаговую инструкцию для студентов, выбрать инструменты для сбора данных об их индивидуальной подготовленности. Во время прохождения курса необходимо определить отношение обучающихся к качеству учебных материалов и организации курса, оценить эффективность взаимодействия участников сетевого обучения: преподавателя и студентов, одногруппников между собой. Организовать это позволяет встроенная *Анкета* курса *Moodle*, а также *Форум*, на котором обучающиеся не только отвечают на вопросы преподавателя, но и участвуют в дискуссии учебной группы. Понять и оценить степень мотивации студента, динамику самооценки поможет *Журнал самооценки*, который студенты ведут при изучении курса.

Все вышеперечисленные компоненты педагогического процесса являются цепочками технологии оценки качества обучения, разработанной в рамках проводимого в НГЛУ исследования по разработке модели оценки качества в вузе.

Опыт разработки технологии оценки качества обучения показывает, что теоретическими основами для объективной диагностики качества ДО являются компетентностный, таксономический и квалитетрический подходы. «Компетентностный подход создает ориентацию на формирование компетенций, требуемых образовательным стандартом, и, соответственно, на выявление их сформированности на каждой ступени обучения при изучении разных учебных дисциплин. Таксономический подход позволяет определить уровни познавательных целей обучения и структурировать систему оценочных заданий» [5].

Примерами наиболее полных дистанционных курсов, соответствующих специфике заочного и очно-заочного обучения, являются «Систематизирующий курс фонетики» (преподаватель – Н.В. Литонина), «Информатика» (Г.В. Курицына, Н.Д. Чикова), Математика (В.А. Никольская), «Практический курс первого иностранного языка» (Л.В. Вилкова). Последовательность и содержание совместной работы преподавателя и студентов в межсессионный период показаны на схеме (см. рис 4).

<p><u>Вводная часть</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • Приветствие, вводное слово. • Аннотация курса, методические рекомендации по работе с материалами курса. • Вводное задание.	<p><u>Работа студента</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • Изучение учебных материалов. • Выполнение заданий. • Обсуждение работы в форуме группы. • Самооценка.	<p><u>Работа преподавателя</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • Оценка начального уровня знаний. • Анализ выполнения работ. • Корректировка заданий с учетом индивидуальных особенностей.
---	--	---

Рис 4. Последовательность и содержание работы в межсессионный период

Учитывая ограниченность времени пребывания студентов на сессии, необходимо увеличить частоту проверки знаний, уделяя

особенное внимание текущему контролю. В связи с этим нельзя не отметить работу преподавателя кафедры английской филологии Е.Г. Ножевниковой, создавшей для студентов заочной формы обучения систему проверочных тестовых заданий по дисциплине «Теоретическая фонетика». В задания включены разнообразные виды тестовых вопросов, что позволяет сделать контроль более интересным и качественным.

Важным этапом разработки дистанционного курса является оценка его качества, которая должна проводиться разносторонне и включать оценку экспертов (заведующий кафедрой, декан, Учебное управление), анкетирование обучающихся, мнение коллег.

Широкое применение электронного обучения не может проходить без развития информационной культуры участников процесса обучения: студентов, преподавателей, администрации вуза. В НГЛУ функционируют ступенчатые курсы повышения квалификации преподавателей в области информационной компетенции – от работы с офисными компьютерными программами до создания дистанционных курсов.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что целенаправленная работа по развитию ИОС вуза позволяет реализовать такие преимущества дистанционного обучения, как открытость, интерактивность, доступность, индивидуализация обучения. Для повышения эффективности электронного и дистанционного обучения необходимо выполнение следующих рекомендаций:

– специальная подготовка всех участников образовательного процесса (преподавателей, студентов, представителей администрации вуза) к работе в дистанционной среде;

– уточнение критериев оценки качества электронного дистанционного курса, отражение данных критериев во внутренних нормативных документах вуза;

– формирование базы цифровых учебно-методических ресурсов и базы контрольно-измерительных материалов;

– проведение конференций, мастер-классов по обмену опытом преподавания с использованием ИКТ;

– создание в НГЛУ структуры по развитию электронного и дистанционного обучения.

Выполнение этих условий позволит повысить мотивацию к обучению за счет применения ИКТ, поднять престиж вуза, расширить контингент студентов за счет привлечения к обучению граждан из отдаленных районов России, обеспечит возможность полноценного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Библиографический список

1. Скибицкий Э.Г. Информационно-образовательная среда вуза: цель или средство в обеспечении качества образования? // Электронный ресурс Интернет: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/06_2009/06.pdf.
2. Беляев Г.Ю. Педагогическая характеристика образовательной среды в различных типах образовательных учреждений: Автореферат дис. ... канд. пед. наук // Электронный ресурс Интернет: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2000/Belyaev_G_Yu_2000.pdf.
3. Полат Е.С. Дистанционное обучение // Электронный ресурс Интернет: <http://gigabaza.ru/doc/101024.html>.
4. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация // Электронный ресурс Интернет: http://www.ict.edu.ru/ft/003823/book_3.pdf.
5. Курицына Г.В., Дмитриева Е.Н. Содержание оценки качества дистанционного обучения в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. С. 544–544.

Сведения об авторах

Акатьев Дмитрий Юрьевич
кандидат технических наук, доцент,
заведующий кафедрой математики и информатики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: akatjev@lunn.ru

Курицына Галина Викторовна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры математики и информатики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kurizina@lunn.ru

УДК 811:378.147

ПРОЦЕССНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНИВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БАКАЛАВРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

А.О. Андрух, Г.В. Сороковых

*Московский городской педагогический университет, Москва
Московский политехнический университет, Москва*

Статья посвящена разработке процедур оценивания иноязычной речевой компетенции бакалавра экономического профиля в категориях системы менеджмента качества и процессного подхода. Показана необходимость оценивания не только конечного результата освоения иностранного языка, но и процесса изучения предмета. Предложен перечень основных процедур в процессе оценивания результатов освоения речевой компетенции. Отмечено, что мониторинг процесса обучения предоставляет педагогу возможность выявить причины низкой успеваемости обучающихся, разработать и внедрить ряд педагогических мер, которые существенно повышают вероятность выполнения требований образовательных стандартов.

Ключевые слова: процессный подход к оцениванию компетенции, качество иноязычного образования, модель оценивания, мониторинг, качество иноязычной речевой компетенции.

A Process Approach to Evaluating Foreign Language Speaking Competences of Economics Majors

Alina Andruk, Galina Sorokovykh

The article looks at the development of assessment processes for evaluating foreign language competences of students, enrolled in a Bachelor's program in Economics, through the lens of "the quality management system" and "process approach." It demonstrates the necessity of assessment throughout the process of learning a foreign language, not just for evaluating its final results, and offers a list of basic processes for assessing the success in mastering foreign language competences. The authors suggest that monitoring of the learning process enables teachers to identify the reasons of students' low academic performance as well as to develop and to implement a number of pedagogical measures which significantly increase the probability of students' meeting the requirements of the existing educational standards.

Key words: process approach to assessment of a competence, quality of foreign language education, assessment model, monitoring, quality of foreign language communicative competences.

Традиционно при контроле качества образования первостепенное внимание отводилось уровню итогового достижения, что, на наш взгляд, приводит к тому, что главным остается обнаружение несоответствия результата обучения на конечном этапе (экзамен,

зачет) планируемыми целям. При этом причина неуспешности обученности в процессе подведения итогов достоверно не определяется, чаще всего констатируется, что такое-то количество студентов (в процентном отношении) получили высокие или низкие показатели обучения, а выявление причин на промежуточных этапах контроля, разработка индивидуальных сопроводительных дидактических средств, устранение методических проблем не осуществлялись.

Очевидно, что изменились методологические основы системы оценивания достижения требований стандарта к результатам образования: критериальной основой контрольной процедуры становятся результаты деятельности по реализации и освоению основной образовательной программы не только с позиций обучающихся, но и на уровне педагогов и образовательных организаций. Чтобы определить, в чем же сущностная характеристика понятий «качество оценивания обученности», «качество оценивания речевой компетенции», необходимо выявить суть данного термина применительно ко всей системе образования. В этой связи рассмотрим некоторые трактовки.

Е.В. Яковлев трактует понятие «качество образования» как социальную категорию, определяющую состояние и результативность процесса образования, его соответствие потребностям и ожиданиям общества в развитии и формировании гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности [1], что синтезирует экономический (состояние, результативность процесса, соответствие потребностям и ожиданиям), а также педагогический подход (профессиональные компетенции личности).

В словаре понятий и терминов по законодательству Российской Федерации об образовании В.М. Полонский дает следующее определение: «Качество образования выпускников – определенный уровень знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники образовательного учреждения в соответствии с планируемыми целями обучения и воспитания» [2]. На наш взгляд, речь идет о результатах образования, или образованности личности.

В исследованиях за последнее время качество иноязычного образования представлено как «совокупность компетенций,

представляющих собой многоплановые и многоструктурные характеристики, оценка и оценивание которых не могут быть в полной мере стандартизированы» [3. С. 51], «как результат образовательного процесса в вузе, показателем которого выступает качество подготовки выпускника» [4. С. 27].

Б.А. Жигалев отмечает, что в русле Болонского процесса в соответствии с принципами университетской автономии ответственность за обеспечение качества высшего образования в первую очередь возлагается на сами учебные заведения и, таким образом, создается база для реальной ответственности вуза за качество профессионального образования [5].

В публикациях отечественных авторов термин «качество образования» в зависимости от цели исследования рассматривается как с позиции объекта, так и с позиции процесса и его результата [6; 7; 8]. Например, качество образования определяют как систему, соответствующую принятой доктрине образования, основным требованиям, социальным нормам (стандартам), а качество образовательной системы – как единство целей и содержания, развернутое в форме программ обучения, эффективного преподавания, средств и способов (образовательных технологий) достижения целей, а также способность органов управления образованием и непосредственных производителей образовательных услуг удовлетворить установленные или предполагаемые потребности общества, отдельных социальных групп и граждан в получении образования и / или приобретении профессиональной компетентности. Считаем, что **качество оценивания** иноязычной речевой компетенции целесообразно определить как *интегральное свойство*, обуславливающее способность педагогической системы удовлетворять существующим и потенциальным потребностям личности и общества, государственным образовательным стандартам высшего образования по профилю «Экономика».

Известно, что системообразующей составляющей стандарта стали требования к результатам освоения основных образовательных программ, представляющие собой конкретизированные цели образования. Изменилось представление об образовательных результатах: стандарт ориентируется не только на предметные, как

это было раньше, но на метапредметные и личностные результаты. Концепция качества связана с контекстуальными установочными параметрами образовательной модели обучения иностранному языку для специальных целей, с институциональными целями и задачами, а также с определенными стандартами данной системы, типами образовательных организаций.

В результате применения такого подхода нет уверенности в том, что не будет повторения методических промахов в обучении студентов, поскольку в образовательных стандартах требования к процессу и методике преподавания не сформулированы, вуз вправе самостоятельно определять способы и средства достижения результатов обучения. Для обнаружения и устранения действительной причины появления некачественных результатов необходимо рассматривать и изучать весь процесс профессионального иноязычного образования, не только разрабатывать конечный диагностический инструментарий, но и иметь соответствующие измерительные средства на каждом дидактическом цикле обучения.

Результативность сформированности речевой компетенции бакалавра по профилю «Экономика» определяется через сопоставление плановых и фактических значений характеристик процесса и конечного итога. Набор таких характеристик, используемых для качественного оценивания речевой компетенции, определяется требованиями, установленными в программах подготовки бакалавра указанного профиля. Новый импульс в совершенствовании оценивания качества объектов обусловлен развитием систем менеджмента качества и процессного подхода.

Первоначальное использование процессного подхода (начало XX века) связывается с именем А. Файоля – основоположника школы административного менеджмента. Однако широкое распространение этот подход получил лишь в конце XX века, когда доминировавший до этого времени функциональный подход к управлению качеством полностью утратил свое прогрессивное значение.

На основе обобщения мирового опыта по обеспечению качества объектов Международной организацией по стандартизации (*ISO / ИСО*) были разработаны стандарты серии *ISO 9000* на системы

менеджмента качества (СМК), одним из основополагающих принципов которых стал процессный подход. Процессный подход является одним из базовых принципов СМК. По определению [9] процесс – это совокупность взаимосвязанных и (или) взаимодействующих видов деятельности, использующих входы для получения намеченного результата (выхода). Система менеджмента качества и процессный подход предполагают активное использование таких понятий, как вход, преобразование, выход (результат деятельности), предупреждающие и корректирующие мероприятия, результативность, эффективность, мониторинг, измерение, анализ, обеспечение качества, которые позволяют по-новому организовать процесс формирования и оценивания речевой компетенции.

К основным процессам оценивания результатов освоения иноязычной речевой компетенции относятся: 1) актуализация (разработка) рабочих программ дисциплин «Иностранный язык», «Деловой иностранный» по направлению подготовки «Экономика» в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) высшего образования (ВО); 2) обоснование форм и приемов оценивания (контроля) иноязычной речевой компетенции во всех видах речевой деятельности; 3) обоснование шкалы оценивания; 4) разработка модели и критериев оценивания; 5) разработка контрольно-измерительных материалов и сценариев оценивания; 6) описание критериев оценивания уровня освоения иноязычной речевой компетенции; 7) описание процедуры оценивания иноязычной речевой компетенции; 8) обеспечение процедуры оценивания необходимыми методическими материалами, техническими средствами и иными ресурсами; 9) информирование обучаемых о правилах и порядке оценивания; 10) проведение процедуры оценивания иноязычной речевой компетенции бакалавра; 11) анализ результатов, рефлексия и саморефлексия; 12) разработка корректирующих и предупреждающих действий.

Процессы 1–9 являются «входом» процедуры оценивания; процесс 10 – «преобразованием» входа в выход; процесс 11 – «выходом», результатом процедуры; 12 – управленческими действиями преподавателей для максимального достижения поставленных учебных целей. В системе менеджмента качества

разработка корректирующих и предупреждающих действий (процесс 12) является основой для улучшения образовательного процесса в дальнейшем. Информация, полученная по итогам текущего и рубежного оценивания, позволяет устранять разрыв между реальными и желаемыми результатами; результаты итогового оценивания дают основания для обеспечения необходимого результата в новом образовательном цикле. Следует также учитывать, что реализация процессов 3–8 существенно изменяется в зависимости от видов оценивания.

Для того чтобы понять, как изменяется уровень сформированности речевой компетенции бакалавров, необходимо обосновать применяемые виды оценивания. Выше отмечалось, что итоговое оценивание является только констатацией факта обученности бакалавров, но если поставленные учебные цели не достигнуты, не остается никаких шансов на исправление ситуации – резерв времени для корректирующих мероприятий отсутствует. Совсем другое дело – система оценивания, включающая входное, промежуточное, рубежное и итоговое оценивание.

Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. (ред. от 3 июля 2016 г.) предоставляет образовательным организациям возможность самостоятельно устанавливать правила и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся (ст. 28). Следовательно, для процедуры оценивания речевой компетенции студенты экономического профиля могут использовать не только традиционную малоинформативную четырехбалльную шкалу (неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо, отлично), но и широкие шкалы. Оценка речевой компетенции бакалавров по 10-балльной шкале позволит провести более объективную градацию достижений бакалавров, указать на слабые места в их подготовке, облегчит педагогам формирование плана действий. Такую шкалу рекомендуется применять при оценивании результатов обучения по итогам изучения тем, разделов, дисциплин, поскольку в данных случаях речь идет о проверке интегральных результатов обучения.

Модель оценивания позволяет преподавателю в соответствии со структурой речевой компетенции спроектировать способы и средства,

позволяющие на основе оценивания таких аспектов, как говорение, аудирование, чтение и письмо, делать объективный вывод об уровне сформированности речевой компетенции в целом.

Критерии оценивания, представляющие собой характеристику соотношения результатов обучения (учебных достижений) бакалавров с эталонными значениями измерительной шкалы, должны обеспечивать ясность и простоту проведения процедуры оценивания.

Практика преподавания в неязыковом вузе показывает, что сложной задачей является разработка контрольно-измерительных материалов (КИМ) оценивания речевой компетенции студентов экономического профиля в целом или ее составляющих с учетом зависимости от вида оценивания.

Тематика КИМ должна быть строго ориентирована на виды профессиональной экономической деятельности, представленные в ФГОС по направлению подготовки 38.03.01 – Экономика [10], к которым относятся следующие виды деятельности: расчетно-экономическая, аналитическая, научно-исследовательская, организационно-управленческая, педагогическая, учетная, расчетно-финансовая, банковская, страховая. Таким образом, содержание учебных материалов по иностранному языку и соответствующие КИМ должны быть ориентированы на лексику, посвященную типовой финансово-отчетной информации предприятия, позволяющую активно использовать такие категории, как баланс, актив, пассив, вертикальный анализ, горизонтальный анализ, прибыль и т. д.

Широкими возможностями для моделирования ситуаций, в которых проявляются те или иные компетенции, являются ролевые (деловые) игры [11]. Ролевая игра является наиболее объективным средством контроля неподготовленной речи для оценивания личных и общественных коммуникаций, а деловая игра – подходящим средством оценивания неподготовленной речи для оценки профессиональных коммуникаций экзаменуемых [12. С. 250], что предполагает использование ее как средства контроля на завершающем этапе обучения. Ролевая игра, содержание которой зависит от уровня обученности студентов и этапа обучения, может применяться для всех видов оценивания – текущего, рубежного, итогового на всех этапах обучения.

В зависимости от структуры КИМ ролевые (деловые) игры позволяют оценить и аспект говорения на основе монологической и диалогической речи, и аспект аудирования на основе взаимодействий педагог – бакалавр, бакалавр – бакалавр, аудио- / видеоматериал – бакалавр.

Имея широкую дидактическую возможность, деловая игра позволяет формировать речевую компетенцию не только в аспектах говорения и аудирования, но и в письме и чтении. На этапе подготовки к игре студенты читают аутентичные тексты, отобранные согласно программе обучения по профилю «Экономика», включающие научно-учебные тексты, задания и упражнения, направленные на знакомство с различными проблемами экономической сферы. В ходе текстовой деятельности происходит расширение словарного запаса студентов за счет иноязычной лексики (профессиональный тезаурус), знакомство с инновациями и проблемами в указанной специальности. Контроль понимания прочитанного чаще всего осуществляется через разнообразные тестовые задания и письменные работы (аннотирование и реферирование), т. е. в процессе разработки игры проверяются языковые навыки и речевые умения. Примером таких заданий могут быть: подготовка договора о поставке продукции (оказании услуги), обобщение маркетинговых исследований рынка, разработка бизнес-проекта и т. д.

Аналогичными возможностями для оценивания иноязычной речевой компетенции обладают также такие инструменты, как проектная и научно-исследовательская деятельность бакалавров, которые позволяют оценить и творческие способности бакалавров в постановке задач и достижений целей исследования. На стадиях обсуждения путей решения поставленных задач, обоснования релевантных методов и способов исследования, защиты сущностных положений проекта (научного исследования) обучающиеся активно используют монологическую и диалогическую речь на основе лексики широкого диапазона. Проектная и научно-исследовательская деятельность является стимулом для расширения глоссария в изучаемой области.

Подводя итоги, отметим, что процессный подход требует документального описания всех процессов (подпроцессов) осуществляемой деятельности и ознакомления с документами всех заинтересованных лиц. Описание процедуры оценивания речевой компетенции и ознакомление с ней бакалавров повышает уровень их мотивации, позволяет заранее планировать процесс подготовки и обеспечивать высокий уровень качества речевой компетенции. Залогом повышения качества иноязычного профессионального образования экономиста в современных условиях является рост профессионализма, от него требуется непрерывное самосовершенствование и саморазвитие, стремление овладевать новыми знаниями, умениями и технологиями и применять их на практике. Игнорирование необходимости повышения профессионального мастерства может привести к неуспешности в профессии. И наоборот, постоянный мониторинг качества обученности студентов открывает безграничные возможности повышения результативности его применения.

Библиографический список

1. Яковлев Е.В. Управление качеством образования в высшей школе: теория и практика. Челябинск: ЧГПУ, 2000. 148 с.
2. Полонский В.М. Оценка качества научно-педагогического исследования. М.: Педагогика, 1987. 144 с.
3. Вилкова Л.В. Дидактическое обеспечение формирующего оценивания качества учебных достижений школьников в иноязычном образовании: Дис. ... канд. пед. наук. ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет». Н. Новгород, 2014. 196 с.
4. Барышникова О.В. Методика контроля и оценки качества подготовки по иностранному языку в техническом вузе (английский язык): Дис. ... канд. пед. наук. Московский государственный лингвистический университет. М., 2015. 252 с.
5. Жигалев Б.А. Система оценки качества профессионального образования в лингвистическом вузе: Дис. ... д-ра пед. наук. ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет». Шуя, 2012. 404 с.

6. Звонников В.И., Чельшкова М.Б. Современные средства оценивания результатов обучения: Уч. пос. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 224 с.
7. Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Интеллект-Центр, 2005. 424 с.
8. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: Уч. пос. для преподавателей и студентов. 3-е изд. М.: Филоматис, 2007. 480 с.
9. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.
10. Приказ Минобрнауки России от 12.11.2015 № 1327 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата)».
11. Сороковых Г.В., Андрух А.О. Формирование и оценка уровня сформированности речевой компетенции на примере говорения // Современное непрерывное образование и инновационное развитие: Сборник трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 220–223.
12. Вербицкий А.А., Ильязова М.Д. Инварианты профессионализма: проблемы формирования: Монография. М.: Логос, 2011. 288 с.

Сведения об авторах

Андрух Алина Олеговна
аспирант кафедры французского языка и лингводидактики
Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета,
преподаватель кафедры иностранных языков
Московского политехнического университета
E-mail: alinaandruk@mail.ru

Сороковых Галина Викторовна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры французского языка и лингводидактики
Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета,
E-mail: sorokovykh@mail.ru

УДК 004:811:378.147

ОПЫТ СОЗДАНИЯ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ (МООК): ОТ ИДЕИ К РЕЗУЛЬТАТУ

А.С. Банков, Н.В. Макшанцева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена одной из популярных и перспективных тенденций в мировом образовании. Рассмотрена проблема создания и использования в современном образовании массовых открытых онлайн-курсов, особое внимание обращено на опыт создания таких курсов в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова.

Ключевые слова: дистанционное образование, электронное обучение, массовый открытый онлайн курс, МООК, дистанционные образовательные технологии.

Developing Massive Open Online Courses (MOOCs): Moving from the Idea to its Practical Implementation

Andrey Bankov, Natalia Makshantseva

The article considers a popular and promising tendency in world education, namely the role of Massive Open Online Courses today's education, and specifically focuses on the practical experience that Nizhny Novgorod Linguistics University has acquired in this area.

Key words: online education, distance education, e-learning, massive open online course, MOOC, distant learning technology.

Массовые открытые онлайн-курсы (МООК – от англ. *Massive open online course* – МООС) – одно из самых динамичных развивающихся направлений дистанционного образования, которое продолжает завоевывать приоритетные позиции. По сравнению с другими странами, в России дистанционное образование еще не так широко распространено, несмотря на очевидные преимущества, а именно: доступность (особенно для лиц с ограничениями здоровья), удобство, высокая мобильность обучающихся и преподавателей, наглядность (благодаря современным телекоммуникационным технологиям), возможность выстраивания индивидуальной образовательной траектории, огромный потенциал для реализации образовательных программ в сетевой форме, мощный ресурс для привлечения абитуриентов, слушателей, аспирантов и т. п. Этот список может быть продолжен. Упоминание дистанционного

образования в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.05.2017) (далее – «Закон»), в котором данному явлению посвящена целая статья (ст. 16), не только указывает на значимость этого вида образовательной деятельности, но и создает для нее нормативно-правовую базу. Приказы Министерства образования и науки РФ конкретизируются в данной статье.

Необходимо отметить, что с точки зрения современного российского законодательства понятие «дистанционное образование» – это, скорее, общий или научно-методический термин. В законе же выделяются два элемента, которые могут быть отнесены к дистанционному образованию: электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением информации, хранящейся в электронном виде на электронных носителях, которая обрабатывается техническими средствами и передается по каналам телекоммуникационной связи. Они, в свою очередь, также обеспечивают взаимодействие между обучающимися и педагогическими работниками. «Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» (п. 1. ст. 16 Закона). Иными словами, дистанционное образование – это вид образовательной деятельности, при котором получение информации обучающимся и общение с преподавателем происходит на расстоянии, в электронном виде и посредством информационно-телекоммуникационной сети, чаще всего Интернета.

Согласно действующему законодательству, образовательные организации вправе применять дистанционное обучение при реализации образовательных программ (как частично, так и целиком) при условии, что они:

- 1) обеспечивают условия реализации таких программ, указанные в Законе и подзаконных актах;
- 2) соблюдают порядок реализации таких программ, утвержденный соответствующим приказом Минобрнауки РФ [1];

3) в случае реализации образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, профессии, специальности и направления подготовки, по которым проводится такое обучение, не входят в перечень профессий, специальностей и направлений подготовки, не допускающих применение только дистанционных образовательных технологий и электронного обучения [2];

4) обеспечивают защиту сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну (п. 5. ст. 16 Закона).

Примечательно, что местом осуществления образовательной деятельности по программам с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения считается *местонахождение образовательной организации* (или ее филиала) вне зависимости от местонахождения обучающихся или серверов, на которых размещена информация, используемая при обучении (п. 4. ст. 16 Закона).

Массовый открытый онлайн-курс как одна из форм дистанционного образования – это обучающий курс с массовым интерактивным участием, с применением технологий электронного обучения и открытым доступом через Интернет. В качестве дополнений к традиционным материалам учебного курса, таким как видео, чтение и домашние задания, массовые открытые онлайн-курсы дают возможность использования интерактивных форумов пользователей, которые помогают создавать и поддерживать сообщества обучающихся, преподавателей и ассистентов преподавателей – так называемых «тьюторов» [3].

В отличие от многих других форм дистанционного образования, MOOK являются бесплатными и нацелены на максимально широкую аудиторию обучающихся. Цели MOOK обычно включают открытие новых областей знаний в соответствии с предпочтениями и интересами личности, повышение квалификации, подготовку к экзаменам и многое другое. В силу своей открытости MOOK часто являются инструментом реализации концепции непрерывного образования (*Life-Long Learning* или *LLL*). Обычно MOOK

размещаются не только на сайтах образовательных организаций, но и на популярных образовательных платформах, своего рода агрегаторах онлайн-курсов, предоставляющих доступ к множеству различных тематических курсов. Среди самых известных зарубежных «площадок» можно назвать: *Coursera*, *edX*, *NovoEd* и др. В России разработка MOOK началась в 2013 г., а активная реализация – в 2014-2015 гг. Среди российских платформ наиболее известны *Uniweb*, Институт Пушкина, Лекториум, Универсариум и др.

В 2013 году Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (НГЛУ) вошел в число вузов, реализующих масштабную программу «Образование на русском» под эгидой Совета по русскому языку при Правительстве РФ и Министерства образования и науки Российской Федерации. В рамках проекта НГЛУ были разработаны 4 массовых открытых онлайн-курса:

- Духовные основы русской культуры,
- Страноведение России,
- Стили русской речи,
- Национальный характер в русской литературе.

Названные курсы (см. прим. 1) адресованы не только российским, но и иностранным слушателям, поскольку они:

- дают обучающимся целостное системное представление об особенностях развития русской культуры, ее глубине и богатстве, а также о том месте, которое она занимает в мировой культуре;
- знакомят с особенностями национального характера, запечатленными в творчестве русских писателей, которые составили отечественный классический канон и стали неотъемлемой частью мировой литературы;
- формируют знания по истории, географии, экономике и культуре России, помогают понять особенности национальной концептосферы;
- дают представление об основных категориях и понятиях русской стилистики, о функциях языка и их воплощении в функциональных регистрах, о нормативном и стилистически целесообразном использовании языковых средств разных уровней для построения текстов в разных областях речевой деятельности.

Структура. Основной структурной единицей курса является модуль. Он представляет собой логически завершенную смысловую часть курса и обычно включает видеолекцию, графическую презентацию и другой интерактивный контент, визуализирующий содержание модуля, материал для самостоятельного изучения, тесты для контроля усвоения материала. Каждый модуль разделяется на смысловые блоки. Внутри каждого смыслового блока есть видеолекция продолжительностью 10–15 минут, контрольный тест, справочные и дополнительные материалы для самостоятельной работы. В конце модуля обучающимся предлагается выполнить тест по материалам модуля. Поскольку средний курс состоит из 5–7 модулей, в его содержании также предусматриваются как минимум два творческих домашних задания. Кроме того, каждый курс в обязательном порядке должен предусматривать возможность общения обучающихся с преподавателем в интерактивном режиме (чаты, форумы, электронная корреспонденция). По завершении курса дается обобщающий тест.

Методическое обеспечение (документация). MOOK, как правило, сопровождается учебным планом, тематическим планом и учебной программой (программой дисциплины). Учебный план отражает: цель и задачи обучения, категорию обучаемых, продолжительность обучения, форму обучения, режим занятий (количество часов в день), перечень модулей, количество часов по модулям, виды учебных занятий, формы контроля знаний. Тематический план конкретизирует учебный план и включает: описание тем, разделов, виды учебных занятий, количество часов, отводимых на различные виды занятий, формы и виды контроля. Учебная программа содержит: введение (цель, задачи обучения, требования к начальному уровню подготовки для изучения курса и выполнения домашних заданий, результат изучения курса), перечень тем, реферативное описание тем модулей (изложение основных вопросов в заданной последовательности), наименование видов занятий по каждой теме, методические рекомендации по реализации учебной программы, список литературы (основной и дополнительной), а также других видов учебно-методических

материалов и пособий, необходимых для изучения (конспектов лекций, видеолекций, лазерных дисков и др.).

Требования к содержанию. Каждый модуль является стандартным учебным продуктом, включающим четко обозначенный объем знаний и умений. Он изучается в течение определенного времени. Лекционный материал представлен в виде модулей с иллюстрациями, выделенными ключевыми словами и определениями, ссылками на другие страницы курса и другие источники информации в сети Интернет, а также основными выводами по разделу. Каждый модуль имеет наименование. Для самостоятельной работы создаются задания, составляется список рекомендованной основной и дополнительной литературы, учебных и методических материалов. Стандартный модуль предполагает вопросы для самотестирования после каждого раздела, контрольные работы и темы для обсуждения на форуме. Для каждого модуля желательно представить глоссарий, связанный гиперссылками с основным текстом. Время, отводимое на выполнение и сдачу самостоятельных работ, как правило, составляет одну неделю.

Учебно-методические материалы для самоподготовки включают методические рекомендации по самостоятельному изучению тем модулей, методические рекомендации по выполнению самостоятельных работ и тестовых заданий. Задания для самостоятельной работы содержат различные творческие задания. Проверка творческих заданий производится преподавателями, ассистентами преподавателя (тьюторами) или другими слушателями. Тесты проверяются в автоматическом режиме.

Контрольно-измерительные материалы (КИМ) включают тесты для самопроверки (к лекциям), промежуточные тестовые задания (к каждому модулю) и итоговые тестовые задания (ко всему курсу). Количество и качество тестов по каждому модулю должно отражать его содержание и обеспечивать полный и глубокий контроль усвоения учебного материала. При составлении тестов следует руководствоваться объемом учебного материала, включенного в модуль. Вопросы для самотестирования после каждой части лекции применяются для мотивации обучающихся во время прослушивания лекции (1 контрольный вопрос на 10–15 минут

лекции). КИМ к модулю используется для контроля знаний, включая лекционный материал и дополнительную литературу. Уровни сложности КИМ следующие: к лекционным занятиям – простой; к модулям – средний; к курсу – сложный.

Технические требования (к процессу создания и конечному продукту). Как правило, MOOK содержат множество видеофайлов, к качеству которых предъявляются высокие требования. Эти требования затрагивают как исключительно технические параметры, например, формат файла, разрешение видео, кодеки и т. п., так и режиссерско-постановочные и видеомонтажные мероприятия. Общая продолжительность видеолекции каждого модуля составляет примерно 90 минут. Видеолекция состоит из нескольких логически завершенных смысловых блоков продолжительностью 10–15 минут, оформленных в отдельные видеофрагменты. Электронный курс должен корректно функционировать в среде Интернет, в том числе на мобильных платформах.

Презентационные материалы разрабатываются к каждому модулю курса и представляются в привязке к лекционному материалу. Не допускается наличие ссылок на закрытые, платные или запрещенные на территории Российской Федерации ресурсы, а также размещение информации, противоречащей законам Российской Федерации и нарушающей авторские права. Авторы MOOK должны обеспечить единство стиля подачи материала, эргономику восприятия текстовой и наглядной информации.

Требования к соблюдению авторских прав. Если в содержании MOOK используются результаты интеллектуального труда иных лиц и / или объекты авторского права, то в содержании или документации курса необходимо предоставить подтверждение их законного использования. Таким подтверждением могут быть договоры о возмездной или безвозмездной передаче авторских прав, договоры купли-продажи объектов авторского права или ссылки на законодательство в области авторского права. Подчеркнем, что в соответствии со ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации допускается свободное (т. е. без согласия автора и без выплаты вознаграждения) цитирование и использование *правомерно обнародованных* произведений в информационных, научных, учебных

или культурных целях. Также допускается свободное использование произведений, являющихся общественным достоянием.

МООК как одно из новых явлений в мировом образовательном пространстве, продиктованных потребностями информационного общества, являются самыми перспективными тенденциями в развитии образования до 2028 г. [4]. Так, эксперты «Сколково» считают, что для России существует реальный риск пропустить очередную технологическую революцию в образовании в виде массовых открытых онлайн-курсов [5]. Информационные технологии становятся важным элементом развития личности. Их воздействие касается образа жизни людей, образования и работы. В результате использования МООК выигрывают все: и сами вузы, и обучаемые. Выигрывает мир, в котором мы живем, так как реализуется высокая цель – дать современному человеку возможность получения знаний, умений и навыков вне зависимости от возраста, местонахождения, состояния физического здоровья и многих других факторов, препятствующих или делающих вообще невозможной самореализацию личности.

Примечания

1. Статья сопровождается презентацией и промо-материалами на прилагаемом диске.

Библиографический список

1. Приказ Минобрнауки от 09.01.2014 № 2 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (зарегистрировано в Минюсте России 04.04.2014 № 31823) // Электронный ресурс Интернет: минобрнауки.рф/documents/6045.

2. Приказ Минобрнауки от 20.01.2014 № 22 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» (зарегистрировано в

Минюсте России 21.02.2014 № 31377) // Электронный ресурс Интернет: минобрнауки.рф/documents/6065.

3. Как продать образование в Интернете: интервью Елены Масоловой (*Eduson*) с Дафной Коллер (*Coursera*) // Электронный ресурс Интернет: <https://www.eduson.tv/blog/coursera>.

4. Бугайчук К. Массовые открытые дистанционные курсы: история, типология, перспективы // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 148–155.

5. Центр образовательных разработок СКОЛКОВО выпустил новое исследование «Эпоха “гринфилда” в образовании» // Сколково: Московская школа управления. 10 октября 2013 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.skolkovo.ru/public/ru/research/news-research/item/3891-2013-10-10-15/>.

Сведения об авторах

Банков Андрей Сергеевич
кандидат филологических наук,
директор НОЦ «Институт Конфуция при
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова»
E-mail: bankov@lunn.ru

Макшанцева Наталия Вениаминовна,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой преподавания русского
языка как родного и иностранного
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: makshan@lunn.ru

УДК 373.2:811

ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

К.Б. Жигалева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена рассмотрению вопросов применения арт-технологий в обучении дошкольников иностранному языку. Делая акцент на дошкольном возрасте, автор обосновывает необходимость создания целостной системы обучения иностранным языкам с применением арт-методик.

Ключевые слова: арт-технологии, педагогические технологии, ребенок дошкольного возраста, раннее обучение иностранным языкам, творчество.

Implementing Art Technologies in Teaching Foreign Languages to Preschoolers Kseniya Zhigaleva

The article focuses on implementing art technologies in teaching foreign language to preschool children and substantiates the necessity of creating a holistic system of teaching with the use of art technologies.

Key words: art technologies, pedagogical technologies, preschool child, teaching foreign languages at an early age, creativity.

Вопросы обучения иностранным языкам на дошкольном этапе относятся к числу весьма актуальных проблем в психолого-педагогической теории, теории и практике обучения иностранным языкам. Ведется активный поиск и разработка эффективных психолого-педагогических технологий, стимулирующих учебно-познавательную, творческую активность учащихся, способствующих гармоничному, всестороннему, целостному развитию личности ребенка, способствующих формированию основ иноязычной коммуникативной компетенции.

Понятие «педагогическая технология» возникло относительно недавно и до настоящего времени не получило общепринятого, стандартного определения. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение В.А. Сластенина, который под *педагогической технологией* понимает последовательную взаимосвязанную систему действий педагога, направленную на решение педагогических задач; планомерное и последовательное воплощение на практике заранее

спроектированного педагогического процесса; строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий [1. С. 335].

О.В. Есаулова говорит о двух основных типах технологий, применяемых в преподавании: педагогических и психологических. В педагогических технологиях операции и действия физически ощутимы. Психологические технологии скорее носят скрытый характер и направлены на операции и действия в психике конкретного человека. Комбинация этих двух подходов (педагогического и психологического) обогащает процесс обучения иностранному языку. Одной из разновидностей психологических технологий являются арт-технологии, интерес к которым вырос в последние годы [2. С. 72]. Под **арт-технологиями** в образовательном процессе подразумевается совокупность психологических методов воздействия, применяемых в контексте креативной (в первую очередь изобразительной) деятельности человека. В их основе лежит использование техник и приемов арт-терапии (коррекция состояния и лечение с использованием различных видов искусств). В работах, посвященных исследованию последствий применения данного метода, отмечается, что арт-терапия является методом, связанным с раскрытием творческого потенциала индивида, высвобождением его энергетических резервов и в результате нахождением им оптимальных способов решения своих проблем [2; 3]. К арт-технологиям относится использование в первую очередь средств иллюстративной наглядности (картин, карикатур, диаграмм, кукол, масок, коллажа, слайдов, таблиц), а также сказок, рифмовок и стихотворений, песен, музыки, кинематографа, компьютерного творчества, театральных постановок и пантомим, игр, танца, рисования.

Подробным исследованием детского рисования занимались Л.С. Выготский, М.В. Киселева, А.Н. Лук, В. Оклендер и др. Рисование для ребенка – это действительно мощное средство самовыражения. Рисуя образы, ребенок не только учится, запоминает слова, фразы, но и изображает свое индивидуальное видение мира. Рисование напрямую связано с такими важнейшими функциями, как зрение, двигательная координация, речь, мышление. Оно не просто

способствует развитию этих функций, но и связывает их между собой.

Доктор психологии Вайолет Оклендер утверждает, что дети получают удовольствие, когда рисуют, особенно когда занимаются живописью: «Дети любят свойство красок струиться и блеск различных цветов» [4. С. 58]. В. Оклендер считает, что дети с легкостью изображают свои эмоции красками, поскольку оттенки, цвет и жидкая консистенция соответствуют состоянию чувств. А с помощью фломастера или карандаша они могут представить все в более наглядной и характерной форме. «Меня всегда поражает глубина чувств и внутреннее содержание, которое выражают дети посредством рисунка» [4. С. 33].

Задания типа «Нарисуй рисунок из жизни твоей семьи / твоего друга / себя / твоих любимых животных» влияют на эмоциональную сферу ребенка и активизируют его память. Так как подобные задания затрагивают повседневную жизнь дошкольника, они ему интересны. Последующая работа с готовыми рисунками может заключаться в описании ребенком нарисованных образов, в ответах на вопросы: «Кто это?», «Что это?», «Какого цвета?» и т. д. Исследование ребенком собственных творческих произведений повышает концентрацию его внимания и улучшает процесс овладения иностранным языком.

Хорошо известное и широко используемое в детских дошкольных учреждениях занятие аппликацией является захватывающим средством самовыражения для детей всех возрастов. Некоторые современные учебники английского языка для детей возраста 6 лет включают различные задания по созданию коллажей. Учащимся предлагается вырезать картинки из журналов, каталогов и т. д. по изучаемой теме, а затем с помощью преподавателя назвать их или подписать. Для создания коллажей могут быть использованы самые различные материалы: фотографии, ткань, фольга, пуговицы, пробки, различные виды зерен, ореховая скорлупа и т. д. Слова или буквы, вырезанные из журналов, газет и старых книг активизируют зрительную память и улучшают грамотность. Помимо этого, коллаж служит развлечением и помогает проявить способность к воображению. Кроме того, по мнению психологов и педагогов

детских садов, это очень удобный вид задания, которое можно давать паре или целой группе детей. С одной стороны, посредством такой деятельности ребенок приобретает навыки работы в паре, которые ему пригодятся в дальнейшем обучении иностранному языку, а с другой стороны, совместное творчество может вызвать у ребенка мотивацию к созданию своего самостоятельного произведения [4].

Создание образов героев, ситуаций предметного мира в процессе обучения есть механизм взаимодействия чувственного опыта (черпаемого из литературного источника) и усвоения программного языкового материала (звуков, букв, слов, предложений, текстов и т. д.). Таким образом, литературный и языковой компоненты интегрируются через образность, которая не навязывается искусственным путем, а естественно вытекает из учебного материала, заимствованного из детской литературы. Это помогает формировать не только знания, навыки и умения, но и развивать эстетические и этические качества.

Поэтому обращение к сказкам на уроках иностранного языка, несомненно, обогащает процесс обучения. Тексты сказок вызывают интенсивный эмоциональный резонанс у детей. По мнению специалистов в области детской психологии, образы сказок обращаются к двум психическим уровням: к уровню сознания и подсознания, что создает особые возможности при коммуникации. Сказки обладают большой привлекательностью и ценностью для детей. Они уникальны не только как литературный жанр, но и как произведение, которое полностью понятно ребенку, как никакая другая форма искусства. В сказке в символической форме содержится информация об устройстве мира, о жизненных ценностях, об отношениях между людьми. Бруно Бетелхейм считает, что сказки учат ребенка быть победителем, они повествуют о неизбежности жизненных невзгод, но вместе с тем на примере поведения главных героев показывают, что жизнь дает возможность преодолеть все препятствия и достичь желаемых целей [5. P. 52]. Сказки активизируют творческий потенциал, дают ребенку возможность мечтать, развивают его воображение. В сказках неодушевленные предметы могут оживать и говорить, в них возможно все, и эта особенность сказок имеет огромное значение для развития ребенка.

Слушая или сочиняя сказку, ребенок может идентифицировать себя с ее персонажами; таким образом, он учится вставать на место другого, чувствовать нечто отличающееся от него самого, ощущать многогранность мира.

Сказка является богатейшим учебным материалом. Ребенку на уроке может быть предложено рисование по мотивам сказки, обсуждение действий ее героев, проигрывание эпизодов сказки, дописывание сказки и т. д. Рассказывание сказок развивает воображение и способность к децентрации. Ребенка можно попросить рассказать сказку от лица различных героев. В данном случае интересной может быть работа с куклами – персонажами сказки, при которой ребенку проще раскрепоститься и выразить себя. В процессе сочинительства, переписывания и дописывания сказок, кроме того, что ребенок учится поиску нестандартных решений тех или иных жизненных ситуаций, пробуждается воображение ребенка, создающее образы, необходимые для усвоения учебного материала.

Л.С. Выготский, Р.Г. Казакова, Т.С. Комарова, Н.Н. Поддьяков, Н.П. Сакулина, А.П. Усова убедительно доказывают, что все дети обладают огромным творческим потенциалом, который активно развивается в дошкольном возрасте при овладении различными видами деятельности в специально организованном процессе. В многочисленных исследованиях подтверждается, что ребенок 5–6 лет способен к созданию нового рисунка, конструкции, образа, движения и т. п., которые отличаются оригинальностью, вариативностью, гибкостью и подвижностью. Творческие способности наиболее ярко проявляются в языковом творчестве и таких видах деятельности, которые занимают большую часть детского времени: конструировании, лепке, рисовании, игре, музицировании. Сочетание перечисленных видов деятельности с обучением иностранному языку, несомненно, активизирует память ребенка и обеспечивает его вовлеченность в учебную деятельность, а также стимулирует речевую деятельность. Так, например, при изучении темы «Еда» детям может быть предложено слепить или нарисовать любимый фрукт, затем описать его на английском языке (назвать цвет, форму, размер) и попросить других детей отгадать, что это. При изучении темы «Внешность» дети могут принести на занятие фотографии своих

друзей, составить из них коллаж, описать их (цвет / размер глаз, цвет / длину волос и т. д.).

Важным подходом в обучении английскому языку являются задания по разучиванию песен, стихов, считалок. Так как дети живут в ритмичном, музыкальном мире, они легко справляются с этими заданиями, при этом закрепляются новые языковые структуры, прочнее усваивается лексический материал и грамматические конструкции, совершенствуется произносительная сторона речи, развивается музыкальный слух школьника и его речь.

В научной психологической литературе существует множество исследований, посвященных влиянию музыки на развитие ребенка (С.И. Бекина, Н.А. Ветлугина, Д.Б. Кабалевский и др.)

Главным при знакомстве ребенка с рифмой, стихотворением, песней является звуковой, ритмический образ, образность ситуации, ее герой. Звук, образность, ритм, мелодия выступают здесь как скрепляющий, цементирующий механизм, создающий условия для опосредованного запоминания материала и стимулирующий речемыслительную активность.

Музыкальные задания на уроках позволяют настроить ребенка на рабочий лад, заинтересовать его, успокоить или, наоборот, активизировать. Пение развивает эмпатические способности, способствует развитию коммуникативных и творческих возможностей ребенка. В некоторых случаях песни обладают большим воздействием, чем книги. Существует множество детских народных песен, которые соответствуют любой потребности. Есть песни, описывающие ощущения, шуточные песни, песни, повествующие о событиях, отражающие любовь и т. д. Песни развивают детское воображение, формируют жизненные ценности и дают ощущение прекрасного [4. С. 127].

Пение тесно связано с физическим развитием ребенка, оно не только оказывает влияние на формирование певческого голоса, но и активизирует функции голосового и дыхательного аппаратов, поэтому включение пения в процесс обучения иностранному языку нам представляется необходимым.

Дошкольники с легкостью имитируют английские звуки, разучивая песни, определенный ритм которых позволяет быстро

запоминать текст, а значит, усваивать лексические единицы и грамматические структуры. Музыка помогает детям расслабиться и сосредоточиться. Если включать музыку в то время, когда ребенок рисует, лепит, рассказывает сказку, вырезает, образы, возникающие в воображении ребенка в этот момент, будут гораздо ярче, он будет полностью погружен в процесс выполнения задания, который впоследствии станет более результативным. Музыка увлекает и оказывает сильное успокаивающее воздействие даже на большинство гиперактивных детей. И наоборот, ритмичная музыка способна активизировать пассивных детей. В ходе многочисленных исследований было доказано, что память детей, которых считали «отстающими в развитии» значительно улучшалась во время занятий музыкой и разучивания песен. Несомненно, музыкальные произведения развивают фантазию ребенка. Формирование мысленных картин во время прослушивания музыки – хороший пример упражнения по самораскрытию. Джозеф Шор связывает развитие способности построения образов, которое происходит в том числе и через музыку, с ростом личности. А установление контакта с глубинами личности – один из способов задействовать ее интуитивную, творческую сторону [4. С. 138].

На сегодняшний день существует множество пособий и курсов по дошкольному обучению иностранным языкам с включением различных творческих заданий. Вместе с тем говорить о существовании единой системы применения арт-технологий в преподавании иностранных языков пока нельзя. Так как «технология» предполагает определенную последовательность действий, направленных на достижение конкретного результата. В связи с этим исследования в данном направлении представляются перспективными в плане создания эффективных методик, направленных на реализацию целей обучения иностранным языкам, раскрытие личностного и творческого потенциала ребенка, развитие устойчивого интереса к изучению иностранных языков и культур других стран.

Библиографический список

1. Педагогика: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 576 с.
2. Есаулова О.В. Педагогический потенциал арт-технологий в иноязычном образовании // Ученые записки. 2013. № 3. Т. 2. С. 72–73.
3. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий: Пособие для преподавателей. СПб.: КАРО, 2002. 368 с.
4. Оклендер В. Окна в мир ребенка: Руководство по детской психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. 336 с.
5. Bettelheim B. The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales. L.: Vintage Books, 1977. 328 p.

Сведения об авторе

Жигалева Ксения Борисовна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ksenia23@gmail.com

УДК 811.161.1'243:378.147

**РАСШИРЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ДЕТЕКТИВНЫХ СЕРИАЛОВ)**

Фу Цзин

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин

В статье рассматриваются проблемы кинопедагогики, изучаются возможности использования аутентичной кинопродукции (российских детективных сериалов) при обучении иноязычных студентов русскому языку как средства расширения их лингвокультурной компетенции. Анализируются синхронные процессы словопроизводства, нашедшие отражение в данном кинопродукте, предлагаются пути и формы работы с ним при изучении лексикологии и словообразования в русском языке.

Ключевые слова: лингвокультурная компетенция, словообразование, деривация, семантика, кинопедагогика.

**Expanding Linguocultural Competences of Foreign Students through Studying
Lexicology and Word Formation of the Russian Language
(Using Russian Detective TV Series)**

Fu Jing

The article examines the problems of cinemapedagogics and studies the use of authentic films and TV series in the process of teaching the Russian language to foreign students as a means of expanding their linguocultural competences. The author analyzes synchronous processes of word production that are reflected in Russian detective TV series and suggests ways and forms of using them in the process of studying lexicology and word formation in Russian.

Key words: linguocultural competence, word formation, derivation, semantics, cinemapedagogics.

Одной из важнейших задач при изучении иностранных языков является расширение лингвокультурной компетенции студентов, которая предусматривает ознакомление с системой культурных ценностей, живых коммуникативных процессов порождения и восприятия речи, национального менталитета [1. С. 125–126] страны изучаемого языка. Едва ли не наиболее широкие возможности в этом плане предоставляет вузовский курс лексикологии, а также освещение синхронных деривационных процессов, способствующих обогащению и обновлению словарного состава языка.

Повседневная практика, профессиональный опыт преподавателей, многочисленные теоретические и прикладные исследования – как российских (О.В. Гончарук, Г.Г. Жоглина, Л.С. Зазнобина, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Л.П. Прессман и др.), так и зарубежных ученых (С. Каннингэм, Д. Котгон, М. Лэвери, С.Д. Молински, П. Мур, С. Элсворт, Д. Эванс и др.) – свидетельствуют о том, что одним из эффективных путей освоения чужого языка и культуры является использование аутентичных аудио-визуальных источников, в том числе и кинопродукции. Подобная методика, уже получившая название *медиа-* или *кинопедагогика*, позволяет гораздо легче преодолеть языковой барьер, обогащает лексику студента, в непринужденной и увлекательной форме знакомит с характерными ситуациями общения и культурой страны изучаемого языка.

Данные положения сохраняют свою значимость и для детективных сериалов (далее – ДС), являющихся едва ли не наиболее популярным и востребованным жанром современной массовой культуры. Тем не менее, приходится констатировать практически полное отсутствие исследований, в которых изучались бы возможности использования указанного сегмента киноконента для расширения языковой и лингвокультурной компетенции иностранных студентов. Этим и определяется **актуальность** избранной темы и **новизна** освещаемой проблемы.

Целью данной статьи является изучение возможностей российских детективных сериалов (далее – РДС) для расширения языковой и лингвокультурной компетенции иностранных студентов при изучении словообразования и лексики русского языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- 1) обозначить круг основных процессов словопроизводства, нашедших отражение в языке российских детективных сериалов;
- 2) выявить пути и формы использования указанного кинопродукта в обучающих и общекультурных целях.

Материалом для исследования послужили культовые российские детективные сериалы конца 1990 – начала 2000-х гг. «Тайны следствия», «Улицы разбитых фонарей», «Менты», «Опера», «Хроники убийного отдела», «Ментовские войны» и др.

Для начала отметим, что детективные сериалы составляют весомую часть продукции российских киностудий и широко представлены в телепространстве Российской Федерации и Интернете.

Сюжетные перипетии РДС – как и любого произведения детективного жанра – определяются классической содержательной формулой «преступление – расследование – (наказание)». В основной конфликт неизменно втягиваются «лиходеи» – как правило, криминальные элементы разного уровня и масштаба, которым противостоят сотрудники российских правоохранительных органов – честные, смелые, неподкупные, превыше всего ставящие закон и справедливость.

Поскольку современные РДС отражают специфический фрагмент действительности, сфокусированный на жизни и деятельности представителей достаточно замкнутой профессиональной группы, вполне закономерным является и наличие соответствующего социолекта как «лингвистического варианта языкового употребления», характеризующегося особым типом речевых ситуаций и языковых различий [2], вбирающего в себя и профессиональную лексику, и отдельные элементы криминального жаргона как языка той социальной подгруппы, с которой в силу своей профессиональной деятельности коммуницируют именно сотрудники правоохранительных органов.

Практически не закрепленные в толковых или других нормативных словарях русского языка, единицы данной языковой подсистемы в последнее время перестают быть «средством общения исключительно для указанной социальной группы», ее элементы «начинают все чаще фиксироваться в средствах массовой информации, публичной речи, на радио и телевидении, в кинофильмах» [3. С. 3–4]. Кроме этого, единицы профессионального словаря сотрудников правоохранительных органов, наряду с элементами нестандартной лексики других подсистем, нередко используются, по справедливому наблюдению проф. Р.И. Розиной, в ситуации непринужденного общения городским населением России – независимо от возраста, образования и профессии [4. С. 15]. Подобное обстоятельство лишней раз подчеркивает целесообразность

включения элементов этой подсистемы лексики современного русского языка в расширение лингвистической и культурной компетенции студентов, изучающих русский язык как иностранный.

В российских детективных сериалах указанный социолект активно используется для придания специфического колорита и более реалистичного отражения атмосферы будней российской милиции (а с 2011 года – полиции).

Особенности словоупотребления, встречающиеся в РДС, предоставляют богатый материал для выявления общих тенденций развития лексической системы русского языка на рубеже XX и XXI веков.

Прежде всего отметим, что особенности словоупотребления, нашедшие отражение в РДС, характеризуется четкой тенденцией к **экономии речевых усилий**, обусловленной, с одной стороны, общей направленностью языковых процессов в условиях динамизации жизни современного общества, с другой – коммуникативной целесообразностью, а именно интенсификацией процесса общения, обусловленной спецификой профессиональной деятельности главных персонажей детективных сериалов: необходимостью максимально быстро передавать информацию, оперативно реагировать на изменение криминогенной обстановки и т. д.).

Данное обстоятельство приводит к появлению различных типов неологизмов как элементов профессионального жаргона.

Прежде всего, новые лексические единицы возникают вследствие **упрощения способов номинации** сотрудников различных служб правоохранительных органов. Данный процесс происходит **морфологическим путем** с использованием существующих в языке словообразовательных моделей, главным образом путем усечения основы, суффиксальным и безафиксным способом, ср.: *следователь – следак*, *следователь по особо важным делам – важняк*, *оперуполномоченный – опер*, сотрудники ГАИ (государственной автоинспекции) – *гайцы* (только во мн. ч.).

При помощи суффиксов образуются дериваты-неологизмы, актуализирующие гендерные аспекты языка, ср.: *следак – следачка* (женщина-следователь); *мент – ментовка* (женщина-милиционер); *опер – оперша* (женщина-оперуполномоченный); *лейтенант –*

лейтенантиша; прокурор – прокурориша (женщина-прокурор) и т. д. Эти лексические новообразования являются элементами разговорной речи, отличаются стилистической сниженностью, а в отдельных случаях и яркой негативной оценочностью (например, жаргонное *ментовка*, как и исходное *мент*).

Речевые ситуации, встречающиеся в РДС, свидетельствуют о том, что на основе существующих в языке словообразовательных моделей образуются целые деривационные ряды, как, к примеру: *мент* (милиционер) – *ментура / ментовка* (милиция, отделение милиции: *забрали в ментовку*), *ментовской / ментовский* (*ментовские сводки; речь идет о ментовской солидарности*), *ментовка* (женщина-милиционер), *ментеньш*, *ментяра* (в качестве примеров могут быть приведены названия сериалов «Менты», «Мент в законе», «Ментовские войны»).

Особенностью современного словоупотребления, нашедшей отражение и в РДС, является использование глаголов со значением **единичности действия**: *мочкануть / мочканул* (от жарг. *мочить* – «убивать»), *вальнуть / вальнул* (от жарг. *валить* – «убивать»); *банкануть* – от *банковать* в значении «угощать спиртным кого-л.; покупать спиртное на всю компанию» [5].

Неологизмы, встречающиеся в современных российских детективных сериалах, свидетельствуют также о чрезвычайной продуктивности **семантической деривации** как способа образования новых слов, заключающегося в появлении у них семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций [6]. Одним из таких семантических дериватов является слово *убой* (*у нас убой; выехали на убой*) в значении «убийство» («преступное, умышленное или по неосторожности, лишение жизни» человека [7]), возникшее путем приращения новых сем и изменения стилистической окраски уже существующего в русском языке слова *убой*, имеющего значение «убивание животных для получения продуктов животноводства и звероводства», как например: *убой скота, кормить как на убой* (в значении «сытно», «обильно») [7]. Аналогичным образом переосмысливается и прилагательное *убойный* (изначально *убойный пункт* – «предприятие по убою скота»; *убойный вес* – «вес туши животного без кожи, внутренностей, головы и ног» [7]):

убойный отдел – отдел по расследованию убийств. На основе подобного переосмысления первичного значения слов *убой* и *убойный* суффиксальным способом образуется существительное *убойщик* – сотрудник *убойного* отдела, т. е. отдела по расследованию убийств.

Семантическая деривация как наиболее продуктивный способ словообразования на современном этапе развития русского языка обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, в частности возникновением новых явлений криминальной действительности, требующих своего «ословления» в языке и речи. Одним из наиболее доступных путей в этом смысле становится использование с целью номинации новых криминальных реалий уже существующих слов с соответствующим изменением объема того или иного понятия. Ярким примером являются такие семантические неологизмы, как *крыша* (в значении «лицо или структура, прикрывающая криминальный бизнес») и производное от него *крышевать*; *земля* (территория, за которую отвечает участковый); *авторитет* («человек, имеющий авторитет в уголовном мире» [8. С. 49]; «авторитетный в криминальной среде преступник, часто – лидер преступного сообщества или группировки» [9]); *брат* и производные от него *братан*, *братишка*, *брателло* – обращение членов организованной преступной группировки друг к другу, *браток* – бандит, *братки* / *братва* – бандиты; *обезьянник* – камера в отделении внутренних дел; *разборка* – выяснение отношений в криминальной среде и т. д.

Приращение значений может происходить и за счет активизации второстепенных сем в значении слов, вышедших из активного употребления, к примеру, семы «преступник» в слове *злодей* (в словаре С.И. Ожегова главная сема «человек, который совершает злодеяния или способен на них» и только потом «преступник» [7]); *бригада* – преступное сообщество и т. д.

Увеличение семантического объема общеупотребительных слов как способ их превращения в единицы профессионального сленга может происходить за счет **метонимических** и **метафорических переносов**, как например: *серия* – ряд однотипных преступлений, совершенных одним преступником; *ствол* – пистолет (или другое огнестрельное оружие), *мокрый ствол* – огнестрельное оружие, из

которого было совершено убийство, *чистый ствол* – огнестрельное оружие, из которого еще никого не убили; *пальчики* – отпечатки пальцев (*на магазине остались его «пальчики»*); *стрелка* – встреча, изначально двух преступных группировок с целью выяснения спорных вопросов [9].

Характерным для профессионального сленга сотрудников правоохранительных органов является также использование **отглагольных существительных среднего рода** для обозначения различных видов преступных деяний: *мочилово* – убийство (от жаргонного *мочить* – «убивать»); *вымогалово* – вымогательство (от *вымогать*); *кидалово* – действие, организованное с целью мошенничества или обмана (от жаргонного *кинуть*). На основе этой же модели образуется и неологизм *отрицалово* (от *отрицать*) – отрицание своей причастности к преступлению; (быть) *в отрицалове*; *уйти в отрицалово* – категорически отказываться от признания своей вины / не давать признательных показаний. Показательно также появление такого деривата как *отрицало* (*Ты такое принципиальное отрицало*) – задержанный, который упорно отрицает свою вину.

Кроме этого, для специфических речевых ситуаций, нашедших отражение и в РДС, характерно употребление уже устоявшихся выражений и предложно-падежных форм, например: *черные копатели* / *черные археологи* – «ставшее традиционным собирательное название для самостоятельных поисковиков различных направлений, одиночек или организованных в группы, занимающихся нелегальным выкапыванием различных предметов старины» [10]; *пошел цвет* – появилась нужная информация; *сливать информацию* – раскрывать / передавать кому-либо секретную / инсайдерскую информацию; *по звонку* – по чьей-либо просьбе или указанию свыше, переданным по телефону; *откуда прилетело* – в разных контекстах приобретает разные оттенки значения (с какого направления прилетела пуля; откуда поступила информация; кто потенциально заинтересован в преступлении); *в цвет* – точно! и т. д.

Еще одним проявлением языковых инноваций, отразившимся в РДС, являются **оказионализмы**, которые, в отличие от приведенных выше семантических неологизмов, характеризуются неузуальностью, контекстуальной зависимостью, ненормативностью, постоянной

новизной [11] и создаются в соответствии с законами словообразования языка, например: *пролососил* (потерял личное оружие); *Если получится, захвостуем их* (т. е. проследим за передвижениями преступников) – от *пустить «хвост»* (слежку).

Рассмотренные примеры со всей очевидностью убеждают в том, что в РДС нашли отражение практически все виды словообразовательных процессов, характеризующие «лексический бум» начала XXI века, что, собственно, и позволяет использовать их в качестве материала для расширения языковой и лингвокультурной компетенции иностранных студентов.

При этом Е.Б. Фрайфельд отмечает, что на данном этапе «художественный фильм применяется для решения достаточно узких педагогических задач или без определенных целей для “общего развития”» [12]. В этом смысле РДС, местом действия в которых становятся, как правило, «асфальтовые джунгли» – современные мегаполисы, такие как Москва и Петербург, считающийся не только культурной, но и криминальной столицей России, РДС (особенно это касается сериалов «Тайны следствия», «Ментовские войны»), благодаря включению широких городских панорам, видов «с высоты птичьего полета», прежде всего визуализируют образы этих городов в сознании иностранных реципиентов, делают узнаваемыми знаковые объекты городского пейзажа. Подобное приобщение к информации о России и ее культуре, сопровождаемое активным усвоением языковых средств, по наблюдениям ученых, позволяет носителям другого языка и культуры лучше понять русскую языковую личность [13] и существенно обогатить свой лексический запас, а также получить четкое представление о синхронных процессах словопроизводства в русском языке.

В этом смысле задача преподавателя заключается в том, чтобы направлять познавательную деятельность иноязычных студентов и помогать более адекватному восприятию ими кинопродукции на русском языке.

С этой целью желательно прежде всего создание соответствующего информационного фона: ознакомление студентов со временем создания того или иного сериала, режиссером, составом актеров, отличительными особенностями именно этого ДС,

спецификой отраженных в нем национально-культурных, социальных и других реалий.

Непосредственный просмотр фильма (серии, фрагмента) может происходить как во внеаудиторное время, так и непосредственно на занятии (в данном случае длительность просмотра будет ограниченной).

Целесообразной представляется предваряющая просмотр работа по устранению возможных лексических трудностей, а также специальная система упражнений для развития навыков языковой догадки и выявления контекстуального значения слов.

Перед просмотром (домашним или аудиторным) студенты получают от преподавателя определенные задания. Например, просмотрев указанный преподавателем (или выбранный самостоятельно фрагмент / серию ДС), студент должен:

а) выписать контексты, в которых встречается то или иное указанное преподавателем слово (как вариант – все слова, которые, по мнению студента, отходят от литературной нормы и могут идентифицироваться как элементы профессионального сленга работников правоохранительных органов);

б) выяснить по возможности значение данной лексической единицы по нормативным словарям; попытаться определить ее контекстуальное значение и сопоставить со словарным; определить ее стилистическую окраску;

в) определить тип и способ деривации;

г) провести количественный анализ словоупотребления и сделать вывод о его узуальности / окказиональности;

д) попытаться сделать вывод о заключенной в данном слове культурологической информации.

Кроме этого, студентам может быть предложено сгруппировать выявленные некодифицированные единицы в соответствии со способом деривации.

Собранная, проанализированная и систематизированная таким образом информация озвучивается одним или несколькими студентами во время аудиторных занятий по соответствующей теме, дополняется другими студентами и корректируется преподавателем.

С целью закрепления нового лексического материала целесообразно предложить студентам составить несколько предложений или «разыграть» диалог с использованием новых слов и выражений.

Кроме этого, представляется логичным обсудить со студентами, какие черты национального менталитета, отношение к реалиям повседневной действительности, особенности существования российского общества нашли отражение в рассмотренных языковых фактах.

Предложенные направления и формы использования РДС для расширения лингвокультурной компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык, не исчерпывают всех обучающих возможностей данного кинопродукта и синемапедагогики как таковой. Поэтому дальнейшее изучение этой проблемы представляется весьма перспективным.

Библиографический список

1. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. Братислава, 1999. С. 125–126.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [более 4500 слов и выражений]. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
3. Ускова А.И. Статус арго в английском языке и художественной речи: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: 2014. 174 с.
4. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. 302 с.
5. Елистратов В.С. Словарь русского арго // Электронный ресурс Интернет: http://russian_argo.academic.ru/.
6. Тодосиенко З.В. Семантическая деривация как важнейший механизм содержательной динамики языка (на материале русского и английского языков) // Фундаментальные исследования. 2014. № 5 (часть 3). С. 643–648.
7. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова // Электронный ресурс Интернет: <http://ozhegov.textologia.ru/>.
8. Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. А–Б. 408 с.

9. Краткий словарь криминального сленга (приложение к роману «В ходе ожесточенных боев») // Электронный ресурс Интернет: <http://samlib.ru/m/mazurin/slowarx.shtml>.

10. Кто такие «черные копатели» // Электронный ресурс Интернет: <https://ria.ru/spravka/20090622/175029418.html>.

11. Несветайло Ю.Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2010 // Электронный ресурс Интернет: <http://cheloveknauka.com/neologizmy-i-okkazionalizmy-kak-konstituenty-leksicheskogo-makropoly-sovremennogo-angliyskogo-yazyka>.

12. Фрайфельд Е.Б. Художественный фильм как средство профессионально-личностного развития студентов при изучении иностранного языка в высшей школе: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 257 с.

13. Маджидова Н.Х. Лингвокультурологический аспект обучения русскому языку в условиях формирования таджикско-русского билингвизма: Дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2011. 181 с.

Сведения об авторе

Фу Цзин

кандидат филологических наук,

преподаватель факультета русского языка

Сычуаньского университета иностранных языков

E-mail: fenger1205@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

В поисках Александра Улыбышева: обретенная мелодия

Г.Л. Гуменная, С.М. Фомин

Нижний Новгород

Рецензия на книгу: **Белоногова В.Ю. Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева. Н. Новгород: Кварц, 2016. 208 с.**

Нижегородская старина сегодня опять на пике научного интереса. Свидетельством тому книги нижегородских писателей, поэтов, краеведов, которые понимают, что история государства российского творилась не только в столицах, но и, как писал П. Вайль, на «дальней окраине русской культуры» [1. С. 411]. Одним из таких трудов стала замечательная книга Ивана Чуркина «Николенька» о детстве великого нижегородца Николая Александровича Добролюбова. Благодаря трогательным иллюстрациям она приближает личность выдающегося литературного критика и философа к поколению юных нижегородцев, которые находятся в поиске своего идеального героя.

Отдельного разговора требует уникальная книга Т.П. Виноградовой «Глазами очевидца. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года», изданная к 120-летию юбилею этого события российской истории, представленному глазами нижегородского публициста Василия Виноградова. Вот уже долгие годы Т.П. Виноградова открывает яркие и часто несправедливо забытые страницы нижегородской истории. Трудно переоценить книгу Т.П. Виноградовой «Нижегородская интеллигенция» и альбом «Царственно поставленный город Нижний Новгород в старой открытке», которые возвращают нам забытые пейзажи и имена, которыми гордились Нижегородская губерния и вся Россия.

Эту же задачу решает известный нижегородский ученый-филолог, писатель-краевед Валерия Юрьевна Белоногова, автор исследований, посвященных А.С. Пушкину, болдинскому феномену в российской истории, Нижнему Новгороду, который несправедливо

было бы считать только «карманом России» – столь велик его вклад в сокровищницу мировой культуры. В последней своей книге «Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева» В.Ю. Белоногова в мельчайших деталях изучает наследие этого великого гражданина Нижнего Новгорода, имя которого почти незнакомо большинству из его соотечественников. В лучшем случае нижегородец вспомнит, что где-то в центре видел мемориальную доску, посвященную его пребыванию в городе. Однако, как справедливо замечает исследователь, всякому посвященному понятен «негубернский масштаб» этого уникального человека, наследника двух великих культур: российской и западноевропейской. Обращаясь к биографии А.Д. Улыбышева как к «дополнительному смысловому ключу, позволяющему понять его личность и творчество» [2], она предлагает читателю оценить истинный масштаб человека, наделенного множеством талантов, уникальность личности поистине «ренессансной». Александр Улыбышев – выдающийся музыкант, театральный критик, талантливый дипломат, знавшей несколько иностранных языков, успешный землевладелец, «сильная личность», способная вопреки всему переломить судьбу и поменять столицы на нижегородские просторы. Эти его качества ценили как родные, так и великие современники, среди которых А.С. Пушкин, А. Мицкевич, А.С. Грибоедов, в разной степени причастные к частной и творческой судьбе героя книги В. Белоноговой. Так, М.А. Балакирев и М.И. Глинка по достоинству оценили музыкальный дар А.Д. Улыбышева, его энциклопедические знания в области культуры, музыки и театра, которые позволили ему написать широко известные монографические исследования, посвященные творчеству Моцарта и Бетховена.

Книга В.Ю. Белоноговой «Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева» вышла в декабре 2016 года в нижегородском издательстве «Кварц». Автор известна своими выступлениями по проблемам литературы и культуры в нижегородской печати и на радио, в журнале «Нижегородский музей», в столичном еженедельнике «Алфавит». Ее творчество стало популярным благодаря увлеченности материалом и живой, естественной манере подачи. Опыт музейной работы в Большом Болдине, нашедший отражение в книге «Болдинский ключ. С Пушкиным и без него» (2009), и в усадьбе Добролюбовых

сказывается во вьедливом, скрупулезном внимании к материальной культуре прошлых эпох. В.Ю. Белоногова обладает блестящей филологической выучкой, являясь наследницей корифеев литературоведения В.Э. Вацура и В.М. Маркович, преподававших на факультете журналистики Ленинградского университета, который она успешно окончила. В полной мере исследовательский талант автора «Забытой мелодии» сформировался в аспирантуре, в которой руководителем ее кандидатской диссертации был профессор Г.В. Краснов.

Среднестатистический нижегородец мало знаком с наследием своего именитого земляка, но имя А.Д. Улыбышева на слуху у всех, кто интересуется пушкинской эпохой и творческими связями А.С. Пушкина, у исследователей русской общественной мысли, у музыковедов, историков театра и филологов. Оно упоминается в многочисленных энциклопедиях и справочниках, но в то же время А.Д. Улыбышев долгое время оставался «знакомым незнакомцем», поскольку в его биографии обнаруживается много лакун и «белых пятен». Так, до сих пор не разрешена загадка его отставки на взлете блестящей карьеры в Министерстве иностранных дел. Нет единого мнения о месте его рождения – в отцовском ли имении, в нижегородском ли Лукине или в саксонском Дрездене, где при российской дипломатической миссии числился Дмитрий Васильевич Улыбышев. Нет и единого мнения о датах его рождения и смерти.

Долгое время основным источником биографических сведений об Улыбышеве был очерк замечательного знатока истории нижегородского края и одного из зачинателей нижегородского краеведения А.С. Гациского, который во многом опирался на информацию, полученную от родственников А.Д. Улыбышева. Книга В.Ю. Белоноговой отличается не только уважительным вниманием к трудам предшественников – А.С. Гациского, Г. Лароша, М. Аронсона и других, писавших об Улыбышеве, – но и стремлением поверить уже опубликованные материалы собственными архивными разысканиями. Это позволяет ей ввести в научный оборот новые источники из нижегородских и пензенских хранилищ: за «архивной строкой» скрывается ценнейшая информация о семье и улыбышевских имениях, располагавшихся на землях этих губерний. Изучены и обильно цитируются документы из архивов Дрездена и Москвы – городов, где длительное время жила семья героя книги, а также

архивов Санкт-Петербурга – города, где преимущественно издавались его литературные труды и где проходила дипломатическая служба.

Сделанные находки позволяют не только убедительно обосновать новые датировки важнейших событий жизни А.Д. Улыбышева, но и реконструировать атмосферу, сформировавшую его личность. Это годы учения будущего автора одной из первых в Европе монографий о творчестве Моцарта, которые пришлись на эпоху «бури и натиска» в Германии конца XVIII века. Это время царствования Александра I, когда кипели споры вокруг политики созданного императором после разгрома наполеоновского нашествия «двунадесяти языков» Священного союза, когда обществом овладела «зависть к Польше», которой государь даровал конституцию, тогда как метрополия ее не имела. Это та часть жизни А.Д. Улыбышева, когда он успешно строил карьеру дипломата, был завсегдатаем светских гостиных и театральных представлений, деятельным участником литературных собраний.

Заслугой В.Ю. Белоноговой является глубокий анализ сохранившихся в бумагах литературного общества «Зеленая лампа» статей А.Д. Улыбышева «Разговор Бонапарта и английского путешественника», «Письмо другу в Германию о петербургских обществах» и «Сон». В «Разговоре Бонапарта и английского путешественника» устами подставных персонажей дана оценка политической ситуации в Европе, возникает образ Наполеона, находящегося в ссылке на острове Святой Елены. Некоторая идеализация узника объяснима, поскольку политика Священного союза оказалась значительно более реакционной, чем наполеоновская. Характеристика эпохи Александра I, несмотря на сдержанные формулировки, дана сурово и метко. Деятельность Священного союза рассматривается как союз монархов против народов. В «Письме другу...» сказываются художественные интересы А.Д. Улыбышева, прежде всего к проблемам национального начала в искусстве.

Наиболее известным и часто упоминаемым в литературе текстом А.Д. Улыбышева является «Сон» («*Un rêve*»), поскольку он дает утопический образ будущего, в котором проявляются черты, характерные для либеральных дворянских мечтаний Александровского царствования, мечты об обществе, где господствуют законы, отнимающие у государя возможность злоупотреблять властью.

Анализируя сохранившиеся в бумагах «Зеленой лампы» автографы и рисунки А.С. Пушкина, В.Ю. Белоногова дает им новую атрибуцию: 17 апреля, «председательство члена Улыбышева» – надо полагать, изображен сам Улыбышев [3. С. 82].

В свое время А.Д. Улыбышев пользовался известностью и как автор литературно-критических статей в столичной периодике, и как драматург. Единственным опубликованным произведением Улыбышева-драматурга до последнего времени была его историко-бытовая драма в пяти действиях 1850 года «Раскольники», появившаяся в «Русском архиве» спустя почти тридцать лет после смерти автора. Рукописи нескольких написанных им пьес сохранились в петербургских и московских архивных фондах. Другие упоминаются в воспоминаниях современников и письмах. В большинстве своем это комедии и водевили, сочиненные для домашних спектаклей в салоне Улыбышева, который стал самым заметным явлением культурной жизни Нижнего Новгорода середины XIX века. В.Ю. Белоногова не только очерчивает контуры литературного и драматургического наследия А.Д. Улыбышева. Она останавливается на его пьесе «Вздохатель без денег», которая была издана в 2014 году Нижегородским государственным университетом в рамках проходившего в Нижнем первого фестиваля «Улыбышевские ассамблеи», посвященного 220-летию автора. Пьеса была поставлена на сцене Учебного театра Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева (курс Заслуженного артиста России, профессора А.В. Мюрисепа). Таким образом, в культурный и литературоведческий оборот введено неизвестное произведение одного из забытых драматургов пушкинской поры.

Завершается исследование В.Ю. Белоноговой описанием трагического финала жизни великого нижегородца, вынужденного по семейным обстоятельствам покинуть любимый дом на Малой Покровке и в 1858 году отправиться на вечный покой в родовое имение в Лукино. Финальные главы посвящены исследованию фамильного древа А.Д. Улыбышева после его ухода из жизни и до наших дней и попытке ответить на вопрос, почему столь талантливый нижегородский представитель российской интеллигенции был столь незаслуженно и несправедливо забыт.

Очевидно, что исследование В.Ю. Белоноговой – приглашение к более глубокому изучению наследия великого нижегородца, без

творчества которого общая картина российской культуры XIX века будет неполной, и залог того, что продолжение исследования биографии А.Д. Улыбышева и культуры России нижегородским ученым-краеведом не заставит себя ждать.

Библиографический список

1. Вайль П. Карта родины. М.: Независимая газета, 2003. 416 с.
2. Гинзбург Л. О старом и новом. Статьи и очерки. Л.: Советский писатель, 1982. 398 с.
3. Белоногова В.Ю. Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева. Н. Новгород: Кварц, 2016. 208 с.

Сведения об авторах

Гуменная Галина Львовна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: glgum6@gmail.com

Фомин Сергей Матвеевич
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: semafor1952@yandex.ru

ХРОНИКА

Дни славянской письменности и культуры в Нижнем Новгороде

Дни славянской письменности и культуры ежегодно проводятся в Центре славянских языков и культур НГЛУ. Для лингвистического университета они стали уже пятыми по счету и проводились 22–27 мая. Академические мероприятия, приуроченные к этим датам, традиционно отличались стремлением привлечь внимание к проблемам славяноведения не только специалистов и студентов, изучающих славистику, но и широких слоев современной молодежи, стремлением сделать их значимыми для культурной жизни города.

На научном заседании, посвященном открытию Дней славянской письменности, с докладами о жизни «русского Белграда» периода между двумя мировыми войнами в сербской (югославской) столице выступили ученые из Белградского университета (Сербия), с которым НГЛУ связывает договор о сотрудничестве. Профессор Бобан Чурич рассказал о духовной жизни русской белградской колонии, об истории строительства русского храма Святой Троицы на Ташмайдане и Иверской часовни, о таких значимых культурных фактах, как Съезд русских писателей и журналистов в 1928 году, визиты русских писателей-эмигрантов Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина и их выступления перед белградской публикой. Темой выступления профессора Ирины Антанасиевич стала история формирования комикса в югославской культуре и адаптации в комиксе русской классики. По ее наблюдениям, югославский комикс в период между двумя войнами – явление редкое и чрезвычайно интересное и для историков эмиграции, и для социологов и культурологов, изучающих механизмы влияния одной культуры на другую, и для историков искусства, исследующих комикс как графическое произведение, и для филологов, которых интересуют механизмы адаптации художественных произведений. Основы комикса Югославии заложили эмигранты из России (Юрий Лобачев, или Джордже Стрип, Николай Навоев, Сергей Соловьев, Константин Кузнецов, Алексей Ранхнер, Иван Шеншин). Можно считать, что русский комикс состоялся не в своем отечестве, а за его пределами. И состоялся не

только как эпизод югославской национальной истории комикса, но и как часть европейской традиции рисованного рассказа, которая не только представляет ныне популярную ветвь книжной индустрии, но и является особой культурой со сложившимися школами.

К началу Дней славянской письменности и культуры было приурочено открытие выставки **«Славистика в эмиграции: изучение и преподавание русского языка и литературы в странах русского послевоенного рассеяния»**, предоставленная Домом русского зарубежья им. А. Солженицына. Выставка стала большим событием не только для специалистов, изучающих отечественную культуру, но и для германистов, романистов, американистов. Многие русские эмигранты, оказавшись на чужбине, не только сохранили традиции русской культуры, но и основали исследовательские центры, создали собственные школы, набрали талантливых учеников, которые пропагандировали русский язык за пределами Родины.

Сегодня в каждом крупном университете мира можно встретить последователей Н. Трубецкого, Р. Якобсона, Д. Чижевского, Д. Святополка-Мирского, П. Бицилли и других замечательных отечественных ученых, которые помогли сохранить наследие великой культуры и сделали его понятнее для коллег за рубежом.

В рамках Дней славянской письменности и культуры проведено несколько заседаний круглых столов. Один из них стал естественным развитием и тематическим продолжением состоявшейся в НГЛУ в ноябре 2016 года международной конференции, посвященной многогранному наследию В.И. Даля, – **«В.И. Даль и современная филология»**. В ходе заседания профессор М.А. Грачев рассказал о деятельности В.И. Даля в Нижнем Новгороде, уделив особое внимание работе великого лексикографа над «Толковым словарём живого великорусского языка», *видению* Далем проблемы распространения грамотности среди крестьян. Собравшиеся просмотрели фильм «Работа В.И. Даля в Нижнем Новгороде», прослушали выступление студентки 1-го курса переводческого факультета Марии Фроловой «Маршрутами Даля». Для студентов факультета английского языка была проведена викторина «Знаете ли вы В.И. Даля?».

В ходе заседания круглого стола по **вопросам преподавания русского языка как иностранного** преподаватели кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации

Н.П. Дмитренко и Д.В. Мосова представили учебные пособия для начальной школы «Орфографическая тетрадь» и «Читаем вместе», созданные при финансовой поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина. Пособия являются частью реализации проекта «Стань своим в России», одержавшего победу среди вузовских команд в 2016 году. Руководитель проекта проф. С.Н. Аверкина рассказала об общей идее, целях и основных направлениях реализации проекта «Стань своим в России». Авторы учебных пособий, Н.П. Дмитренко и Д.В. Мосова, главной своей задачей видели помощь в освоении программы начальной школы по русскому языку и литературному чтению учащимся школ Российской Федерации, детям-мигрантам, для которых русский язык не является родным. В презентации пособий были отражены все аспекты, связанные с целевыми установками авторов, была продемонстрирована методика работы с каждым пособием. В заседании круглого стола участвовали представители Благотворительного фонда В. Потанина, представители МБОУ «Школа № 52», в которой создана поликультурная образовательная среда, студенты, будущая профессия которых связана с преподаванием русского языка как иностранного, зарубежные филологи-слависты, журналисты. Школьные учителя отметили острую нехватку учебных материалов для иностранных учащихся, осваивающих программу российской школы, подтвердили актуальность и необходимость представленных пособий в практике преподавания русского языка и литературы в начальных классах. Авторы пособий выразили искреннюю благодарность Благотворительному фонду В. Потанина и волонтерам – студентам факультета английского языка Ольге Дубовской, Алене Спириной и Елене Шевченко за помощь в реализации проекта.

Большой интерес вызвал международный круглый стол «**Иосиф Бродский в переводах и автопереводах**». Известно особое отношение Бродского, лауреата Нобелевской премии, к языку, на котором он создавал свои произведения. Поэт сравнивал себя с «двуглавым орлом», обращенным в равной мере к русскому и английскому языкам. Доцент кафедры английского языка переводческого факультета А.С. Волгина выступила с докладом о переводческих принципах И. Бродского и их становлении в процессе

авторизации поэтом английских переводов его стихотворений. Материалом исследования послужили две англоязычные версии цикла И. Бродского «Часть речи» – изначальная, выполненная Д. Уэйсбортом, и окончательная, опубликованная как автоперевод. Сравнительный анализ этих текстов позволяет сделать вывод о ключевых моментах оригинального текста, наиболее важных для автора, и о глубинных личностных смыслах, актуализированных поэтом в процессе авторизации поэтических переводов.

Профессор Задарского университета (Хорватия) Рафаэла Божич рассказала о переводах поэзии Бродского на хорватский язык, а профессор Литературного института им. М. Горького Е.М. Солонович (Москва) – о личных встречах с поэтом и его отношении к итальянским переводам его стихов.

Круглый стол **«Проблемы художественного перевода»** проходил в стенах Литературного музея М. Горького и привлек к себе внимание не только студентов и преподавателей лингвистического университета, профессионально интересующихся поставленной проблемой, но и более широкий круг любителей поэзии. Выступившие на заседании поэт, переводчик с итальянского языка, профессор Е.М. Солонович и профессор римского университета «Сапиенца» (Италия), переводчица современной русской поэзии на итальянский язык Клаудиа Скандура единодушно отметили, что специфика перевода стихотворного текста заключается в необходимости переводить с одного *поэтического* языка на другой *поэтический* язык. К. Скандура, познакомившая итальянских читателей с поэзией Сергея Гандлевского, Тимура Кибирова, Елены Файналовой и других современных авторов, рассказала присутствовавшим о своих встречах с поэтами, о своем знакомстве с таким классиком советской литературы, как Вениамин Каверин. Она представила собравшимся также свою последнюю работу – только что вышедший из печати перевод произведения Т. Кибирова «Лада, или Радость: хроника верной и счастливой любви».

Е.М. Солонович рассказал о своей работе над переводами поэзии Данте Алигьери, Фр. Петрарки, Э. Монтале, других итальянских поэтов. Особо он выделил свою работу над книгой стихов поэта XIX века Дж.Дж. Белли, открытого для европейской литературы Н.В. Гоголем. Белли писал сонеты на римском диалекте,

его поэзию отличает замечательное чувство юмора, интерес к пестрому миру современного ему города. Второе издание переводов из Белли вышло в 2015 году и уже разошлось среди читателей. Выступление закончилось чтением собственных стихов докладчика. Некоторые из них, например «Переводя Монтале», послужили яркой иллюстрацией процесса переводческого творчества.

В рамках Дней славянской письменности и культуры профессор Рафаэла Божич прочитала студентам-филологам лекцию «Переводы русской поэзии на хорватский язык». Лектор анализировала переводы Пушкина и Фета, обращая внимание на трудности перевода с близкого славянского языка, приводя примеры образцовых переводов, сделанных хорватскими поэтами, и примеры из собственной переводческой практики.

Преподаватели и студенты НГЛУ приняли активное участие в **Фестивале славянских культур**, который прошел в Парке 1-го мая. Тиана Мирич (преподаватель сербского языка Центра славянских языков и культур НГЛУ) провела мастер-класс по изучению сербского языка. Д.В. Мосова провела мастер-класс по русскому языку как иностранному. Мастер-классы проводились на открытой площадке парка, чтобы все желающие могли свободно присоединиться к занятию: оценить специфику родного языка, богатство славянской культуры, многообразие родственных языков.

Доцент С.Н. Переволочанская рассказала гостям фестиваля о солунских братьях Кирилле и Мефодии, создателях славянской азбуки. Она предложила присутствующим викторину, посвященную началу славянской письменности. Студенты НГЛУ познакомили аудиторию с тем, как звучали тексты на старославянском языке. Они прочитали притчи по-старославянски под аккомпанемент гуслей, воссоздав тем самым атмосферу родной старины.

Реализация широкой и разнообразной программы Дней славянской письменности и культуры стала возможной при поддержке правительства Нижегородской области и администрации Нижнего Новгорода, культурных и образовательных учреждений города и области. Накопленный опыт сохранится в дальнейшей организации работы Центра славянских языков и культур НГЛУ.

С.Н. Аверкина, Г.Л. Гуменная, А.Г. Калинина

Международный молодежный форум антинаркотической направленности «Молодежь выбирает жизнь!»

С 10 по 13 мая 2017 года впервые в Нижнем Новгороде прошел международный молодежный форум антинаркотической направленности «Молодежь выбирает жизнь!», участниками которого стали более 4500 студентов вузов Российской Федерации и других стран мира.

Форум организован Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н.А. Добролюбова при поддержке Министерства образования и науки РФ

Генеральными партнерами мероприятия выступили Министерство образования Нижегородской области, Совет ректоров вузов Нижегородской области, Межвузовская антинаркотическая комиссия при Совете ректоров вузов Нижегородской области, УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области, НРО ООО «Спортивная Россия», Нижегородская государственная медицинская академия.

Очень насыщенная программа форума объединила разнообразные мероприятия, направленные на формирование антинаркотического иммунитета студенческой молодежи.

10 мая на площадках 21 вуза Нижегородской области при активном содействии представителей УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области состоялась презентация лучших практик образовательных организаций высшего и среднего образования по проведению мероприятий антинаркотической направленности в студенческой среде. В НГЛУ прошла встреча Интернационального дискуссионного клуба, собравшая для обмена опытом около 80 российских и иностранных студентов.

11 мая в зале Нижегородского академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина на торжественном открытии форума собрались более 1100 студентов вузов Нижегородской области, других регионов РФ и стран мира. С приветственным словом к участникам мероприятия обратились: председатель Совета ректоров вузов Нижегородской области, член Общественного совета при ГУ МВД России по Нижегородской области Р.Г. Стронгин, митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, заместитель министра образования Нижегородской области В.Г. Шахназаров, заместитель

начальника ГУ МВД России по Нижегородской области генерал-майор внутренней службы С.В. Евсеев, начальник Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Нижегородской области С.Е. Земсков.

В рамках пленарного и секционных заседаний конференции по проблемам популяризации здорового образа жизни и формирования антинаркотического иммунитета в молодежной среде участники форума обсудили вместе с экспертами самые острые вопросы. Прозвучали многочисленные доклады представителей различных учебных заведений и специалистов, основанные на научно достоверных данных и подтверждающие ответственность каждого молодого человека за свою жизнь и тот выбор, который он осуществляет ежедневно в условиях многочисленных факторов риска.

В тот же день на Нижне-Волжской набережной г. Нижнего Новгорода состоялся молодежный флешмоб по популяризации спорта и здорового образа жизни, получивший широкий общественный резонанс и самое широкое освещение в региональных и федеральных СМИ.

12 мая на базе Нижегородского государственного лингвистического университета работали два круглых стола: круглый стол по презентации научных исследований массового сознания современной молодежи под руководством профессора Е.П. Савруцкой и круглый стол по обсуждению психологических проблем молодежи под руководством профессора Г.В. Сорокоумовой. По откликам участников, данные мероприятия вызвали самые оживленные дискуссии по указанным проблемам.

Форум завершил работу 13 мая презентацией и обсуждением итогов на круглом столе. Его участниками стали представители студенческих объединений НГЛУ, иногородние и иностранные участники форума, которые единодушно дали самую высокую оценку всем мероприятиям и организатору форума – Координационному совету органов студенческого самоуправления НГЛУ, воплотившему свои идеи благодаря поддержке Программы развития деятельности студенческих объединений НГЛУ на 2017 г. Министерством образования и науки РФ.

Ж.В. Никонова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 38

Редакторы: Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 26.06.2017

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 14,1875

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а